

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2014

№ 5 (31)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Полный «Перечень...» (редакция: 26 марта 2010 г.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Могильницкий Борис Георгиевич**, д-р ист. наук, проф. Томского государственного университета; **Мерлин Од**, доктор политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбаев Жарас Акишевич**, д.и.н. проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, к.и.н., гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой востоковедения; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Mogilnitsky Boris G.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History, Tomsk State University; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbaev Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Sheve-lyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет	4
Ваганов А.А. Горнозаводские музеи Урала в дореволюционный период	11
Карнишина Н.Г. Государственно-церковные отношения в России во второй половине XIX в.	16
Щавинская Л.Б. Роль купечества в строительном деле г. Томска во второй половине XIX – начале XX в.	23
Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в 1907–1914 гг.: характер, этапы, значение	27
Анненков И.А. Определение уровня научного обеспечения производства на заводе русского общества «Всеобщая компания электричества» в 1915–1918 гг. посредством номенклатурного анализа выпускаемой продукции	33
Юшников А.В. Влияние интеллигенции на формирование антибольшевистской идеологии в Сибири в годы Гражданской войны (на примере публицистической деятельности И.И. Аносова)	38
Куренков А.В. Томский губернский исполнительный комитет: создание, структура, полномочия (1920–1925 гг.)	43
Казиев С.Ш. Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.)	51
Печерский В.А. Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны	57
Кан В.С. Идеологическая подготовка вхождения Тувы в состав СССР: роль и участие СМИ	66
Сарычева Т.В. Организация внеучебных форм физкультурно-массовой и спортивной работы в вузах Западной Сибири (на примере г. Томска в 1945–1991 гг.) ...	70
Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание Комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.)	78
Щербин Н.М. Изменение социальной структуры населения и трудовых ресурсов деревни Новосибирской области в 1957–1964 гг.	87
Авдашкин А.А. Этнокультурная политика региональных органов власти (на примере Челябинской области в 1989–1993 гг.)	92

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Андронов И.Е. Себастьян Франк как историк Церкви	98
--	----

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Бейсенов А.З. Кинжал с зооморфным декором сакского времени из Центрального Казахстана	103
Герман П.В., Савельева А.С. Рудознатец Дмитрий Попов и чудские копи: к вопросу о древних рудных выработках в Северо-Восточном Присалаирье	108

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ижендеев А.Ю. Рецензия: Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с. 500 экз.	115
Баяндин В.И., Запороженченко А.В. Конференция «Сибирь и войны XIX–XX веков» (г. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.)	116

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119
---------------------------	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Dameshek L.M., Dameshek I.L. Siberian General-Governors: a social portrait	4
Vaganov A.A. Mining museums in Ural before the Revolution	11
Karnishina N.G. State and church relations in Russia in second half of XIX century	16
Shchavinskaya L.B. The merchants' role in the construction industry in Tomsk in the second half of XIX – early XX centuries ...	23
Afanasyev A.L. Temperance movement in Russia in 1907–1914: characteristics, stages, significance	27
Annenkov I.A. Determining the level of scientific maintenance of production at the Russian company "Universal electricity company" in 1915–1918 years by nomenclatural analysis of the products	33
Yushnikov A.V. The influence of intelligentsia on the formation of anti-Bolshevik ideology in Civil War time Siberia (on the example of journalistic activities of I.I. Anosov)	38
Kurenkov A.V. Tomsk provincial executive committee: establish, structure, powers (1920–1925)	43
Kaziev S.Sh. Basic national policy of the Soviet state in Kazakhstan (1920–1929 years)	51
Pecherskiy V.A. Linear courts and military tribunals in East Siberia during the Great Patriotic War	57
Kan V.A. Ideological preparation of occurrence of Tuva in structure of the USSR: role and participation of mass media	66
Sarycheva T.V. The organization of extracurricular physical cultural and sport mass work in higher institutional establishments (HIE) in Western Siberia (HIE of Tomsk, 1945–1991)	70
Raschesova M.V. Origins of cooperation between the german and soviet historians. establishment of the commission of the USSR and GDR historians (1949–1961)	78
Shcherbin N.M. Change of the social structure of the population and labor resources of the village of the Novosibirsk region in 1957–1964's	87
Avdashkin A.A. Ethnocultural policy regional authorities (on materials Chelyabinsk region in 1989–1993)	92

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Andronov I.E. Sebastian Franck as Church Historian	98
--	----

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Beisenov A.Z. Dagger with the zoomorphic decor of the sak time from the Central Kazakhstan	103
German P.V., Savel'eva A.S. Prospector Dmitry Popov and ancient ore mines: to the problem of ancient ore mines in Northeast Salair foothills	108

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Izhendelev A.Yu. Review: Dmitrienko N.M. Tomsk merchants: biographical glossary (the second half of the XVIII century – beginning of the XX century). Tomsk : Publishing house Tomsk university, 2014. 336 p.	115
Zaporozhchenko A.V., Bayandin V.I. «Siberia and Wars of the XX Centurie» conference (Novosibirsk, on June 8–10, 2014)	116

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119
-------------------------------------	-----

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(470) «18/19»

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС СИБИРИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Рассматриваются возникновение и развитие генерал-губернаторской власти в Сибири в XIX в. Дается социальный портрет (возраст и сроки пребывания в должности, карьера после отставки, участие в боевых действиях, дипломатическая и иного рода служба до назначения, сословное происхождение, обладание титулами, образование, имущественное положение и размеры жалования) генерал-губернаторов Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; управление; власть; генерал-губернаторы; социальный портрет.

Возникновение генерал-губернаторской власти как политической силы непосредственно связано с тотальной системой государственных преобразований и первой областной реформой Петра I в частности, важнейшей задачей которой стало выстраивание эффективной вертикали власти на всей территории складывающейся империи. С первых десятилетий своего существования она, наряду со столицами, получает «прописку» на окраинах государства, заселенных в значительной степени нерусскими народами. Сама основа этой системы управления базировалась на рационалистической идеологии полицейского государства, предусматривающей регламентацию всех сторон жизни общества. Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти приходится на вторую половину XVIII в. и связано с губернской реформой императрицы Екатерины II. Для управления губерниями был создан институт государственных наместников, или генерал-губернаторов, которым непосредственно подчинялись правители губерний, т.е. губернаторы. В ведении наместника обычно находились 2–3 губернии, а всего страна была разделена на 20 наместничеств. Новая система в значительной степени способствовала децентрализации управления, поскольку в генерал-губернаторствах была образована сложная система учреждений, в то время как в столице, в Сенате, был сосредоточен лишь общий надзор. Генерал-губернаторы были носителями монаршей воли, обладали необъятными полномочиями, вплоть до ведения вопросами внешней политики, поэтому их личности заслуживают специального исторического анализа. В статье дан обобщенный социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Сибири.

Основным источником для исследования послужили опубликованные формулярные списки гражданских чинов и генералов России, а также биографические сведения о генерал-губернаторах, сохранившиеся в фондах местных и центральных архивов. Основным методом исследования явился сравнительно-исторический.

Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории: уголовная,

гражданская, казенные палаты, он отвечал за организацию казенных сборов, рекрутские наборы и т.д. Генерал-губернаторам пограничных территорий особо поручалось «бдение от соседей». Изначально все «государевы наместники» были обязаны лично представлять императрице ежегодные отчеты («рапорты») о «благополучном состоянии губерний, о спокойствии и безопасности в них, и о всех чрезвычайных, важных и примечания достойных происшествиях... ежемесячно». При этом Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И.В. Якоби из-за отдаленности было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялось 15 000 руб. в год. Со времени Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно. Потенциальный генерал-губернатор был, как правило, лично хорошо известен императору, вполне доказал свою политическую благонадежность и преданность идеалам монархии.

Кроме того, немалое значение придавалось послужному списку кандидата. Генерал-губернатор являлся не кем иным, как представителем самого императора на конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Эта ситуация была неизменной на протяжении двухсот лет существования генерал-губернаторской власти. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае».

В ходе введения института наместников, впоследствии генерал-губернаторов, в деятельности генерал-губернаторов окраинных территорий можно наблюдать специфические обязанности, которых не было у их коллег из внутренних губерний империи. Большая часть этих функций вытекала из особенностей экономического развития и геополитического положения этих регионов. Возникнув в период Петровских преобразований преимущественно как административно-

хозяйственная, к началу эпохи «великих реформ» генерал-губернаторская власть приобрела чрезвычайный политический характер. Она не прижилась в Европейской части страны, но получила дальнейшее развитие на окраинах, в местностях, на особом положении управляемых. В соответствии с теорией «местных особенностей» в середине XIX в. к таковым были отнесены губернии сибирские, Оренбургская, кавказские, Новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Отмеченные особенности географии генерал-губернаторской власти в империи не являются случайными. Нам уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. Характерными чертами этого процесса были его полиэтничность и многовариантность вхождения окраинных земель в состав России. Эти обстоятельства и порождали особенности местного управления. Наступление же русской цивилизации на данной окраине приводило к отмиранию самой идеи особых правил для конкретной территории. Однако на новых землях «особенные» порядки устанавливались вновь. Во внутренней политике империи можно отчетливо наблюдать стремление к административно-финансовой унификации, с одной стороны, и необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин государства – с другой. Способность российской государственности учитывать эти «своеобразия» в практике административно-территориального устройства, законодательстве, конфессиональной политике обеспечивала не только эффективность и устойчивость имперского механизма управления, но, в конечном итоге, и само существование империи как таковой.

За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 г., Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывали соответственно 19 и 9 человек. Произведя необходимые расчеты, увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Это показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917 гг.) – 6 лет, в Туркестанском (1867–1917 гг.) он был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинных генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 лет, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А.С. Лавинский, В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев, М.С. Корсаков и А.Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд и П.Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-

губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И.И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф.Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н.В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А.С. Меншикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.) Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Источники зафиксировали лишь один такой факт, связанный с именем А.С. Сулимы, который пробыл генерал-губернатором Восточной Сибири всего 9 месяцев, но затем был переведен на аналогичную должность в Западную Сибирь. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий [1. С. 88] не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например 1879–1881, 1905–1907 гг., в России учреждаются временные генерал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала, что соответствовало 3-му и 2-му классам Табели о рангах. В Восточной Сибири служили три штатских генерал-губернатора: А.С. Лавинский (1822–1833 гг.) имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера – имел М. Князев (1910–1916 гг.). Лишь последний иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Эти цифры вполне коррелируются с общероссийскими показателями. Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь пять человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: так, Сулима в 1834 г. был переведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Игнатьев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-

губернатором. Службу в армии продолжил Капцевич – в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 человек, Сенат – 3 человека, или иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем Востоке, в Степных и Туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. К сожалению, не все послужные списки сохранились до наших дней. Тем не менее из оставшихся из них видно, что генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы, особенно первой половины XIX в., отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных компаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич (1822–1827 гг.) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2-й и 3-й степеней и золотой шпагой с бриллиантами. Его приемник на этом же посту И.А. Вельяминов (1827–1834 гг.) за «отличия» в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Активным участником борьбы с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири А.С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, Кенигсбергом, Дрезденом, Лейпцигом, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н.С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галерее героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С.М. Броневский сражался в 1804–1805 г. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П.Д. Горчаков отличился в Русско-шведской войне в 1808–1809 гг., сражении под Рушуком в Молдавии в 1810 г.; В.Я. Руперт участвовал в Русско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в гу-

бернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией.

Таким образом, можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Исключением является С.М. Броневский, который до своего назначения генерал-губернатором в 1834 г. прослужил ряд лет на разных должностях в Сибирском казачьем войске, в отдельном Сибирском корпусе и в 1825 г. даже ревизовал канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири. Отмечая заслуги Броневского в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири, Московское общество сельского хозяйства дважды, в 1822 и 1835 гг., наградило его специальной медалью за «усовершенствование сельского хозяйства» и открытие в г. Омске школы земледелия.

Отсутствие административного опыта многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Не случайно Руперт еще до своей отправки в Сибирь предложил «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление», губернаторов впредь назначать из генерал-майоров, а окружных начальников, полицеймейстеров и заседателей – из штаб- и обер-офицеров [2. С. 107]. Между тем при приоритете военно-политических задач административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора. Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников, становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Незнание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките. Известный сибирский мемуарист этого времени нижеудинский исправник М. Геденштром пишет о «широком произволе» принимаемых генерал-губернаторами решений, нежелании последних считаться с чьим-либо иным, пусть даже правильным мнением [3].

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее назначение генералов на генерал-губернаторские должности продолжалось и во второй

половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н.Н. Муравьев был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М.С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д.Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил радомским губернатором, П.И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. был нижегородским губернатором; А.Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Н.П. Казнаков до назначения в Сибирь был киевским военным и гражданским губернатором, реформированием системы податей и сборов в качестве офицера Генерального штаба пришлось заниматься Г.В. Мещеринову.

Наряду с вышесказанным следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России, – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на дальневосточных и среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Ниже мы подробно коснемся этой специфической особенности деятельности сибирских генерал-губернаторов. Сейчас же отметим, что некоторые из них своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, уже упоминавшийся Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 30-х гг. XIX в. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже – послом в Тегеране. В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX в. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А.П. Игнатьев и П.А. Фредерикс, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд. Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемый период сибирскими генерал-губернаторами служили лица, имевшие немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности.

Аналогичную картину можно наблюдать и в «соседнем» Приамурском генерал-губернаторстве. Сохранились послужные списки пяти из шести генерал-губернаторов этого региона. Из их анализа видно, что четверо из пяти в том или ином отношении не были новичками на служебном поприще, имея опыт пребывания на различных руководящих должностях еще до своего назначения генерал-губернаторами. Так, Духовский был военным губернатором Эрзерумской области, Субботич – Закаспийской, Гондатти – Сыр-Дарьинской. Кроме того, Гродеков и Гондатти хорошо знали край еще до своего назначения. Первый ряд лет служил помощником Приамурского генерал-губернатора и в этом качестве ревизовал о. Сахалин, а Гондатти заведовал переселенческим отделом в Приамурье. Любопытно, что карьеры Духовского и Гродекова не завершились на Дальнем Востоке. Позже они оба продолжили службу в качестве генерал-губернаторов Туркестана.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти столетнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый – Н.Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23%. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Сохранившиеся формулярные и послужные списки свидетельствуют, что, как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже – специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатьев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков – получили домашнее образование. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII – начале XIX в. К нему не следует относиться скептически, хотя, по мнению исследователей, оно уступало систематическому курсу гимназий. Немало зависело от подбора учителей и программы обучения, составлявшихся, как правило, индивидуально. Так, например, домашнее образование получил П.С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из крупнейших экономистов Европы [4. С. 39].

К сожалению, национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в

данном случае выступать в качестве критерия, поскольку они отнюдь не иллюстрируют связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Тем не менее отметим, что подавляющее большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии, например католицизм, или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Однако лишь в единичных формулярных списках содержатся сведения о движимом и недвижимом имуществе, принадлежащем генерал-губернаторам на правах собственности. Поэтому для надежных выводов в данном случае нет основания. Однако не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и, тем более, в начале XX в. не было редкостью. Тем не менее в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие охарактеризовать источники доходов этих высокопоставленных слуг государства. Основанием для таких суждений являются штатные расписания, которые довольно точно фиксируют основные статьи расходов на содержание генерал-губернаторов, именные указы о назначении на должность, о персональных надбавках к денежным выплатам, иные документы. В Европейской России на первом месте по размерам бюджета были Санкт-Петербургское и Московское генерал-губернаторства. В среднем на одну штатную единицу там приходилось 1 700 руб. бюджетных ассигнований. В остальных генерал-губернаторствах этот показатель был значительно ниже. Следует также отметить, что во всех генерал-губернаторствах Азиатской России сметой предусматривалось от 5 000 до 10 000 руб. на экстраординарные расходы.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с «Учреждением для управления Сибирских губерний». В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например, жалование советника Главного управления составляло 3 000 руб. в год, столоначальника – 1 500 руб., советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь того же губернского правления – всего 280 руб. [5. Л. 2–3]. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалования по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников (деньги на наем жилого помещения), генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставлением им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставший впоследствии известным как «Белый дом». После перенесения столицы западносибирского генерал-губернаторства из Тобольска в

Омск в 50-х гг. XIX вв. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно уточнение, касающееся статьи «жалование» генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которого четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10 000 руб. в год, 12 000 руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный годовой доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в. определялся более чем в 22 000 тыс. руб. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалование подчиненных генерал-губернатора. В то же время следует отметить, что на практике жалование по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственными источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т.е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые «на обзаведение» или «прогонные» (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Эта практика была весьма распространена в первой половине XIX в., но ее рецидивы можно наблюдать и в последующий период сибирской истории. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И.Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...». Надо сказать, что надежды Пестеля оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. руб. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату долга [6. С. 374]. В 1837 г. В.Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10 000 руб. на уплату долгов и еще 10 000 для проезда в Иркутск [7. С. 45; 8. Л. 1–18]. М.С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10 000 руб. [7. С. 344]. Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность «главного начальника края». Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Введенное «Сибирским учреждением» 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А.И. Дюгамель,

будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 000 руб. в год, а уже упоминавшемуся М.С. Корсакову (1861–1871) было решено платить существенно больше – 23 000 руб. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н.Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалования по чину – 1 394 руб. 25 коп., жалования по званию генерал-губернатора – 2 802 руб., столовых – 3 396 руб. 72 коп., на разъезды – 1 715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему – 15 000 руб. Итого – 24 308 руб. 37 коп. [7. С. 226]. Оно вполне сопоставимо с жалованием его приемника на этом посту М.С. Корсакова с той лишь разницей, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М.С. Корсакова составляло: по чину – 1 017 руб., по званию – 2 082 руб., столовых – 3 362 руб. 40 коп., добавочного содержания – 14 700 руб. и 1 715 руб. 40 коп. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23 000 руб. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2 000 руб. в год. Таким образом, несмотря на определенные различия, размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имени вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для примера 1860–1870-е гг. В это время генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов (1866–1875 гг.) получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора – 10 000 руб., добавочное – 3 503, столовых – 2 802 и по званию командующего войсками – 1 356 руб. Итого – 17 661 руб. [9. С. 303]. Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861–1871) – в этот же период получал жалование по чину – 1 356 руб., по званию генерал-губернатора – 2 802 руб., прибавочного содержания – 14 700 руб., на разъезды – 1 715 руб. 40 коп., столовых – 3 362 руб., пенсии – 2 000 руб. Итого – 25 935 руб. [9. С. 388]. Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, Тобольский гражданский губернатор (1862–1867 гг.), действительный статский советник А.В. Виноградский получал всего 2 687 руб., в том числе: жалования – 1 400 руб., столовых – 600 и квартирных – 687 руб. [10. С. 336]. Томский гражданский губернатор (1868–1871), действительный статский советник Н.В. Родзянко, имевший знак отличия за

безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., получал существенно больше – 8 032 руб. (в том числе жалования и столовых по 1 716 руб., прибавочного – 2 000, арендных – 1 200 и квартирных – 120 руб.). У военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н.П. Дитмара (1864–1874) оно составляло 4 000 рублей – по 2 000 жалования и столовых соответственно [11. С. 740].

В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков получал жалование в размере 20 158 руб., в том числе 3 000 руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его коллеги из Восточной Сибири барона П.А. Фредерикса составляло 23 856 руб. При этом он не получал пенсии и добавочного жалования, однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19 000 руб. К этому добавлялись 1 356 руб. – жалование по чину и 3 500 – столовых [12. С. 316, 459]. Для сравнения: именным указом от 4 января 1885 г. А.П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19 000 руб. в год [13. Л. 2]. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованием.

Таким образом, можно заключить, что разница годичного содержания высшей сибирской администрации и более низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалование представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего, это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одними из определяющих факторов здесь являлись сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Приведенные данные о генерал-губернаторах позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Прежде всего, отметим, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имели значительный опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В Российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, орга-

низация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991.
2. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика самодержавия в первой половине XIX в. Омск, 1995.
3. Геденстром М.И. Отрывки из Сибири. СПб., 1830.
4. Мironenko С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 81.
6. Бумаги Пестеля // Русский архив. 1875. № 4.
7. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1996.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 1845.
9. Список генералам по старшинству. СПб., 1867.
10. Список гражданским чинам IV класса. СПб., 1859.
11. Список генералам по старшинству. СПб., 1866.
12. Список генералам по старшинству. СПб., 1875.
13. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 123.

Dameshek Lev. M., Dameshek Irina L. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshkek@gmail.com

SIBERIAN GENERAL-GOVERNORS: A SOCIAL PORTRAIT.

Keywords: Siberia; governance; power; general-governors; social portrait.

The general transformation of the governmental system and the first regional reorganization by Peter the Great in particular led to the establishment of the Governor-General power as a political force. Being established in the capitals, within the first decades it was already spread to remote areas populated largely by non-Russians. This governmental system was based on the rationalist ideology of the police state which required a regulation of all aspects of public life. The further institutionalization of Governor-Generals' power was accomplished in the second half of the XVIIIth century within the framework of the province reorganization by the Empress Catherine the Great. To govern the provinces, the corps of State Governors or Governors-General was established to whom the governors of the provinces, i. e. Governors, reported directly. 2 or 3 provinces were under the State Governor's jurisdiction whereas the whole territory of the country was divided into 20 regions ruled by Governors-General. Under Governor-General's authority were the most important institutions of the governorship: criminal, civil, treasury chambers. He was responsible for the arrangement of state taxes, recruitment, etc. The Governor-General of a boundary territory was held responsible for frontier problems. A candidate for the Governor-General's position was usually well known to the Emperor personally, he had to prove his political loyalty and dedication to the ideals of the monarchy. Priority was assigned to the candidate's service record. The Governor-General was none other than a representative of the Emperor in a particular area, who carried on the Emperor's policy and ideology. This state of affairs did not change for two hundred years of the Governor-Generals' power. Once the institute of Governors (later Governors-General) was established, the Governors-General of boundary territories performed some specific duties caused by peculiarities of economic development and geopolitical situation. The power of Governors-General was administrative during the reformations by Peter the Great whereas at the beginning of the period of "great reforms" it was politicized. From 1822 to 1887 in the Governorates General of Eastern Siberia (from 1887 to 1917 in Irkutsk) 19 candidates were appointed to the position of Governor-General and in the Governorates General of Western Siberia (1822–1882) 9 candidates were appointed to the position of Governor-General.

REFERENCES

1. Shumilov M.M. *Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50-kh – nachale 80-kh gg. XIX v.* [Local authorities and the central government in Russia in the 50-s – early 80-s of the 19th century]. Moscow: Prometey Publ., 1991. 218 p.
2. Remnev A.V., Tolochko A.P. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika samoderzhaviya v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the autocracy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University Publ., 1995. 251 p.
3. Hedenström M. M. *Otryvki o Sibiri* [Excerpta about Siberia]. St. Petersburg., 1830.
4. Mironenko S.V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX veka* [Autocracy and reforms. The political struggle in Russia in the early 19th century]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 240 p.
5. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 10. File 81. (In Russian).
6. Bumagi Pestelya [Pestel's Papers]. *Russkiy arkhiv*, 1875, no. 4.
7. Matkhanova N.P. *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka. V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governor-Generals of Eastern Siberia in the mid 19th century. V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amurky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1996. 425 p.
8. The Russian State Historical Archive [RGIA]. Fund 1349. List 4. File 1845. (In Russian).
9. *Spisok generalam po starshinstvu* [The list of Generals in order of precedence]. St. Petersburg, 1867.
10. *Spisok grazhdanskim chinam IV klassa* [The list of Class IV civil ranks]. St. Petersburg, 1859.
11. *Spisok generalam po starshinstvu* [The list of Generals in order of precedence]. St. Petersburg, 1866.
12. *Spisok generalam po starshinstvu* [The list of Generals in order of precedence]. St. Petersburg, 1875.
13. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 12. File 123.

ГОРНОЗАВОДСКИЕ МУЗЕИ УРАЛА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Развитие заводов и рудников на Урале в XIX в. потребовало исследования минералогических богатств края. Многочисленные исследования приводили к появлению богатых минералогических коллекций. Эти коллекции, в свою очередь, систематизировались и превращались в музеи. Чаще всего такие коллекции возникали при горных заводах и рудниках. Самыми значительными коллекциями обладали музеи в Нижнем Тагиле, Златоусте и Кыштыме, а также музей профессора Федорова. В статье прослеживается история развития музеев при горных заводах на Урале с XIX по начало XX в.

Ключевые слова: музей; завод; коллекция; минералы.

Дореволюционные музеи на Урале сыграли важную роль в повышении общеобразовательного и культурного уровня местного населения, способствовали подъему краеведческой и благотворительной деятельности, являясь существенным фактором активизации общественной жизни в регионе. Вместе с тем факторы, повлиявшие на становление и развитие музеев на территории Урала, исследованы недостаточно. Слабо изученным остается развитие горнозаводских музеев. Целью данной статьи является описание истории развития музеев при горных заводах на Урале с XIX по начало XX в.

Самыми ранними музеями на Урале стали музеи, возникшие при горных заводах и рудниках ещё в начале XIX в. Информацию о них сегодня можно найти в архивах и немногочисленных монографиях, описывающих историю горнозаводского дела на Урале. В 1841 г. в Нижнем Тагиле был открыт музей кунсткамерного типа. Его созданию предшествовала заводская выставка, организованная к приезду в 1837 г. на Тагильские заводы цесаревича Александра II. В неё входили заводские изделия и модели. Размещена эта выставка была в трех комнатах в корпусе воздушной печи на Нижнетагильском заводе.

Одновременно с организацией выставки было отдано распоряжение о создании «музеума искусств» при новом заводууправлении. Позднее его стали именовать «музеум естественной истории и древностей» и зачислили в штат наряду с другими заведениями при заводах. 6 июля 1891 г. по распоряжению Правления Нижнетагильских заводов был учрежден «Горнозаводский музей Нижнетагильских и Луньевских заводов». В отличие от своего предшественника он стал публичным, хотя вход в него был по-прежнему ограничен. Систематизированный и пополненный новыми коллекциями музей был переведен в специально устроенное для него помещение в здании бывшего Авроринского приюта (ул. Фрунзе, бывш. Максимилиановская). Музей находился под наблюдением управителя завода. Его смотрителем был назначен Григорий Иванович Грибсков. В обязанности смотрителя входило наблюдение за порядком и чистотой, разъяснение посетителям музея по всем экспонатам и ведение записи посетителей в журнале.

К 1906 г. в музее, судя по сохранившемуся каталогу за этот год, числилось 579 экспонатов, расположенных по четырем разделам: «Медь», «Железо», «Разные вещи» и «Коллекции». В основном в музее к этому времени хранились образцы заводского производства на разных его этапах, готовые изделия, а также орудия труда кричных мастеров, старателей и горняков. В разделе «Разные вещи» демонстрировались экспонаты, связанные с историей Нижнетагильских заводов и их владельцев Демидовых. Интересным было и само музейное оборудование: чугунные и железные витрины, вылитые из чугуна объяснительные записки. Особенностью музея являлось наличие в его фондах большой художественной коллекции. Ее формирование было тесно связано с коллекционированием заводчиков Демидовых. В описи имущества А.Н. Демидова в значительном количестве фигурируют произведения искусства – картины, скульптуры, книги на русском и иностранных языках, рукописные чертежи, коллекция зеленомедной чеканной и красномедной посуды, которая измерялась сотнями пудов. В каталоге музея были также указаны и фотографии. Среди них имелось восемь видов Салдинских заводов, переданных в музей в 1893 г. тагильчанкой Степановой. В 1908 г. во время экономического кризиса заводоуправление отказалось выделить деньги на содержание музея, и по распоряжению управляющего заводами он был закрыт. Рудные образцы свезли на домну, металл в мартен, а наиболее ценные и уникальные экспонаты были отправлены на заводские склады, где они и сохранялись вплоть до прихода Советской власти [1. С. 14–23].

Вторым по возрасту музеем на Урале является Екатеринбургский горный музей, открытый здесь при горном правлении в 1834 г. Основой для его появления послужила научно-исследовательская и собирательская работа, начатая в 1720–1730-е гг. В.Н. Татищевым и В.И. де Генниным и продолженная затем учеными, путешественниками, коллекционерами. Ее первым результатом стало создание в Екатеринбурге в 1732 г. при рудной лаборатории, возглавленной А. Хрущовым, минералогического кабинета – коллекции минералов и горных пород. Спустя век, по инициативе горного начальника округа П.И. Протасова, он был преобразован в «Екатеринбургский музей российских

минералов» (1834), куда стали доставляться образцы всех встречающихся в заводских округах и промыслах горных пород и минералов. В 1847 г. «Музеум» перешел в ведение Уральского горного правления. В 1859 г. заведование им поручено Н.К. Чупину. Музей носил ведомственный характер, доступ к его коллекциям был ограничен узким кругом горных служащих [2].

По инициативе известного горнозаводчика А.Ф. Турчанинова в середине XVIII в. в небольшом заводском поселке Сысерть появились минералогический и археологический музеи, солидная научная библиотека. Ныне в здании, где Турчанинов организовывал музей, находится краеведческий музей г. Сысерть [3].

Ещё одним известным уральским геологическим музеем был минералогический музей при Богословском заводе, основанный академиком Федоровым. Коллекция Федоровского геологического музея начала формироваться как результат геологических исследований, проводимых академиком в Богословском горном округе. Для обработки представленных в коллекции результатов геологоразведочных работ потребовалось здание. Выбор пал на здание детского приюта, половину первого этажа которого и занял музей в 1894 г. [4. С. 22, 23].

Каждая комната в музее имела собственное назначение и название. В Васильевской комнате собирался материал по Васильевскому руднику, в Богословской — по Богословскому и остальным рудникам. В лаборатории проводились химические анализы и изготавливались шлифы (срезы пород и минералов) для определения их состава под микроскопом. В Большой комнате находились минералогические шкафы с рабочими коллекциями каменного материала, собранными под руководством Е.С. Федорова для составления детальной геологической карты округа. Эта комната являлась своего рода штабом геологической мысли Богословского горного округа, здесь проводились совещания и задавались направления поисковых и разведочных работ. В Архивной комнате хранились результаты многолетнего труда: детальная карта, рудничные и разведочные планы и разрезы, а также другие документы. В Микроскопной комнате (личном кабинете Федорова) проводились опыты по определению состава пород и состава пород по Федоровскому методу. В коридоре музея находились часть шкафов и металлические баки для воды. Поступавшие в музей образцы горных пород после промывки и наклейки этикеток определялись прежде всего на глаз, причем образцы, побудившие хоть малейшее сомнение в правильности диагноза, передавались в шлифовальную комнату для изготовления шлифа. Если порода не могла быть исследована оптическим путем, она подвергалась химическому анализу с применением, в случае надобности, микрохимических наблюдений и паяльной трубки [5. С. 3].

С 1895 г. Е.С. Федоров работал в Богословском горном округе лишь в летние месяцы. В 1898 г. музей

посетил пермский губернатор Д.Г. Арсеньев с целой свитой губернских чиновников. 23 июля 1899 г. главноуправляющий Богословского горного округа барон М.К. Клодт подал циркуляр № 21, в котором содержалась просьба назвать музей по фамилии его создателя «Федоровским геологическим музеем». Этот циркуляр сопровождался письмом заведующему геологическими изысканиями В.В. Никитину с просьбой сделать на здании музея соответствующую надпись.

После 1895 г. ученик и помощник Е.С. Федорова В.В. Никитин стал продолжателем его дела по комплектованию музея. С 1897 г. Федоров занялся обработкой общего геологического материала, а Никитин — обработкой данных пунктов, в которых велись разведки полезных ископаемых. Непосредственно музеем с 1902 г. заведовал другой ученик Федорова — Е.Д. Стратанович. Работа в музее его столь увлекла, что, по свидетельству жены Федорова, он трижды отказывался становиться депутатом Государственной Думы, чтобы только не покинуть музей. Для посетителей музей открылся в 1900 г. Вплоть до 1917 г. он продолжал пополняться новыми экспонатами. В музей обращались старатели с указанием рудных признаков и образцами полезных ископаемых. Осуществлялась и научная переписка. В фондах музея до сих пор сохранились письма выдающихся геологов: А.П. Карпинского, А.Е. Ферсмана, Ф.Ю. Левинсона-Лессинга, А.Н. Заварицкого.

В декабре 1917 г. музей вместе со всем Богословским округом был национализирован. К этому времени при музее числилось 16 сотрудников, среди которых были: заведующий музеем, помощник геолога, старший шейгер-чертежник, хранитель музея, шейгер-маршейдер, шейгер-коллектор, химик, чертежник, счетовод, машинистка, два шлифовальщика, конюх, сторож, разборщица, посыльный, мытница. К 1918 г. музей насчитывал 220 000 геологических образцов, около 51 000 шлифов, 1200 наименований рукописного материала, 2 500 разных чертежей и множество книг в научной библиотеке. Тогда же музею потребовалось новое здание. Во время Гражданской войны Федоровский музей пострадал не сильно и после установления советской власти заработал вновь.

Горнозаводские музеи на территории горнозаводской зоны нынешней Челябинской области также имеют давнюю историю. Формирование в Златоустовском уезде музейной сети ведет свое начало с первой половины XIX в. К этому времени относится письмо натуралиста Венского двора Якоба Мора в главную Златоустовскую заводскую контору, датированное 1812 г.: «Необходимым почитаю я объяснить сим оной конторе, что в разные времена нахождения моего в здешнем Златоустовском заводе в содержание ещё Московского купца Кнауфа, имел в большом каменном доме собственное мое минеральное собрание из разных горных заводов хребта Уральских гор, к которому в продолжение бытности моей здесь в разных местах трудами моими... собрал в

довольно значительном количестве еще особую коллекцию породам и рудам здешних дач сверх дополнения оными первое мое собрание с намерением посвятить все то на пользу завода...» [6. Л. 1–2].

Практически одновременно со Златоустовским музеем возникает минералогическое собрание на Миасском заводе. Научно-фондовая работа здесь находилась на высоком уровне. В каталогах собрания этого музея, включавшего в основном минералы, хранятся сведения о местах добычи его экспонатов. Коллекция постоянно пополнялась находками в дачах Миасского завода. Если в каталоге Миасского музея за 1834 г. значилось 919 минералов, то в каталоге за 1850 г. – уже 1539. Роль смотрителя музея играл шихтмейстер (горный чиновник 14-го класса, наблюдающий за шахтами). Музейная мебель, судя по каталогу 1837 г., была представлена 15 шкафами и 3 столами [7. Л. 1–18].

В 1834 г. департамент корпуса горных инженеров главному начальнику Златоустовских горных заводов и другим горным начальникам предписал учредить минералогические кабинеты «при главных управляемых ими заводах» для снабжения минералами минералогического магазина при Горном институте в Петербурге. Сохранились каталоги таких кабинетов при Царево-Александровском руднике, при Саткинском и Кусинском, Артинском и Миасском заводах. В Миасском заводе, судя по архивным документам, минералы первоначально отбирались из музея, а затем уже из специально созданного кабинета [8. Л. 1–55].

О состоянии Златоустовского музея имеется мало сведений. Например, в книге «Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края» говорится, что в заводском музее «хранится гвоздь, скованный Александром I». С 1830 г. для музея начинают поставяться предметы из Саткинской и Артинской заводских контор. Поставляла свои изделия в музей и Златоустовская оружейная фабрика. В работе П.П. Аносова «Статистическое описание Златоустовских горных заводов» говорится, что музей находится вместе с библиотекой на втором этаже Арсенала, в состав его коллекций входят горные породы от геогностических исследований округа Златоустовских заводов, собрание заводских продуктов, образцы инструментов и другие металлические изделия. В 1853 г. в Златоустовский музей были переведены коллекции Миасского музея. Пополнялся музей и за счет дарений. Так, в 1871 г. профессором казанского университета Н.Э. Эверсманом были принесены в дар музею собранные на берегах Черного моря 72 раковины. Сдавались в музей и палеонтологические находки. В 1903 г., например, музею был передан клык мамонта. В описи имущества музея имелись коллекции и деревянные модели плотины углевыжигательной печи, ветряной мельницы и пожарной машины. Хранились здесь и предметы, связанные с историей заводов. Это были медали, пожалованные заводу за участие в различных международных выставках, портреты императоров. О состоянии ведения документации в музее в тот пе-

риод говорит отчет о ревизии в музее и библиотеке, сделанный в 1904 г.: «...Музеум также требует дальнейшего упорядочения и составления необходимой описи и упорядочения инвентаря, который совершенно запущен и не удовлетворяет назначению как документ... Минералогическая коллекция в полном запустении без описи. Только часть минералов и полезных ископаемых, находящихся в витринных столах имеет их, весь же остальной коллекционный материал, помещающийся в витринных стеллах шкафов, не имеет должных обозначений...» [9. Л. 12 об.–13]. Тем не менее сметный список по казенному имуществу, состоящему при музее и библиотеке, составленный в 1900 г., включал в себя измерительные инструменты, такие как аршин, фут, безмен и т.д. Имелись здесь и барометры, которые использовались для измерения влажности. Это является косвенным свидетельством того, что атрибуция музейных предметов сотрудниками музея проводилась.

Сохранилось описание внутреннего убранства арсенала в 1913 г.: «В верхний этаж ведет широкая чугунная лестница. Поднявшись наверх, входя в правые двери, вступаете в огромный зал, в коем в постаментах установлены сабли, из них же сделаны чрезвычайно красивые пирамиды, на стенах – из клинков: орел и другие украшения, в витринах образцы сабель художественной работы. Проходя этот зал, направо в другом зале, имеется балдахин из сабель и приборов к ним, а на постаменте – колонна из сабель же – красуется бюст из белого мрамора Императора Александра I. Здесь же имеются витрины с шашками и саблями.

В следующем зале – пирамида из оружия, на ней вензель «А-I», с других сторон – даты времени пребывания сего Государя на Златоустовских заводах 20–23 сентября 1824 г. В этом зале имеются кирасы со следами от штуцерных пуль, выпущенных при испытаниях в 1837 г. наследником Цесаревичем и Великим Князем Александром Николаевичем и в 1845 г. герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Тут же находится интересная витрина с образцами оружия во всех пределах, начиная с черновой стальной болванки до выхода его в башенном виде, моделями заводской плотины, двигателями, образцами Лесных пород, произрастающих в дачах Златоустовского округа. В следующем зале библиотека, далее витрины с изящным литьем Кусинского завода: статуэтки, бюсты, канделябры, группы и т.д.; минералогическая коллекция со слепками золотых самородков от нескольких фунтов до 2 пудов 7 фунтов, найденных в Миасских золотых промыслах Златоустовского округа. По стенам висят портреты Высочайших особ, посетивших Златоуст, и многие виды, имеющие историческое значение. Здесь же на стенах дипломы заводов, участвовавших в выставках. А в особом столе хранится книга почетных посетителей. В нижнем этаже когда-то была лютеранская церковь, а не так давно – театр, теперь же здесь помещается заводская контора, лавка с чугунными отливками и т.д.» [10. С. 7–15].

В 1916 г. в здании Арсенала начался ремонт и музей закрыли. Часть его коллекции пропала в Гражданскую войну, часть – хранится в Златоустовском краеведческом музее и сегодня. В 1914 г. в земских отчетах отмечались случаи посещения музеев публикой в Верхне-Уфалейском заводе, Бобровском, Клевакинском, Н. Бородулинском и Сысертском заводах.

Официальной датой рождения Кыштымского музея считается 29 июля 1899 г. – день посещения Кыштыма Д.И. Менделеевым, который во главе комиссии специалистов проводил обследование горнозаводской промышленности Урала по поручению министра финансов С.Ю. Витте. Согласно «Путеводителю по Уралу», изданному под редакцией В.А. Весновского в 1899 г. в Екатеринбурге, этот музей имел богатую коллекцию минералов и художественного литья. Основными экспонатами музея были образцы руд и минералов. Здесь хранились практически все кабинетные вещи Каслинского литья. Музей был доступен для посещения рабочим и служащим заводов и гостям округа. Это способствовало ознакомлению с технической стороной заводской деятельности, распространению знаний и сведений о горнозаводском круге и его продукции. Д.И. Менделеев, во время своего пребывания на заводах округа, посетил музей, о чем оставил упоминание в своих путевых заметках: «...то, что я увидел в Кыштыме, где склад, или вернее музей этих отливок, превзошло все мои ожидания. Отливка тончайших медалей, ажурных блюд, бюстов и статуй так тонка и чиста, что во всех отношениях не уступает бронзовой...» [11. С. 188, 189].

В 1921 г. большая часть фондов сгорела, а основная часть художественного литья была передана в музей УОЛЕ (с 1934 г. – Свердловский областной краеведческий музей).

Богатая коллекция минералов находилась также при Уральском горном училище. Согласно «Списку коллекций, заключающихся в шкафах № 1,2,3», здесь к началу XX в. хранились следующие коллекции: с Камышловской дачи – кварц, кварцит, бурый железняк; с Каслинской дачи – доломит, мрамор, глина; с Нязепетровской дачи – бурый известняк, кварц, доломит, известняк; коллекция образцов руд строительных материалов, углей, чугуна с завода «Юзовка» из Новороссийска, коллекция ртутных руд рудника Ауэрбаха, коллекция киновари от частного дарителя, коллекция Кизеловских каменноугольных копей (сланец с отпечатками растений, каменный уголь, окаменелые кораллы), коллекция Южно-Русского днепровского металлургического общества (образцы стали, чугуна, руды, шлаки), коллекция Денешевского завода (мергель и известь), коллекция каменноугольного дела Егоршина, коллекция каменных углей

Донецкого округа (кокс, каменный уголь), коллекция Юго-Западного горного округа (гипс, гранит, известняк, фосфорит), коллекция Русско-Бельгийского общества (огнеупорные руды), коллекция Мотовилихского завода (шамотный кирпич, пробы марганцевой стали, мартеновское угловое железо), коллекция Нижне-Тагильских заводов (магнитный железняк, красная железная руда и т.д.), коллекция Рудянского медного рудника (шлаковая руда, малахит, разные виды колчедана, бурый железняк, кварцевая руда, разные виды сланцев) [12. Л. 54–63]. В Государственном архиве Свердловской области сохранилась интенсивная переписка данного учебного заведения с заводами и промышленными обществами о передаче ему образцов промышленных изделий, а также различных материалов.

К 1914 г. свой музей имелся и на Воткинском заводе. Сегодня, благодаря сохранившемуся в Государственном архиве Свердловской области акте о ликвидации данного учреждения, можно рассказать о составе его коллекции и имущества. Она включала в себя образцы рудного железа, два стола со стеклянными колпаками, модель фабрик Воткинского завода, модели судов, пробы железа, сталь для осей паровоза, образцы чугунного литья, штативы, рельсы стыковые, катанные листы стали, цепи, подсвечники, дубовые рамы, рамы для чертежей, табуретки, чугунных орлов, чертежи и таблицы, два камина, принадлежности для зарядки орудий, чугунные гири, якоря, аппарат Гренца, чугунные отливки, патроны для колес, весы, кубки. Кроме вышеуказанного имущества в музее имелись: коллекция древесных пород, коллекция минералов, колокол из мартеновской стали, модель эллинга и другие предметы. Все они были записаны в специальные инвентарные книги. Часть этих коллекций предполагалось передать техническому училищу, часть продать, часть поместить в управление округа [13. Л. 1–2]. С 1905 по 1917 г. свой геологический музей действовал и в Оренбурге. По архивным данным он представлял собой комнату с двумя витринами с минералами, собранными войсковым горным инженером. Периодически в нем собирался совет золотопромышленников Оренбургской губернии [14. Л. 19–20 об.].

Резюмируя сказанное, заметим, что музейное дело на Урале было развито не в последнюю очередь благодаря большому количеству предприятий, часто выступавших заказчиками тех или иных научных работ. Этим же предприятиям требовалось где-то обучать свой персонал, используя наглядные пособия. Неудивительно поэтому, что, несмотря на наличие в крупных естественноисторических музеях товарных и естественноисторических коллекций, музеи при предприятиях продолжали свою работу вплоть до 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. История музея // Музей горнозаводского дела / сост. И.Г. Семенов, Л.П. Малеева. Екатеринбург : Баско, 1995.
2. Музейное дело в Екатеринбурге. URL: <http://ekbsl.ru/obshhie-svedeniya-o-ekaterinburge/muzejnoe-delo.html>, свободный.
3. Распонов П. Сысерт. URL: http://www.nashural.ru/Goroda_i_sela/sisert.htm, свободный.
4. Музей // Постоянное учреждение. 110 лет Краснотурыинскому музею / сост. Г.К. Вульф, Ю.В. Гунгер. Краснотурыинск, 2004.
5. Ярков В. Федоровский геологический музей // Уральское горное обозрение. 1901. № 23.

6. Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 22.
7. Архив ЗГО. Ф. И-69. Оп. 47. Д. 89.
8. Архив ЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1420.
9. Архив ЗГО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 32.
10. Приходько Н.Ю. История Златоустовского областного краеведческого музея // Золотые россыпи былого: материалы II краеведческой конференции. Златоуст, 2008.
11. Линник О.В. Духовная культура населения округа в конце XIX века // История Уральской промышленности: Кыштымский горный округ. Снежинск : СГФТА, 2003.
12. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 93. Оп. 1. Д. 61.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 1016.
14. ГАСО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 300а.

Vaganov Alexander A. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vaganov.aleksandr.88@mail.ru

MINING MUSEUMS IN URAL BEFORE THE REVOLUTION.

Keywords: museum; plant; mine; collection; minerals.

The development of factories and mines in the Urals in the XIX century required the study of mineralogical wealth of the region. Numerous studies had led to the emergence of rich mineral collections. These collections finally turned into museums. Most of these collections were accumulated in mining factories and mines. The most significant collections were in Nizhny Tagil, Zlatoust and Kishtim as well as in the Museum of Professor Fedorov. The museum in Nizhny Tagil was opened in 1841. Its creation had been preceded by the factory exhibition organized in honor of the visit to the Tagil factories by Crown Prince Alexander II in 1837. The exhibits factory products and models. The second oldest museum in the Urals is the Yekaterinburg mining museum opened in 1834. The basis for its appearance was research and collecting started in the 1720s and 1730s by Tatishchev and de Gennin and later extended by scientists, travelers and collectors. The collection of Fedorov's geological museum was started as a result of geological research conducted by the academician in the Bogoslovsky mining district. The results of the exploration needed to be processed, so the collection began to require a separate building. The choice fell on the building of the orphanage; half of its first floor was taken by the museum in 1894. The formation of Zlatoust in the county museum network dates back to the first half of the XIX century. The letter of the Vienna court naturalist Jacob Mora in the main office of the factory Chrysostom dates back to 1812. The official date of birth of the museum in Kyshtym is July 29, 1899, the day when Mendeleev, head of the committee of experts conducting a survey of Urals mining industry on behalf of the Minister of Finance Sergei Witte, visited Kyshtym. Less significant museums were opened in the Urals, too. Despite the appearance at the end of the XIX century of large natural history museums, factory museums continued to work until 1917.

REFERENCES

1. Istoriya muzeya [The history of the museum]. In: *Muzej gornozavodskogo dela* [The museum of metallurgy]. Ekaterinburg: Basko Publ., 1995. 175 p.
2. *Muzejnoe delo v Ekaterinburge* [Museology in Yekaterinburg]. Available at: <http://ekbsl.ru/obshhie-svedeniya-o-ekaterinburge/muzejnoe-delo.html>.
3. Raspopov P. *Sysert'* [Sysert]. Available at: http://www.nashural.ru/Goroda_i_sela/sisert.htm.
4. *Muzej* [The museum]. In: *Postoyannoe uchrezhdenie. 110 let Krasnotur'inskomu muzeyu* [The permanent establishment. 110 years of Krasnoturinsk Museum]. Krasnoturinsk, 2004. 94 p.
5. Yarkov V. Fedorovskiy geologicheskii muzej [The Fedorov Geological Museum]. *Ural'skoe gornoe obozrenie*, 1901, no. 23.
6. The Archive of Zlatoust City District (ZGO Archive). Fund I-19. List 1. File 22. (In Russian).
7. The Archive of Zlatoust City District (ZGO Archive). Fund I-69. List 47. File 89. (In Russian).
8. The Archive of Zlatoust City District (ZGO Archive). Fund I-19. List 1. File 1420. (In Russian).
9. The Archive of Zlatoust City District (ZGO Archive). Fund I-48. List 1. File 32. (In Russian).
10. Prihod'ko N.Yu. [History of Zlatoust Regional Museum]. *Zolotyie rossypi bylogo: mat. II kraevedcheskoy konferentsii* [Golden Placers of the Past. Proc. of the II Regional History Conference]. Zlatoust, 2008.
11. Linnik O.V. *Istoriya Ural'skoy promyshlennosti: Kyshtym'skiy gornyy okrug* [The history of Ural industry: Kyshtym'sk mining region]. Snezhinsk: Snezhinsk State Physical Technical Academy Publ., 2003, pp. 181-189.
12. The State Archives of the Sverdlovsk Region (GASO). Fund 93. List 1. File 61. (In Russian).
13. The State Archives of the Sverdlovsk Region (GASO). Fund 24. List 18. File 1016. (In Russian).
14. The State Archives of the Sverdlovsk Region (GASO). Fund I-15. List 1. File 300a. (In Russian).

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматриваются проблемы взаимодействия Русской православной церкви и государств, церкви и общества в период подготовки и проведения реформ 1860–1870-х гг. Особое внимание уделено анализу положения белого и черного духовенства, канонам взаимодействия церкви и паствы. Исследованы причины проведения церковной реформы.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения; религиозные права; округ; православное духовенство; церковная реформа; приходские священники (духовенство); религиозная политика; церковное законодательство.

В период подготовки и проведения реформ второй половины XIX в. на первый план среди прочих вышла и проблема строительства государственно-церковных отношений. Система управления церковью получила свой законченный вид при Николае I. Государство рассматривало Православную церковь, с одной стороны, как учреждение, выполняющее определенные административно-хозяйственные функции, а с другой – видело в церкви духовного пастыря общества, инструмент влияния на все сословия. В этих целях на протяжении всего XIX в. государство всячески усиливало роль и значение обер-прокурора, тем самым надежно обеспечивая государственное руководство важнейшим идеологическим инструментом.

В этих условиях становится понятной сама логика подготовки и проведения реформ церкви, которые изначально мыслились сановниками как реформирование социального института, занимающего свое определенное место в структуре государственных учреждений Российской империи. Неудивительно поэтому, что проекты петербургских благоустроителей церкви продвигались, по выражению киевского митрополита, «черепашим ходом» [1. С. 216].

Православная церковь была настолько тесно связана с государством, что практически любое изменение в жизни последнего вызывало необходимость либо обращения к ней как инструменту государственной политики, либо внесения изменений в ее управление и правовое положение. Вот почему, взяв курс на реформы, правительство обратилось к церкви, в которой к тому времени накопилось много нерешенных проблем, связанных именно с тотальной зависимостью от государства и в первую очередь – увеличивавшимся разрывом между духовенством и паствой. Реформа по отмене крепостного права явилась дополнительным толчком к реформам в церкви с целью повышения авторитета приходского духовенства среди крестьян.

В отечественной историографии интерес к анализу истории государственно-церковных отношений Синодального периода и к положению православного духовенства начинает активно проявляться с конца 1980-х гг. Обобщающий характер носит работа И.К. Смолича по истории Русской православной церкви [2].

Применительно к исследованию истории государственно-церковных отношений в России во второй половине XIX в. следует, на наш взгляд, выделить работы С.В. Римского [3], А.Ю. Полунова [4], С.Л. Фирсова [5], С.И. Алексеевой [6], М.А. Бабкина [7], А.В. Борисова, Н.С. Велитченко, Ю.Б. Смирновой [8], П.Н. Зырянова [9].

В некоторых публикациях (Н.Г. Карнишина [10], С.А. Лукьянов, А.Я. Малыгин [11]) рассматриваются отдельные, социально значимые направления деятельности РПЦ. Анализ положения приходского духовенства в 1870–1890-е гг. проведен Т.Г. Леонтьевой [12].

Следует отметить возросший в последнее время интерес исследователей к месту и роли Русской православной церкви в истории российского государства, к изучению церковного права и отношениям священников и паствы. Однако, на наш взгляд, проблема государственно-церковных отношений в России в Синодальный период, и особенно в пореформенный период, требует дополнительного изучения на основе широкого круга источников.

Проекты преобразований церкви, разрабатываемые и направляемые чиновничьей бюрократией, находились в явном противоречии с развитием внутренней жизни церкви. Подготовка и сами реформы осуществлялись в русле традиционной конфессиональной политики Петербурга на всей территории Российской империи. В условиях, когда крепостные крестьяне получили личную свободу, ограничения, практиковавшиеся в отношении духовного сословия, стали выглядеть диссонансом, что и потребовало изменений в правовом положении православного духовенства.

В этом плане интерес представляет написанный в марте 1862 г. отзыв Саввы (Тихомирова), архиепископа Тверского и Кашинского, на статью Агафаниела, епископа Вятского, о причинах бедственного положения православной церкви в России [13. С. 1]. Савва считал, что причина такого положения церкви «не в лицах духовных и не в существе Церкви, а вне сословия духовного и Святой Церкви, поскольку инициатива дел об улучшении и пр. по Церковному управлению – не у Архиепископов, а у Обер-Прокурора. А светские чиновники, при всей благонамеренности, не могут хорошо понимать духовных потребностей Церкви» [Там же].

В личной переписке и официальных записках Тверского архиепископа на протяжении всего пореформенного периода сквозило недовольство тотальным контролем светской власти над Церковью. Во многом вину за медленность продвижения реформ в провинции Савва перекладывал на столичные власти. Так, архиепископу Ярославскому Ионафану (Рудневу) уже в конце 1880-х гг. он писал: «Я без сожаления оставил Северную Пальмиру. Нельзя не понимать только о том, что так бесцеремонно поступают предержавшие власти с нашею братию – провинциальными архиереями. Сведующие и благонамеренные люди строго осуждают это» [14. С. 2].

Духовенство к середине XIX в. имело все признаки сословия – участие в сословно-представительном учреждении и наличие корпоративной организации. Управление церковью осуществлялось Синодом и духовными консисториями. Синод включал до 10 архиереев – представителей черного духовенства, а также духовника императора и главного священника армии и флота – представителей белого духовенства. Одни члены Синода были постоянными, присутствующими по положению, например митрополит Санкт-Петербургский, духовник императора и главный священник армии и флота, другие – временными, так как участвовали в заседаниях Синода в течение одного-двух лет по очереди. Синод назначал архиереев, стоявших во главе духовных консисторий, которые затем утверждались императором. Архиереи осуществляли управление и суд в епархии вместе с духовной консисторией, члены которой избирались архиереем из черного и белого духовенства. В 1860-х гг. духовные консистории на 79% состояли из приходских священников.

Корпоративность духовного сословия проявлялась в относительной независимости духовных консисторий и благочинных от местных властей, так как их деятельность по закону контролировалась обер-прокурором Синода и принимала чаще всего вид формально-канцелярский. Управление монастырями находилось в ведении черного духовенства. Признаки сословия предполагают наличие сословной замкнутости, что особенно ярко в отношении духовенства проявилось с начала XIX в. Свод законов от 1857 г. достаточно четко определял источники пополнения духовного сословия. Так, в монастырь мог поступить представитель любого сословия, но при соблюдении нескольких требований: возрастного ценза (мужчины – не менее 30 лет, женщины – не менее 40 лет), с согласия их непосредственного начальства, податные сословия – согласия Казенной палаты. Все желающие поступить в монастырь независимо от сословной принадлежности должны были получить на своем прошении подпись губернатора. Оформленное таким образом прошение поступало на рассмотрение в Синод [15. С. 37, 54].

Рядовое духовенство делилось на монашеское и приходское. В 1861 г. монастырей было 614 с 8 579 монашескими и 12 548 проходящими послуша-

ние; а также 37 381 церковь, 598 соборов и 12 186 часовен и молитвенных домов, в которых служили 113 815 духовных лиц. Из них священников – 37 950, диаконов – 12 444, причетников – 63 421. Общее число белого духовенства и церковнослужителей, вместе с находившимися за штатом по старости, болезни и т.п., – до 126 164 чел. К началу разработки основных положений реформы в 1862 г. один священник приходился на 1 365 человек, а одно лицо духовного сословия – на 85 человек! [16. С. 30].

Источником по изучению белого и черного духовенства на местах являются формулярные списки, которые в XIX в. поступали в местные консистории от благочинных и монастырского начальства. Списки содержали в себе информацию о духовных лицах и их семьях, включавшую сведения о поведении, проступках и наказаниях.

Церковно-государственные отношения в случае с черным духовенством предусматривали жесткую регламентацию основных прав и обязанностей последних в отношении светских властей и обособление монашеских, усугублявшееся скудным материальным положением монастырей.

По данным Синода, на 1850 г. численность черного и белого духовенства христианских исповеданий с членами их семей в Европейской России и Сибири составляла 281 тыс. человек, а в 1897 г. – 240 тыс. человек мужского пола. На долю приходского духовенства приходилось 90% всего духовенства, основную группу которых составляли священники, дьяконы, причетники. Причем священники в 1860 г. составляли от общего числа 33%, т.е. 37,8 тыс. человек, в 1880 г. соответственно – 40%, или 37 тыс. человек, а в 1890 г. – 43% от состава православного приходского духовенства в России [17. С. 2].

Священник являлся главой причта и обладал административной властью над остальными его членами. Для этой должности существовал возрастной ценз – 30 лет. В результате церковных реформ 1860–1870-х гг., когда были внесены некоторые изменения в статусе белого духовенства, была запрещена передача церковных должностей и отменены все наследственные, семейные притязания на служебные места в церкви. Епископов обязали назначать духовных лиц на вакантные места исключительно по профессиональным и моральным качествам кандидатов, а не за их социальное происхождение. Дети духовенства получили светский юридический статус. За все преступления духовенство подлежало светскому суду наравне с лицами недуховного звания. Личный суд епископа сохранялся только по маловажным проступкам, за которое епископ мог наложить епитимью.

Приходские священники играли заметную роль в своих приходах. Помимо собственно религиозных, приходские священники выполняли еще государственные функции – вели метрические книги, записи брачных обысков, регистрировали смерть, выдавали метри-

ческие свидетельства. В своде законов от 1857 г. на приходского священника возлагались также обязанности «предостерегать прихожан своих противу ложных и вредных разглашений, утверждать в благонравии и повиновении господам своим». Особо подчеркивалась необходимость предупреждать волнения крестьян, а если они все же начинались, то прилагать максимум усилий для возвращения их в повиновение. Закон требовал от духовника нарушать тайну исповеди и открывать властям, кто замышляет преступные действия, направленные против государства и в особенности против монарха [18. С. 79, 96].

Исходя из большого значения приходского священника в посредничестве между государством и обществом, большое внимание уделялось и в николаевское время, и в период реформ, и в 1880-е гг. юридическому оформлению прав и обязанностей белого духовенства. Правовые нормы детально оговаривали положение не только собственно причтов, но также членов их семей, источники пополнения сословия, порядок выхода из него и последствия столь важного шага, источники доходов, привилегии. Для занятия должности в приходе требовалось иметь духовное образование, т.е. закончить духовное училище или семинарию, выдержать испытание на знание церковного пения и порядка совершения богослужения. Окончательное решение принимал местный епархиальный владыка. Белое духовенство не платило личных податей, было свободно от постоя и поземельного налога, рекрутской повинности. Дети белого духовенства могли выходить из духовного звания и выбирать род занятий на основе общих гражданских законов и тем самым лишались всех привилегий прежнего положения, поэтому, как правило, все сыновья белого духовенства стремились сохранить свою сословную принадлежность. Приходскому духовенству разрешалось иметь недвижимость – дома, земля – в сельской местности и в городах.

Тот факт, что духовное образование служило важнейшим фактором при занятии церковной должности, привел к довольно высоким показателям уровня образования среди причтов. По данным Г. Фриза, в 1860 г. процент лиц с полным семинарским образованием среди белого православного духовенства составлял 82,6%, а в 1880 г. – 87,4% [19. С. 12].

Характерным является иерархический показатель: в 1830 г. места священников на 20% занимались детьми дьяконов, на 33% – детьми причетников и на 47% – детьми священников, в 1860 г. – соответственно 17, 34, 49%. Места дьяконов замещались в 1830 г. на 24% – детьми священников, на 54% – детьми причетников и на 24% – детьми дьяконов, в 1860 г. – соответственно на 9,74 и 17%. Места причетников замещались в 1830 г. на 21% детьми священников, на 9% – детьми дьяконов и на 70% – детьми причетников [20. С. 110].

Статус не являлся жестко наследственным, но семинарское или академическое образование почти гарантировало получение места священника. В результа-

те церковных реформ 1860-х гг. мобильность внутри духовенства возросла ввиду огромного оттока детей духовенства с образованием.

По данным Присутствия по делам православного духовенства за 1863 г. о доходах 204 причтов Санкт-Петербургской епархии и доходах 1 295 сельских и городских причтов Владимирской епархии, средний уровень доходов был для городских и сельских причтов примерно одинаков – около 300 руб., только один процент причтов имел доход от 700 руб. и выше [21. Л. 5, 7].

С начала XIX в. правительство заботилось о материальном обеспечении белого духовенства двумя путями. Первый состоял в введении фиксированного состава причтов приходских церквей с постепенным распространением на них казенного жалованья в качестве вспомогательного оклада к прочим доходам (плата за требоисправление, добровольные пожертвования прихожан). К 1861 г. жалованье получали менее половины всех причтов, и в среднем на причт приходилось до 210 руб. в год. Второе направление состояло в наделении причтов сельских церквей землей и угодьями, где нормой считался надел в 33 десятины удобной земли на причт [22. С. 27].

Речь шла лишь о служащем духовенстве, но к началу церковных реформ вопрос о наделении причтов землей решен не был. К началу 1860-х гг. многие причты сельских церквей имели пахотную и усадьбную землю. При этом ее размеры были различны. Так, в Саратовской епархии на одну церковь приходилось в среднем более 40 десятин, в Оренбургской – от 33 до 99 десятин, в Астраханской – более 59 десятин [23. Л. 26]. В сельских причтах духовенство само вело хозяйство, обрабатывая землю и разводя домашний скот. Подчас священнику, дьякону или причетнику было трудно сочетать это с ежедневной службой в храме.

А.В. Головин, бывший в 1861–1866 гг. министром народного просвещения, в «Заметках в бытность в деревне в Пронском уезде Рязанской губернии летом 1867 г.» писал: «Духовенство в последние годы не приобрело уважение прихожан, а напротив того, возвысив значительно плату за требы, возбудило к себе неуважение народа» [24. Л. 19].

Духовенство повсеместно использовало традиционный источник дохода: плату за совершение треб и обход домов прихожан по большим праздникам. В целях улучшения отношений между духовенством и прихожанами правительство пыталось ввести тарифы на требоисправления, а взамен назначить вспомогательное жалованье, но это привело к формированию мнения, что в тех приходах, где причтам платят жалованье и выделена пахотная и усадьбная земля, они не должны ходить по домам.

Гораздо меньшим был доход у сельских причтов. Таким образом, хотя белое духовенство и было приближено по своим юридическим правам в личном дворянству, по показателям доходов они сильно отличались. На гражданской службе чиновники IX–

XIV классов получали в среднем жалование в год от 100 до 400 руб., военнослужащий, имевший первый офицерский чин, – 200 руб., а средний годовой доход священников в городе составлял от 30 до 80 руб., в деревне – от 25 до 40 руб. [25. С. 257]. Это касалось тех причтов, где священники не получали казенное жалование и находились на содержании своей паствы.

Эти данные относятся к началу церковных реформ, поэтому одним из наиболее распространенных требований духовенства было получение казенного жалования. Однако, как видно из отчетов губернаторов, особенно отдаленных губерний, в течение всего пореформенного периода данная проблема сохраняла свою актуальность, особенно в отношении сельского духовенства. В отчете о состоянии Уральской области за 1884 г. губернатор писал: «Духовенство при вновь образовавшихся приходах не может довольствоваться доходами от одних прихожан, т.к. в числе их еще много раскольничьих семей, да и нежелательно, чтобы духовенство было поставлено в необходимость требовать платы за исполнение треб, в особенности же в первое время. При отсутствии же определенного содержания церковным причтам является крайнее затруднение в желательном замещении церковных служительских должностей при храмах, а всякий неудачный в этом отношении выбор неизбежно производит дурное впечатление на обывателей» [26. С. 54].

В противовес жалобам архиепископов из провинциальных епархий глава духовного ведомства из Петербургской епархии в отчете за 1880 г. отмечал: «Состояние столичного духовенства в материальном отношении можно считать обеспеченным. Нельзя того же сказать о состоянии духовенства сельского из-за обеднения сельских прихожан. В столице, где больше образованности в пастырях и богаче церковные библиотеки и где духовенство более обеспечено, назидание паствы идет успешно. Значительно слабее идет проповедничество в церквях сельских, где и пастыри не так образованы, как в столице, и библиотеки весьма скудны по скудости церковных средств, где пастыри не имеют достаточно средств заводить библиотеки собственные и где наконец постигаем не всегда и досужно приготовить слово народу» [27. Л. 3 об. – 4].

Проблема различия в положении белого духовенства столиц – губернских городов – уездных центров – сельских причтов стояла остро и в николаевское время, и сохранила свою актуальность после церковных реформ, результаты которой коснулись главным образом духовенства городских причтов.

О нерешенности материальных проблем провинциального белого духовенства в течение всего пореформенного периода свидетельствует, в частности, такой источник, как письма из помещичьих имений. Так, чиновник в отставке В.В. Ярмонкин в письмах из своего имения Чирково Самарской губернии Бугульманского уезда, подводя итоги реформ 1860–1870-х гг., писал: «Священник – единственный человек в селе, который

может научить, посоветовать и которому может крестьянин передать и свое горе, и свою радость. Не говоря уже о его духовном сани, он – единственное интеллигентное лицо в деревне, и уже по этому одному от него возможно было бы ожидать очень и очень много. Однако вся жизнь священника и его семьи находится в прямой зависимости от крестьянина, поскольку сход назначает жалование священнику. Получение жалования священником непосредственно от крестьян крайне унижает его, производит неприязненные чувства между ним и мирянами, подрывает религиозные чувства, оставляет священника на несколько лет без жалования, и тому подобные неприятные явления» [28. С. 23–25].

Обер-прокурор в обращении в Государственный Совет от 21 июля 1867 г. отмечал, что по действующим штатам личное содержание архиереев можно считать достаточным только в западных, Рижской, Таврической, Кавказской, Петербургской, Новгородской и Оренбургской епархиях; в остальных оно составляло от 743 руб. 40 коп. до 914 руб. 85 коп. и в Московской – 1712 руб. 16 коп. Обер-прокурор пересмотр штатов и окладов кафедральных соборов объяснял тем, что они – бесприходные и, следовательно, лишены доходов за исполнение треб. А оклады даже протоиереев крайне малы: от 142 до 172 руб. в год [29. С. 41].

В проекте закона предложения Синода сводились к принципу уравнивания в содержании архиереев различных епархий с отменой деления епархий по классам и с введением с 1 января 1868 г. новых штатных расписаний архиерейских домов и кафедральных соборов. Московскую и Санкт-Петербургскую епархии уравнивали по содержанию с западными, назначив архиереям по 4 000 руб., а на архиерейские дома – по 4 350 руб. Киевскую епархию уравнивали с Литовской, назначив по 4 000 и 5 000 руб. Для сравнения, например, Енисейская, Иркутская, Тобольская, Томская епархии получили соответственно 1 500 и 3 700 руб. Деньги на изменение содержания Синод изыскивал из своей сметы и выражал сожаление, что средства не позволяют увеличить его. Причты кафедральных соборов, которые делились ранее на 11 разрядов, после реформы по содержанию делились на 5 групп: в Киевской и Литовской епархиях годовой расход на них составлял по 5 000 руб.; в Московской, западных, Новгородской и Рижской – по 4 000 руб.; в Камчатской – 4 985 руб. Во всех остальных – по 2 850 руб. Расходы на содержание консисторий в среднем возросли втрое [30. С. 313].

Как следует из приведенных выше данных, после церковных реформ сохранилось неравенство епархий по содержанию окладов, что касалось городских и сельских причтов. Сохранился и даже несколько увеличился существовавший и ранее разрыв между столичными и провинциальными епархиями, так как улучшения положения коснулись в первую очередь первых.

Вполне оправданно в этой связи звучит сделанное в 1892 г. заявление в «Церковном вестнике» и ставшее в

начале 1890-х гг. общим местом: «В печати, пишущей о церковно-приходской жизни, чаще всего выражается мнение, что этой жизни у нас не существует, что наши приходы, имея в себе чисто внешнюю связь, погружены в полную спячку» [31. С. 15].

Газета «Русь» 29 ноября 1880 г. писала по этому поводу: «Главной задачей православного ведомства было “обеспечение сельского духовенства”, для чего тысячи православных храмов, воздвигнутых на средства народа, ведомство признало нужным закрыть и приходы упразднить вопреки просьбам, мольбам и нуждам народным» [32. С. 2].

В отчете о ревизии Черниговской губернии сенатор А.А. Половцов в 1882 г. писал: «Обвинения против духовенства имеют всего предметом: вымогательство при требах, сопровождаемое нередко ужасающими подробностями, безнравственность, подтверждающая самые скандальные сцены не только в домашней жизни, но и в стенах храма, пьянство, нарушающее святость и прерывающее отправление богослужения, буйство в вертепах, взаимная профессиональная зависть» [33. Л. 58].

Именно с конца 1870-х – начала 1880-х гг. на волне разочарования части белого духовенства результатами реформ церкви появилась тенденция, бывшая большой редкостью в прежние времена, а именно отказа от духовного звания. Русское духовенство предпринимало попытки в 1860–1870-х гг. преодолеть изоляцию от светского общества. Приходские священники в большинстве своем ориентировались на поиск диалога со своими прихожанами различных сословий и состояний.

На наш взгляд, разлад духовенства с паствой не носил всеобъемлющего характера. Не являясь на тот момент монолитной системой, Русская православная церковь испытывала внутренние противоречия. Находясь в центре общественной жизни, в пореформенный период духовенство вынуждено было усилить активность в поисках диалога с мирянами. Это касалось и столичного, и провинциального белого духовенства. Среди церковных иерархов росло недовольство недостойным поведением части причтов, что находило отражение как в официальной переписке, так и в свидетельствах современников.

Так, епископ Палладий в письме из Тамбова в Петербург протоиерею Д.Ф. Ганкевичу о впечатлении от поездки по епархии об отношении народа к духовенству от 21 октября 1878 г. писал: «Во время поездки моей по епархии я заметил, что народ не любит духовенства и тяготеет им. Во многих приходах мне пришлось слышать такие речи от народа: “Попы – наши враги, грабители и разорители”. Что же будет, если эти речи сделаются общими, повсеместными. А вся беда в том, что жалованья нет и священники принуждены торговаться с народом за каждую потребу. Не много таких, которые довольны тем, что дают; большинство вымогает, торгуется и из-за торга нередко производит скандалы» [34. Л. 1].

Епископ Енисейский Никодим в письме вице-директору канцелярии обер-прокурора из Красноярска от 13 мая 1866 г. помимо проблемы непопулярности треб у населения поднял еще несколько проблем взаимоотношения духовенства с паствой на подведомственной ему территории: «Вот уже пятый год живу я в Красноярске. Освоился и со страной, и с жителями ее. Оскудение духовенства возрастает быстро, угрожает даже невозможностью существовать. Сие – от охлаждения в вере, а охлаждение – от ложного просвещения, которым ныне так жадно питаются и русские умы. В частности, наша Енисейская губерния имеет на две трети во всех чинах и должностях поляков. Русские же иногда тяжелее и дерзновеннее поляков относительно пренебрежения духовенством» [35. Л. 7].

В 1875 г. П.А. Валуев подверг анализу сложившиеся взаимоотношения духовенства и светского общества. П.А. Валуев был убежден, что именно общество в лице его религиозно настроенных деятелей должно помочь церкви возродить ее прежнее влияние на народное образование.

Противоречивые результаты реформ и силовые методы принятия решений привели к тому, что фигура обер-прокурора Синода при дворе не устраивала никого. В конце 1870-х гг. получивший сильное влияние М.Т. Лорис-Меликов сделал вывод о систематическом устранении духовенства из жизни общества.

Особенно много сетований на падение влияния духовенства в обществе содержалось в корреспонденции К.П. Победоносцева.

В записке предводителя дворянства из Черниговской губернии И.С. Листовского «Россия в настоящем и ее исторические опыты», датированной 31 декабря 1881 г., была сделана попытка анализа причин неудачи реформ церкви и положения церкви в обществе в начале 1880-х гг. Для автора записки было очевидно, что церковь в России в первую очередь являлась органом государственного строя. При этом «правительство, отрешившись от духовного единения с церковью, стало смотреть на нее как на политическое учреждение. Но здесь и является ошибка: форма не может дать глубокие связи народу и служить правительству орудием для влияния на последнего. Космополитизм стал присущ высшей среде государства. На церковь смотрят все с равнодушием. Равнодушие это является отчасти плодом иностранного воспитания, преобладания в государственном управлении лиц чужой народности и чужой церкви. Православных в империи 55 885 691 душа /1876 г./. Расходуется на церковь из Государственного казначейства 8 726 017 руб. /на душу – 15 2/3 коп./. Католиков – 7 494 516 душ. Расходуется – 1 739 959 руб. /23 1/4 коп./. Министр финансов Рейтерн в отзыве Синоду от 6 марта 1876 г. за № 866 дал заключение, что прошения священникам о выдаче метрических свидетельств должны подаваться на 40-копеечной бумаге, так как священник – есть “должностное лицо”. Может ли это сказать православный,

понимающий дух церкви и значение священника?» [36. Л. 44–48].

Подобная резкая критика духовенства, как правило, была связана с критикой церкви как государственного института, так же как в провинциальной печати критика белого духовенства шла в тесной связи с разбором деятельности местной администрации. Переплетение

церковно-государственных отношений, которое особенно ярко проявилось в период церковных реформ, проводившихся в русле единого реформаторского курса правительства, привело к тому, что в восприятии населения духовенство в первую очередь рассматривалось в качестве проводника государственной политики на местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрополит Арсений – епископу Платону, письмо от 16 ноября 1863 г. // Русский архив. 1892. № 2. С. 212–219.
2. Смолч И.К. История русской церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. 1. 219 с.
3. Римский С.В. Церковная реформа 60–70-х гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 2–27.
4. Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. 327 с.
5. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. 367 с.
6. Алексеева С.И. Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2003. 312 с.
7. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. 312 с.
8. Борисов А.В., Величенко Н.С., Смирнова Ю.Б. Государство, церковь, общество в России в XVIII–XIX вв. Ярославль, 2002. 342 с.
9. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. 289 с.
10. Карнишина Н.Г. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев: штрихи к портрету // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 24–31.
11. Лукьянов С.А., Малыгин А.Я. Роль МВД дореволюционной России в регулировании религиозных отношений. М., 2003. 312 с.
12. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. 278 с.
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 262. К. 20. Д. 14.
14. Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве. Leipzig, 1866. Т. 2. 218 с.
15. Свод законов. 1857. Т. IX. Ст. 256–258; Т. XV. Кн. 1. Ст. 19. Прим. 1; Т. IX. Ст. 262.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 97 (1861 г.). Д. 604.
17. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1860 г. СПб., 1862. 119 с.
18. Свод законов. 1857. Т. XIV. Ст. 380, 383; Т. XV. Кн. 2. Ст. 245, 598, 599.
19. Freeze G.L. The Parish Clergy in nineteenth century Russia. Crisis, reform, counter reform. Princeton, New Jersey, 1983. 315 p.
20. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. 412 с.
21. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 60.
22. Свод законов. 1857. Т. X. Ч. III. Ст. 467.
23. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Р. 1. Д. 96.
24. ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 198.
25. Троцкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVII в. // Формирование бюрократии. М., 1974. 289 с.
26. РГИА. Библиотека. Ф. 1 (1884 г.). Оп. 1. Д. 107.
27. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 893.
28. Ярмонкин В. Письма из деревни. СПб., 1896. 58 с.
29. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2. № 45341.
30. РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 55.
31. Церковный вестник. 1892. № 30. С. 14–17.
32. Русь. 1880. 29 ноя.
33. ОР РНБ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1333.
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 1471.
35. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1397.
36. ОР РНБ. Ф. 587. Оп. 1. Д. 17.

Karnishina Natalia G. Penza State University (Penza, Russian Federation). E-mail: karnishins@mail.ru

STATE AND CHURCH RELATIONS IN RUSSIA IN SECOND HALF OF XIX CENTURY.

Keywords: state and church relations; religious rights; flock; parish; orthodox clergy; church seal; church reform; parish priests (clergy); religious policy; legislation on church.

The problems of interaction between the Russian Orthodox Church and the state, the church and the community in the reform period of the 1860s and the 1870s are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the positions of white and black clergy, canals of interaction between the church and the flock. The reasons for conducting a church reform in Russia are investigated. The author pays attention to the system of relations between the centre and the outskirts of the Empire and to the system of administrative and law-enforcement structures. The genesis of the ethnic-confessional factor in the public life of West provinces of the Russian Empire in the second half of the XIX century is analyzed. The investigation of the problem was made on the basis of archival sources, materials of periodic press, official and statistic materials. Relying on the opinions of famous Russian lawyers of the XIX century, the author proves the necessity of the acceptance of new rules which would thoroughly change the legal status of the Church. In the centre of the author's attention is the investigation of the structure of reforming Russia. The author proves the inefficiency of the Russian Orthodox Church before reforms because of many uncompleted cases and other problems. The research into the position of the provincial white clergy is undertaken. The main question for the officials was the problem of the position of metropolitan and provincial white clergy. After the analysis of the level of education of church officials and of their financial situation the author makes a conclusion that the presence of different institutions, the absence of the system of the church legislation, the connection between judicial and administrative functions, complicated by the inadequacy of the corps of clergy brought the orthodox church to the crisis in the pre-reform period. There was a necessity to make some systems reforms. The gap between the clergy and the flock did not have any general character. The Russian orthodox church had internal contradictions, not being a monolithic system. The clergy which was at the centre of social life in the reform period became more active in the search of dialogue with laity. It was relevant both to the metropolitan and provincial white cler-

gy. There was dissatisfaction within the church hierarchy because of the behavior of some priests which was reflected in the official correspondence and memoirs of contemporaries.

REFERENCES

1. *Mitropolit Arseniy – episkopu Platonu, pis'mo ot 16 noyabrya 1863 g.* [Metropolitan Arseniy to Bishop Platon. A Letter dated 16 November 1863]. *Russkiy arkhiv*, 1892, no. 2, pp. 212-219.
2. Smolich I.K. *Istoriya russkoy tserkvi. 1700–1917* [The history of Russian Church. 1700-1917]. Moscow: Valaam Monastery of the Transfiguration of the Savior Publ., 1996. Pt. 1, 219 p.
3. Rimskiy S.V. Tserkovnaya reforma 60–70-kh gg. XIX veka [The Church Reform of 60-70s of the 19th century]. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 2, pp. 2-27.
4. Polunov A.Yu. *Pod vlast'yu ober-prokurora. Gosudarstvo i tserkov' v epokhu Aleksandra III* [Under the reign of Chief Prosecutor. The State and Church in the time of Alexander III]. Moscow: AIRO-XX Publ., 1996. 327 p.
5. Firsov S.L. *Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [Russian Church on the eve of changes (the late 1890–1918.)]. Moscow: The Roundtable on Religious Education Publ., 2002. 367 p.
6. Alekseeva S.I. *Svyateyskiy sinod v sisteme vysshikh i tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy poreformennoy Rossii 1856–1904 gg.* [The Holiest Synod in the system of higher and central government institutions in the post-reform Russia in 1856-1904]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 312 p.
7. Babkin M.A. *Dukhovenstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi i sverzhenie monarkhii (nachalo XX v. – konets 1917 g.)* [The clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy (the early 20th century – late 1917)]. Moscow: The Russian State Historical Library Publ., 2007. 312 p.
8. Borisov A.V., Velitchenko N.S., Smirnova Yu.B. *Gosudarstvo, tserkov', obshchestvo v Rossii v XVIII – XIX vv.* [State, Church and Society in Russia in the 18th – 20th century]. Yaroslavl: Yaroslavl state University Publ., 2002. 342 p.
9. Zyryanov P.N., Kostina E.M. *Russkie monastyri i monashество v XIX i nachale XX veka* [Russian monasteries and monachism in the 19th and early 20th century]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 1999. 289 p.
10. Karnishina N.G. Attorney-General of the Synod K.P. Pobedonostsev: strokes to the portrait. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki – University Proceedings. Volga Region. Humanities*, 2007, no. 3, pp. 24-31. (In Russian).
11. Luk'yanov S.A., Malygin A.Ya. *Rol' MVD dorevolutsionnoy Rossii v regulirovanii religioznykh otnosheniy* [The role of the Internal Affairs Ministry of the prerevolutionary Russia in regulating religious relations]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2003. 312 p.
12. Leont'eva T.G. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The faith and progress: Russian Orthodox Rural Clergy in the second half of the 19th – early 20th century]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2002. 278 p.
13. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 262. List. 20. File 14. (In Russian).
14. Rostislavov D.I. *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve* [On the Orthodox secular and regular clergy]. Leipzig, 1866. Vol. 2, 218 p.
15. The Code of Laws. 1857. Vol. IX. Art. 256-258; Vol. XV. Book 1. Art. 19. Note 1; Vol. IX. Art. 262. (In Russian).
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 97 (1861). File 604. (In Russian).
17. *Vsepoddannnyy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda za 1860 g.* [The Loyal Report of the Holy Synod Attorney-General for 1860]. St. Petersburg, 1862. 119 p.
18. The Code of Laws. 1857. Vol. XIV. Art. 380, 383; Vol. V. Book 2. Art. 245, 598, 599. (In Russian).
19. Freeze G.L. *The Parish Clergy in nineteenth century Russia. Crisis, reform, counter reform*. Princeton, New Jersey, 1983. 315 p.
20. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The social history of Russian Empire (the 18th – early 20th century)]. St. Petersburg: DB Publ., 1999. Vol. 1, 412 p.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 804. List 1. File 60. (In Russian).
22. The Code of Laws. 1857. Vol. X. Pt. III. Art. 467. (In Russian).
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 804. List 1. P. 1. File 96. (In Russian).
24. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 208. List 1. File 198. (In Russian).
25. Troitskiy S.M. *Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVII v. Formirovaniye byurokratii* [The Russian Absolutism and Nobility in the 17th century. The bureaucracy formation]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 289 p.
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1 (1884). List 1. File 107. (In Russian).
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 442. File 893. (In Russian).
28. Yarmonkin V. *Pis'ma iz derevni* [Letters from the village]. St. Petersburg., 1896. 58 p.
29. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1871. Vol. 42. Part 2. No. 45341. (In Russian).
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 806. List 19. File 55. (In Russian).
31. *Tserkovnyy vestnik*, 1892, no. 30, pp. 14-17.
32. *Rus'*, 1880, 29th November.
33. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 600. List 1. File 1333. (In Russian).
34. The State Archives of the Russian Federation (GARF). File 109. List 3. File 1471. (In Russian).
35. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 3. File 1397. (In Russian).
36. The Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RGB). Fund 587. List 1. File 17. (In Russian).

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА В СТРОИТЕЛЬНОМ ДЕЛЕ г. ТОМСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается роль купечества в строительном деле г. Томска во второй половине XIX – начале XX в. Деятельность каждого купца прямо или косвенно касалась сферы строительства и благоустройства города. Представители купеческого сословия выступали не только в качестве заказчика архитектурных сооружений, но и в роли подрядчика строительных работ. Благотворительность купцов также сыграла немалую роль в развитии технического образования в Томске. В начале XX в. купеческий заказ сменяется большей частью государственным заказом, а также заказами от общественных организаций и состоятельных граждан.

Ключевые слова: строительное дело; купечество; подрядчики; мастера; техническое образование.

Вопрос истории формирования сибирского строительного дела неразрывно связан с деятельностью томского купечества. В начале XX в. сибирские города получают активное экономическое развитие. Если в пореформенное время важнейшие начинания и контроль над осуществлением строительных работ принадлежали государству, то в период капитализма инициатива исходит в основном от частных лиц. Купечество, увеличивая свои капиталы, становится крупным архитектурным заказчиком, стимулируя развитие архитектуры и строительства в Сибири. Строительство жилых домов, школ, лечебниц, контор осуществлялось главным образом на средства частных лиц, среди которых ведущее место занимали купцы.

Роли сибирского купечества как важного архитектурного заказчика посвящена большая работа томских ученых «Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество» [1]. На примере городов Томской губернии в книге показано участие купеческого сословия в процессе строительства зданий, путем вложений в недвижимость, как средства реализации предпринимательской и благотворительной деятельности.

Кроме щедрой купеческой благотворительности на городское благоустройство и строительство общественных зданий существовали еще и профессиональные потребности в строительстве. Деятельность каждого купца не обходилась без вложения капиталов в строительство жилых и производственных помещений. Для оптимизации строительного предприятия и в результате конкуренции между собой крупные предприниматели использовали технические новинки, новые строительные и облицовочные материалы и прогрессивные конструкции. Реализуя свои запросы, они стимулировали рынок труда, создавая не только возможность рабочим строительных специальностей зарабатывать на жизнь, но и формируя потребность в квалифицированных рабочих, в том числе в каменщиках, слесарях, десятниках.

В строительстве в этот период времени преобладал хозяйственный способ организации строительных работ, при котором работы выполнялись собственными силами застройщика, без привлечения сторонних подрядных организаций. Однако в ведущих сферах строи-

тельства – железнодорожном, промышленном, городском – доминировал наемный труд. Сооружение зданий, промышленных и транспортных объектов осуществлялось в основном подрядным способом, наемными артелями [2. С. 141, 142]. При подрядном способе во главе бригады стоял подрядчик-предприниматель.

Возможно, частная строительная практика более всего отражает социально-экономическое положение губернии. Архивные материалы, а именно книги Томского публичного маклера и нотариуса на записку контрактов, договоров и условий, содержат контракты на выполнение строительных работ, где купцы являлись подрядчиками. Например, 19 марта 1877 г. крестьянин Нижегородской губернии Петр Архипов и томский купец второй гильдии Шостак заключили договор о том, что «12 законтрактованных человек, хороших мастеров по каменной кладке, знающих хорошо это дело с десятником, ни в коем случае не позднее 25 апреля должны произвести каменную кладку здания помещения Мариинского казначейства» [3]. Еще один контракт 1877 г., заключенный 11 марта между государственным крестьянином Томской губернии из деревни Ново-Троицкая Иваном Максимовым Федоровым и томским второй гильдии купцом Селивановым, содержит договоренность о выполнении работ «каменной и кирпичной кладкой со сводами на готово выкопанной земле» [4].

Материал для строительства заготавливали до начала сезона, дешевле всего это было сделать зимой. В маклерских книгах мы находим контракты на поставку строительных материалов, где одной из сторон выступают купцы. Так, 8 декабря в 1879 г. томский купец второй гильдии Иван Васильевич Хмелев заключил контракт с крестьянином Томской губернии и округа Уртамской волости деревни Батуриной Дмитрием Макаровым Кармановым, по которому крестьянин подрядился «доставить Хмелеву в г. Томск к 1 июля 1880 г. плах сосновых, 6 аршинных [4,3 м. – Л.Щ.], шириной от 8 до 9 вершков [35,5 – 40 см], в чистоте толщиной 1,5 вершка [6,7 см] – 900 шт., и плах сосновых 6 аршинных шириной от 8 до 9 вершков, в чистом толщиной 1 вершок [4,445 см] – 300 шт. Плахи должны быть лучшего досто-

инства, не гнилые. Заколы не более 4 вершков [17,8 см]. Всего плах 1200 шт. ценой по 23 коп. за каждую плаху на сумму 276 руб. серебром» [5].

Все строительные контракты определяли сроки производственных работ, их начало и окончание. Нарушение этих сроков влекло за собой выплату неустойки. Вот продолжение контракта, описанного выше, с купцом Шостаком: «В случае моей, Архипова неустойки или неправильности Шостак выполняет эти работы за мой счет по каким ему угодно ценам и я все убытки обязан уплатить Шостаку беспрекословно. При исполнении этих работ как рабочие, так и десятник должны оказывать совершенное повиновение как Архитектору, производителю работ, так и Шостаку или лицу от него» [6]. Случай нарушения контракта, заключенного в Городской управой со строителями, оговаривается следующим образом: «Если я взятого подряда в чем либо не исполню, то за все недоставленное количество лесу, плах или дров должен уплатить Городской управе в виде неустойки двойную против контракта цену, как равно должен и возратить полученный задаток. Вдвое отвечаю в исправности исполнения сего всем имеемым мною имуществом, в чем бы таковое не заключалось» [Там же]. Требование к качеству строительных работ, так же как и к самому материалу – бревну, доске, кирпичу, было неременным условием заработка подрядчика и рабочих.

В 90-х гг. XIX в. наблюдалось изменение масштаба подрядной деятельности. Подрядчиков пореформенного времени, оперировавших сравнительно небольшими суммами, сменили крупные строители-предприниматели. У крупного подрядчика было по несколько бригад, он являлся единственным хозяином строительной фирмы, организатором и производителем работ. По положению о подрядах и поставках всякий строительный подрядчик при заключении договора обязан был предоставить залог на сумму предполагаемого подряда, в денежном или имущественном эквиваленте [7].

«На каждый подряд или поставку должно быть выдано особое промысловое свидетельство по сумме принятого подрядчиком или поставщиком в каждом календарном году обязательства: при сумме свыше 200 тыс. руб. – свидетельство I разряда, при сумме от 50 тыс. до 200 тыс. руб. – свидетельство II разряда, при сумме от 10 до 50 тыс. руб. – III разряда, при сумме 500–10 тыс. руб. – IV разряда для торговых предприятий. Промысловые свидетельства на подряды и поставки с определенной суммой и бесплатные билеты на подряды с неопределенной суммой должны контрагентами выбираться обязательно из учреждений, выдающих эти свидетельства того именно уезда, где подряд или поставка должны исполняться» [8].

Надо сказать, что промысловые свидетельства III и IV разрядов брались столичными предпринимателями. Для Сибири были характерны меньшие суммы подрядной строительной деятельности.

К концу XIX в. альтернативу купцам в строительном деле составляли инженеры и техники, имеющие надлежащее образование и представлявшие интересы передовых европейских фирм и предприятий на территории Сибири. Например, интересы Нижнетагильского завода наследника П.П. Демидова, открывшего в Томске контору и склад технических изделий, представлял в 1894 г. техник П. Степанов [9]. В Томске в 1910 г. находились склады технических и механических изделий фирм «Попов и Зверев», «Антон Эрлангер и Ко». Кроме того, ремонт водопроводов и других мелких хозяйственных работ брали на себя слесарно-механические мастерские [10]. Существовали фирмы, которые специализировались только на продаже строительного материала. После постройки железной дороги в Сибири в Томской губернии можно было приобрести любой строительный материал. Достаточно посмотреть периодические и справочные издания этого периода: торгово-промышленные календари, памятные книжки, газеты.

Вот некоторые объявления из газеты «Сибирская жизнь» за 1907 г.: «Технико-строительная контора «И.И. Вerezубов и Ко» имеет на складе кирпич, щебень, камень бутовой, железобетон»; магазин В.А. Осипова наряду с предметами домашнего хозяйства продает обои, изразцы для печей разных цветов и рисунков»; «Технико-промышленное бюро имеет на складе в Томске асфальт кровельный, толь, цемент, картон» [11. С. 120, 121]. И все же не только строительные фирмы обеспечивали город строительными материалами и инструментами. Зачастую одним из направлений бизнеса купечества были магазины и лавки скобяных изделий. Томская строительная комиссия закупала строительные товары и инструменты в лавке купца второй гильдии Петлина Философа Петровича. Например, 10 апреля 1880 г. было куплено товара на сумму 54 руб. 20 коп. [12. Л. 331]. Большую известность имел магазин скобяных товаров Е.Х. Некрасовой на ул. Миллионной.

С середины XIX в. и до 1914 г. в области строительных материалов происходил процесс перехода от традиционных к новым, более прогрессивным строительным материалам, эффективным видам стеновых, отделочных, кровельных и многих других материалов и изделий. Однако заметим, что активное расширение ассортимента строительных материалов в этот период времени существенно повлияло лишь на архитектуру. Механизации самого производства, облегчающей нелегкий труд строителя, не уделялось достойного внимания. Как показывает статистический обзор В.В. Громана, в начале XX в. большинство подрядчиков предпочитали дешевый ручной труд механизированному: «Насколько позволяют судить полученные ответы, механические двигатели пока еще сравнительно мало употребляются при строительных работах». Даже в 1917 г. на всю Российскую империю в строительстве использовалось всего около 200 экскаваторов,

преимущественно зарубежных марок. На строительстве участка Транссибирский магистрали механизированным способом было выполнено всего 12% земляных работ [13. С. 79].

Потребность в квалифицированных строительных кадрах в результате экономического роста региона в рамках общегосударственных преобразований второй половины XIX в. привела к подъему технического и ремесленного образования. Купечество сыграло немалую роль в развитии технического образования в Томске, которое было необходимо для пополнения квалифицированной рабочей силы. Благотворительные вклады купцов в начальное общее и техническое образование в Томске можно рассматривать как дальновидность деловых людей, понимающих, что их благосостояние зависит также от материального благосостояния края.

Таким образом, деятельность каждого купца прямо или косвенно касалась сферы строительства, проектирования и благоустройства сибирского города Томска. Это выражалось как в непосредственном участии купцов в строительном деле, в качестве подрядчика, так и в роли заказчика. Благотворительные вклады купечества в развитие ремесленного образования г. Томска имели очень важное значение для обеспечения строительными кадрами развивавшейся строительной промышленности, столь нуждавшейся в квалифицированных технических кадрах. Газета «Сибирская жизнь» в 1897 г. поместила заметку о значении технического образования для Сибири: «...Людей с научным образованием, людей с технической подготовкой так еще мало у нас. Вследствие редкости своей они так еще дороги для нас, что многим мелким предприятиям приглашение их даже не под силу и, не зная

чем и с кем работать, молчит русская предприимчивость и идут к нам широкою рекою заграничные капиталы, а вместе с ними и техники... вместо заграничных техников сибирякам всеми силами нужно стремиться сделать таковыми своих сыновей и внуков... в промышленном образовании одинаково важны и высшие, и средние, и низшие училища. Идея дела принадлежит инженеру, разработка идеи – технику, а работа – ремесленникам» [14].

Во второй половине XIX в. складывается довольно стройная система производства строительных работ и выстраивается цепочка исполнителей от заказчика, которым выступает частное лицо или государственное учреждение, до простых рабочих, непосредственных исполнителей заказанных работ, в числе которых были десятники, артельные старосты, мастера, подрядчики разного уровня, техники и инженеры, руководившие и контролирующие ход работ. Все они выполняли волю не только заказчика, но и замысел архитектора, и в конечном итоге общественный заказ на то или иное здание или сооружение. Сейчас мы можем судить о выполнении работ по качеству дошедших до нас построек. Характерный для второй половины XIX в. купеческий заказ сменяется большей частью государственным и заказами от разного рода фирм, общественных организаций и состоятельных граждан, так как запись в купеческое сословие с 1898 г. стало уже не обязательным условием предпринимательства. На видное место выходят монополисты разных отраслей, российские и международные фирмы, которые уже имеют свой стиль в архитектуре (например, модерн и неоклассицизм), свои масштабы сооружений и зданий, планировки жилых и производственных помещений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П., Ситникова Е.В., Шагов Н.В., Богданова О.В., Залесов В.Г., Манонина Т.Н. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века): Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск / В.П. Бойко [и др.]; под ред. В.П. Бойко. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2011.
2. Очерки истории строительной техники России в конце XIX – начале XX вв. М., 1964.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 42. Л. 145.
4. ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 42. Л. 72.
5. ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 44. Л. 112.
6. ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 60. Л. 89.
7. Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1887 года. СПб., 1900. Т. X, Ч. 1: Положение о казенных подрядах и поставках.
8. ГАТО. Ф. 239. Оп. 4. Д. 26. Л. 1.
9. Томский справочный листок. (Томск). 1894. 25 дек.
10. Сибирская жизнь (Томск). 1910. № 289.
11. Сибирский торгово-промышленный календарь. (Томск). 1910.
12. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1751.
13. Громан В.В. Обзор строительной деятельности в России. СПб., 1912.
14. Сибирская жизнь. 1897. № 240.

Shchavinskaya Luidmila B. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kononova@inbox.ru

THE MERCHANTS' ROLE IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY IN TOMSK IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: construction industry; merchants; contractors; craftsmen; technical education.

The article analyzes the merchants' role in the construction industry in Tomsk in the second half of the XIX – early XX centuries. The merchants' activities directly or indirectly related to the construction branch and urban improvement. The merchant class was involved in the construction process, by investing in real estate as a means of implementing entrepreneurship and philanthropy. Realizing their requirements, they stimulated the labor market, creating not only an opportunity to construction workers to earn a living, but also form-

ing a demand for qualified workers, including masons, locksmiths, foremen. Representatives of merchants acted not only as customers of architectural constructions but also in the role of construction contractor. Large contractors had several construction crews, they were at once owners of construction companies, organizers and producers of the work. According to the Statute on Contracts and Deliveries of the Code of the Russian Empire every building contractor had to provide collaterals in the amount of the intended contract, in cash or equivalent property. The article deals with archival materials containing contracts for construction works where merchants were direct contractors. One of the merchants' business areas were hardware stores. In the 1890s there was a change in the scale of contracting activities. Contractors of the post-reform period, operating with relatively small sums, were replaced by major building entrepreneurs. And by the end of the XIX century engineers and technicians who had appropriate education and represented the interests of leading European companies and enterprises in Siberia, became competitors to merchants in the construction business. After the construction of the Siberian railway any building material could be purchased in Tomsk. Merchants' charity also played a significant role in the development of technical education in Tomsk. Their charitable contributions to the development of handicraft education of Tomsk Province was important for the development of the construction industry which was in need of highly qualified technical personnel. From the middle of the XIX century to 1914 traditional construction products were being replaced with new, more progressive, efficient types of wall, finishing, roofing and many other materials. However, the mechanization of production which could facilitate builders' hard work did not attract the appropriate attention. Most contractors preferred cheap hand skills to mechanized ones. At the beginning of the XX century merchants' architectural orders were largely replaced with the orders of the state, public organizations and wealthy individuals as since 1898 the merchant's status was no longer an obligatory requirement of business.

REFERENCES

1. Boyko V.P., Sitnikova E.V., Shagov N.V., Bogdanova O.V., Zalesov V.G., Manonina T.N. *Arkhitektura gorodov Tomskoy gubernii i sibirskoe kupechestvo (XVII – nachalo XX veka): Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan', Kamen'-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk* [Architecture of Tomsk province cities and Siberian merchants (the 17th – early 20th century): Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan, Kamen-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2011. 479 p.
2. *Ocherki istorii stroitel'noy tekhniki Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Essays on the history of construction machinery of Russia in the late 19th – early 20th century]. Moscow, 1964.
3. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 220. List 1. File 42. Page 145. (In Russian).
4. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 220. List 1. File 42. Page 72. (In Russian).
5. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 220. List 1. File 44. Page 112. (In Russian).
6. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 220. List 1. File 60. Page 89. (In Russian).
7. The Code of Laws of the Russian Empire. Completed by the Order of Emperor Nicholas I. 1887. St. Petersburg, 1900. Vol. X, Part 1: The Issue on the State-Owned Contracting and Supply. (In Russian).
8. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 239. List 4. File 26. Page 1. (In Russian).
9. *Tomskiy spravochnyy listok*, 1894, 25th December.
10. *Sibirskaya zhizn'*, 1910, no. 289.
11. *Sibirskiy torгово-promyshlennyy kalendar'*, 1910.
12. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 6. List 1. File 1751. (In Russian).
13. Groman V.V. *Obzor stroitel'noy deyatel'nosti v Rossii* [Review of the Construction Activities in Russia]. St. Petersburg, 1912.
14. *Sibirskaya zhizn'*, 1897, no. 240.

ТРЕЗВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 1907–1914 гг.: ХАРАКТЕР, ЭТАПЫ, ЗНАЧЕНИЕ

Рассматриваются понятие, формы, закономерности второго трезвенного движения в России в мирный период 1907–1914 гг., а также его этапы: 1) 1907–1909 гг.: начало широкого обсуждения алкогольного вопроса, оживление деятельности обществ трезвости; 2) 1910–1912 гг.: проведены два первых Всероссийских антиалкогольных съезда, Государственная дума приняла законопроект о мерах борьбы с пьянством; развитие движения на местах; 3) 1913 г. – июль 1914 г.: верховная власть открыто поддержала трезвенников; прошли два первых Всероссийских праздника трезвости; приняты широкие просветительные и ограничительные меры. Движение способствовало оздоровлению и укреплению российского общества.

Ключевые слова: трезвенное движение; общества трезвости; съезды по борьбе с пьянством; Государственная дума; история России начала XX в.

Второе трезвенное движение происходило в России в период развития капитализма, с 1888 по 1917 г. Цель предлагаемой статьи – выявить малоизученные в литературе этапы и закономерности движения в период мирного развития между окончанием революции 1905–1907 гг. и началом Первой мировой войны, когда оно получило наибольшее развитие.

В качестве методологической основы мы используем работы российского синергетика Г.Ю. Ризниченко о стадиях эволюции сложных систем [1] и известного американского социолога Н. Смелзера о закономерностях социальных движений [2]. Используя выводы Г.Ю. Ризниченко, можно заключить, что период Русско-японской войны, революции и реакции (1904–1909 гг.) явился для России фазой «беспорядка», «хаоса», что вызывало в обществе недовольство, поиски выхода. Часть населения видела главную причину несчастий в системе продажи (легальной и нелегальной) основного российского алкогольного изделия – казённого «вина» – водки. Система стала особенно разрушительной для основного, «несущего» класса-сословия страны – крестьянства. Об этом красноречиво свидетельствовал на рубеже 1913–1914 гг. священник села Новоселье Тюкалинского уезда Тобольской губернии И.С. Голошубин: «...За последнее время... строгие ограничения заменились разрешением на неограниченное число пивных и продажу казённой водки при мелочных лавках. Появление этих нежелательных торговых помещений внесло в посёлки какой-то ураган, опустошающий карманы у людей слабохарактерных, малосильных и имеющих некоторую склонность к спиртным напиткам» [3. С. 6.] Многие люди выражали острое недовольство существующим порядком вещей, часть из них вступала в трезвенное движение.

Трезвенное движение – это общественное движение за добровольный отказ граждан от употребления алкогольных изделий, за принятие органами государственной власти и местного самоуправления ограничительных и просветительных мер в отношении продажи, производства, распространения и потребления алкоголя. Оно относится к «реформистским», или «реформаторским», «мирным», или «ненасильственным», социальным движениям.

Формы (проявления) движения в 1907–1914 гг. в России: принятие обетов трезвости; проповеди, беседы, лекции; крестные ходы, праздники, собрания; требования (петиции, прошения, жалобы); общества трезвости, организация ими взаимопомощи, просвещения, досуга (кассы взаимопомощи, бюро по трудоустройству; библиотеки, читальни, общеобразовательные школы; любительские хоры, вечера, концерты); издание и распространение печатных изданий (листовок, газет, журналов, брошюр, книг); публичные выступления на собраниях политических партий, во время избирательных кампаний, в Государственной думе, в думских комиссиях; депутатские запросы, разработка и принятие законопроектов.

Внутри рассматриваемого периода (1907–1914 гг.) можно выделить три этапа. **Первый этап** – вторая половина 1907 г. – конец 1909 г. Это время спада общественного движения («период реакции»), вызванного как посттравматическими последствиями войны и революции, так и спадом (депрессией) промышленного производства 1904–1908 гг. Несмотря на неблагоприятные условия, на этом этапе начались широкое обсуждение алкогольного вопроса и принятие просветительных и ограничительных мер.

Необходимым «толчком», «сигналом тревоги» послужили выступления 16 и 27 ноября 1907 г. на 1-й сессии III Государственной думы члена фракции октябристов самарского предпринимателя из крестьян М.Д. Чельшёва (Чельшова, 1866–1915). Он призвал к решительным мерам по утверждению трезвости как необходимому условию здорового развития русского народа и существования Российского государства. Выступая впервые 16 ноября 1907 г. в прениях по поводу речи председателя Совета министров П.А. Столыпина, он сказал: «Повторяю, если мы не будем трезвы, то в скором времени будем обезличены и стёрты с лица нашей родной земли. Применение Правительством этой системы взимания налогов с населения через водку, по-моему, есть зло, и на это нам, народным представителям, надо взглянуть строго и рассудительно, не с точки зрения отвлечённых политических прав, а действительной и будничной жизни, и такую систему просить правительство отменить» [4. С. 14]. Выступления

Челышёва получили широкую общественную поддержку как внутри страны, так и за рубежом. На его имя поступило более 500 телеграмм и писем от организаций и граждан из разных уголков России, Будапешта, Стокгольма, Вены, Брюсселя, Швейцарии. Для того чтобы сделать их достоянием гласности, часть их он издал отдельной книгой [5].

Михаил Челышёв стал для движения идейным лидером – «агитатором, побуждающим к действию» (по Н. Смелзеру). По его предложению в Думу за подписью 31 её члена было внесено законодательное предложение, предусматривавшее важные противоалкогольные меры. Для рассмотрения предложения 11 декабря 1907 г. была избрана «Комиссия о мерах борьбы с пьянством» (1907–1912 гг.) Государственной думы (далее – Комиссия), явившаяся своего рода российским центром обсуждения алкогольного вопроса и разработки антиалкогольных мер. Председателем её стал член думской фракции правых епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский. 1868–1919 гг., священномученик), товарищем (заместителем) – М.Д. Челышёв.

Комиссия посылала в ряд важнейших министерств и ведомств запросы о том, что предпринимается ими для уменьшения алкогольного зла. В своих ответах ведомства указали следующие меры, принятые во многом под влиянием деятельности Комиссии:

1. Министерство народного просвещения в 1908 г. издало и разослало во все средние и некоторые низшие учебные заведения брошюру «Список наглядных учебных пособий и собрание программ для преподавания гигиены», где вопросы об алкоголизме были выделены в особую группу.

2. Военное министерство приказом от 30 декабря 1908 г. отменило выдачу нижним чинам в высокостепенные дни «чарки» (около 123 мл) водки и воспретило «продажу водки и крепких спиртных напитков в солдатских лавках и буфетах, допустив лишь продажу лёгкого виноградного вина и пива».

3. Святейший Синод принял определение от 4–6 июня 1909 г. «О борьбе с пьянством в народе», где указал духовенству следующие необходимые средства борьбы:

а) учреждение в приходах обществ трезвости, образом для которых «могло бы служить [церковное] Александрово-Невское общество трезвости в гор. Санкт-Петербурге с его уставом и изданиями для народа»;

в) «обязательная для всех священников... неустанная, живая проповедь о вреде пьянства, как с церковного амвона, так и вне храма... с раздачей и распространением в приходе книг, брошюр, листов...»;

д) «устройство в [церковноприходских] школах чтений религиозно-нравственных и патриотических», сопровождаемых показом «картин с помощью волшебного фонаря [проектора], а также общим пением»; использование чтений для наглядного показа вреда пьянства;

е) «наконец, личный пример трезвости священнослужителей прихода...» (цит. по: [4. С. 743–756]).

В 1909 г. в России начался промышленный подъём 1909–1914 гг., повлекший за собой рост экономики в целом. Наряду с ним в 1910–1914 гг. происходил и рост общественного движения (так называемый «новый революционный подъём») [6]. На наш взгляд, время 1910–1914 (или 1909–1914) гг. в понятиях синергетики можно охарактеризовать как *период «устойчивого роста»*.

Одним из проявлений подъёма активности реформистской части общества, выступавшей за *мирное обновление* страны, стало развитие трезвенного движения. **Второй его этап** – это конец 1909–1912 гг., когда в Петербурге и Москве впервые в истории прошли два Всероссийских съезда по борьбе с пьянством, а в III Государственной думе был принят законопроект о мерах борьбы с пьянством. На трёх названных «всероссийских собраниях представителей» (съезды и Дума) алкогольный вопрос был всесторонне обсуждён и намечены пути его решения. Была «собрана», «накоплена» энергия-информация и «передана» на места. Её распространение происходило через участников съездов и членов Думы, через светские и церковные газеты и журналы, важнейшим среди которых был журнал Александрово-Невского общества трезвости «Трезвая жизнь». Последний выписывали во многих церковных приходах, а ряд материалов перепечатывали местные «епархиальные ведомости», обязательные к выписке во всех приходах.

Рассмотрим, как это происходило. В **Первом всероссийском съезде по борьбе с пьянством** (Петербург, 28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г.) участвовали 543 человека. Преобладали врачи, правоведы, члены трезвенных, либеральных, социал-демократических организаций. Были приняты резолюции о принципах и направлениях борьбы с пьянством.

Съезд единогласно провозгласил «руководящим началом общественного движения против пьянства полное воздержание от спиртных напитков», признал необходимым «ввести в виде отдельного предмета преподавание начал трезвости в низшей и средней школах»; допустить «ознакомление студентов с вредом употребления алкоголя при посредстве лекций», а также посчитал нужным введение следующих норм: предоставить сельским обществам и городским самоуправлениям права составления запретительных приговоров о продаже спиртных напитков; «открытие новых заведений в селениях должно быть допущено только с согласия населения, выраженного на сходах с участием женщин»; «рабочим на фабриках и заводах должно быть предоставлено право ходатайствовать о закрытии винных лавок вблизи заводов на расстоянии одной версты [1066,8 метра]». Вместе с тем съезд признал, что «коренной мерой в отрезвлении населения было бы постепенное упразднение питейного дохода путём уменьшения количества выпускаемых в прода-

жу... спиртных напитков и замены питейного дохода другими источниками государственного дохода» [7. С. 89–92; 8. С. 133–136].

Как указывалось в русской периодической печати, значение форума состояло в том, что он:

- прервал долгий, всенародный сон благодушного отношения к пьянству;
- опубликовал обширный научный материал;
- на долю его и будущих съездов «выпадает важная задача создания общественного движения, необходимого для завоевания в пользу антиалкоголизма активного большинства в Государственной думе и Государственном совете» [7. С. 309, 310, 311, 355].

Следующий за съездом 1911 г. ознаменовался новыми успехами движения. 16 февраля 1911 г. на четвёртой сессии III Государственной думы был принят при втором предварительном обсуждении подготовленный думской Комиссией **законопроект о мерах борьбы с пьянством**, предусматривавший важные ограничительные и просветительные меры в отношении водки [4. С. 609–619].

На членов Думы оказывался сильный нажим со стороны алкогольного капитала, дабы изменить законопроект в ходе третьего обсуждения, намеченного на осень того же года. (Это было одним из проявлений алкогольного «контрдвижения».) В ответ на давление весной – летом 1911 г. по почину петербургского Александро-Невского общества трезвости развернулась всероссийская кампания поддержки законопроекта. (Общество во главе со своим председателем протоиереем П.А. Миртовым стало своеобразным коллективным «лидером-организатором» трезвенного движения.) Граждане, общественные и профессиональные организации писали членам Думы письма и принимали постановления в его поддержку. Сто пятьдесят один такой документ был опубликован М.Д. Чельшёвым отдельной книгой под говорящим названием «Пощадите Россию!» [9].

Поддержка с мест и энергичная деятельность Комиссии принесла свои плоды. Антиалкогольный законопроект, дополненный рядом важных положений, был принят при третьем, окончательном, обсуждении на пятой сессии III Государственной думы 16 ноября 1911 г. Он предусматривал:

- право вынесения запретительных приговоров о продаже крепких спиртных напитков (далее – алкоголя) волостным, сельским сходам, городским думами и другим органам местного самоуправления на подведомственных территориях;
- на сельских сходах по этому вопросу право решающего голоса получали наряду с домохозяевами их совершеннолетние жёны и матери;
- воспрещалась торговля алкоголем в субботние и предпраздничные дни после 2 часов дня и полностью – в воскресные и праздничные дни;
- места продажи алкоголя могли находиться: в столичных и губернских городах – не ближе сорока сажен (85 м), а в остальных местностях – не ближе ста

сажен (213 м) от церквей и учебных заведений всех типов;

- во всех начальных, средних и педагогических учебных заведениях учащимся должны были сообщаться «сведения о вреде, приносимом употреблением спиртных напитков» [4. С. 690–703].

По заключению Чельшёва, главным результатом пятилетней деятельности Комиссии явилось то, что «пробудилось население»; появилась «громкая волна антиалкогольной идеи, которая, прокатываясь сейчас по России, растёт и ширится и которая истоком своим имеет Государственную Думу» [Там же. С. 757].

Принятый Думой законопроект поступил на рассмотрение в Государственный совет, где было сильно влияние помещиков-винокуров, сделавших всё для того, чтобы он не был принят. Несколько лет он обсуждался там и, наконец, в 1914 г. вернулся на доработку в IV Государственную думу. До 1917 г. он так и не обрёл силу закона, но многое из того, что в нём предусматривалось, было проведено в жизнь, начиная с весны – лета 1914 г., в результате царских указов.

Третий из названных выше форумов, **Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом**, прошёл в Москве с 6 по 12 августа 1912 г. по инициативе Александро-Невского общества трезвости, по благословению Св. Синода, под покровительством митрополита Московского Владимира (Богоявленского, священномученика, 1848–1918). Участвовали 473 человека. В отличие от предыдущего петербургского съезда, здесь преобладали священнослужители и светские деятели, поддерживавшие Церковь.

Резолюции съезда делились на несколько разделов. Первый – «Общие положения» – начинался тем, что «в основу борьбы с алкоголизмом должны быть положены религиозно-нравственные начала». Здесь же содержалось обращение «и к духовенству, и к интеллигенции... личным примером абсолютной трезвости, а также путём проповеди и организации обществ трезвости способствовать желанному отрезвлению родины».

Во втором разделе – «Организация борьбы с пьянством» – указывались пути успешного развития приходских обществ трезвости: признавалось нужным предоставить «возможно более широкое активное участие в обществах» женщинам, особенно жёнам священников; желательным – «предоставление возможно более широкой самодеятельности и инициативы» членам обществ; более частые членские собрания; «постоянное живое взаимообщение руководителя общества и членов между собою» путём учреждения особого института выборных, «оказанием материальной помощи нуждающимся... предоставление им занятий в... домах трудолюбия, выдачей им пособий и взаимообразных ссуд». «Для поддержки приходских деятелей по борьбе с пьянством и для внесения в эту деятельность большей планомерности» съезд признал необходимым устройство в каждой церковной епархии «епархиальных братств трезвости».

В подразделе «Борьба с алкоголизмом через школу» указывалось, что «необходимо сообщение систематических сведений во всех школах о вреде алкоголя и его влиянии».

В подразделе «Общественная борьба» съезд обратился к духовенству с убеждением не устраивать «угощения спиртными напитками при так называемых “помочах” и в своих общественных и семейных собраниях». Признавалось необходимым ходатайствовать перед «правительством и местными властями о том, чтобы совершенно воспрещено было всякое рекламирование спиртных напитков, особенно кощунственного свойства». Наконец, была принята важная резолюция о том, что, выслушав доклад [М.Д. Челышёва] и мнения о выработанном Государственной Думой законопроекте о мерах борьбы с пьянством, «...съезд настаивает на скорейшем проведении законопроекта в жизнь» [10].

Как указывалось в адресе, преподнесённом митрополиту Владимиру от имени членов съезда, значение форума состояло в том, что он ясно показал размеры алкогольной опасности, угрожающей России; придал «новые силы для самой устойчивой и беспощадной борьбы с алкоголизмом»; «указал разнообразные средства и методы для борьбы»; наладил связи между прежде разрозненными участниками движения.

Далее отмечалось, что отныне антиалкогольная борьба духовенства «из партизанской превратилась в народную и, может быть, в общегосударственную борьбу против общего страшного врага» [11. С. 175]. Действительно, Московский съезд положительно повлиял на то, что работа обществ трезвости на местах становилась более разносторонней и действенной. Это происходило, например, в Томской губернии [12. С. 66].

Третий этап движения – 1913 г. – июль 1914 г. Трезвенное движение, носившее охранительную и вместе с тем созидательную направленность, становилось всё более массовым. Российская верховная власть с начала 1913 г. перешла к его открытой поддержке с целью обрести в нём дополнительную опору и укрепить положение в стране.

В год празднования 300-летия династии Романовых Николай II 4 апреля 1913 г. принял в Царском Селе депутацию от российских православно-церковных обществ трезвости из трёх священников во главе с руководителем Александро-Невского общества протоиереем П.А. Миртовым. Во всеподданнейшем адресе, поднесённом от имени «1800 церковных обществ трезвости», содержалась просьба дать положительную оценку движению. Николай начертил на адресе: «Прочёл с удовольствием и желаю всемерного распространения по всей земле Русской трезвеного движения» [13. С. 597–600].

С января 1911 г. в Петербурге действовал состоящий под покровительством великого князя Константина Константиновича Всероссийский трудовой союз христиан-трезвенников (ВТСХТ). 28–29 апреля 1913 г. ВТСХТ при поддержке своих местных отделений и других обществ трезвости провёл в Петербурге

и городах и сёлах 56 губерний **первый Всероссийский праздник трезвости**. В ходе него проводились богослужения в храмах с молитвами о страждущих от пьянства, крестные ходы, раздавались и продавались трезвенные листки, брошюры, значки, собирались пожертвования, читались лекции. Кроме того, 29 августа 1913 г. в Москве, в Московской и ряде других епархий прошёл Всероссийский церковный праздник трезвости. Наконец, 7–8 апреля 1914 г. состоялся организованный ВТСХТ **второй Всероссийский праздник трезвости**. Он прошёл в Петербурге и 55 губерниях и областях по той же программе, что и первый. Благодаря всероссийским праздникам трезвенная работа поднялась на новую ступень и приобрела новый широкий, открытый, всенародный характер [14. С. 13–17; 15. С. 15–29].

С 1909 по 1914 г. происходил заметный рост числа обществ трезвости и численности членов. Происходила своего рода «цепная реакция» распространения трезвенного движения. По нашим подсчётам, на 1 января 1911 г. в России (без Польши и Финляндии) насчитывалось 1 873 общества, в них числилось более 500 тыс. членов [16. С. 42, 43]. (Действительное число участников и обществ было несколько меньше, так как в некоторых обществах вёлся суммарный учёт записавшихся в общество за год. Например, если человек записался на три месяца, а по прошествии этого срока в этом же году записывался ещё на три месяца, то в итоговом подсчёте было два члена, а не один. Кроме того, некоторая часть обществ, по сути дела, не проявляла деятельности).

74,5% учтённых обществ находилось в сельских поселениях и 25,5% – в городских. В сельских обществах преобладали крестьяне, в городских – рабочие, значительная часть которых была выходцами из села. 1 782 общества (95,0%) были религиозными, из них 1 771 (99,4%) – православными. Приведённые цифры наряду с другими данными позволяют сделать вывод о том, что трезвенное движение было естественным средством самозащиты традиционного, «крестьянского» общества от разрушительной алкогольной политики со стороны капитала и государства. Благодаря ему происходили отрезвление, религиозно-нравственное просвещение, подъём культурного уровня, повышение благосостояния людей [16. С. 55–61].

30 января 1914 г. рескриптом Николая II был отправлен в отставку министр финансов В.Н. Коковцов, а в рескрипте на имя его преемника П.Л. Барка провозглашалась новая финансовая политика с отказом от получения существенной части государственных доходов за счёт продажи казённой водки [17. С. 293]. 11 марта П.Л. Барк в циркуляре к управляющим акцизными сборами указал на необходимость «...относиться с полной благожелательностью к ходатайствам сельских обществ о закрытии или недопущении торговли крепкими напитками, неуклонно удовлетворяя все законно состоявшиеся о

том приговоры» [18. С. 479]. Следствием рескрипта и циркуляра стало принятие большого числа приговоров сельских обществ о закрытии казённых винных лавок и проведение различными государственными

ведомствами и Церковью ограничительных и просветительных мер.

Итак, изложенное выше развитие движения можно представить в виде следующей таблицы:

Этапы трезвенного движения в России в период мирного развития в 1907–1914 гг.

Хронологические рамки	Характеристика периода с точки зрения синергетики / историографии	Основное содержание этапа
Вторая половина 1907 – конец 1909 г.	«Хаос», «беспорядок», «выбор пути» / период реакции	Начало широкого обсуждения алкогольного вопроса в III Государственной думе; оживление деятельности обществ трезвости; первые просветительные и ограничительные антиалкогольные меры в школе, церкви и армии
Конец 1909 г. – 1912 г.	«Устойчивый рост» (?) / новый революционный подъём	Движение вышло на всероссийский уровень. Проведение двух Всероссийских антиалкогольных съездов в Петербурге (1909–1910) и Москве (1912); принятие Государственной думой законопроекта о мерах борьбы с пьянством (1911); заметный рост числа и активности обществ трезвости на местах
1913 г. – июль 1914 г.		Публичные действия: Всероссийские праздники трезвости (1913, 1914); движение становится наиболее активным и массовым; царь и власти начали выказывать ему открытое покровительство; с весны 1914 г. – принятие органами местного самоуправления многочисленных запретительных приговоров в отношении питейных заведений

Начавшаяся Первая мировая война была для России, согласно заключению Г.Ю. Ризниченко [1], «внешней катастрофой», прервавшей мирное развитие. Реформистское трезвенное движение ослабло, а в чрезвычайных условиях революции 1917 г. («внут-

ренняя катастрофа») оно прекратило существование. Тем не менее в 1907–1914 гг. оно оздоравливало и укрепляло общество. Его достижения являются ценным историческим опытом, культурным наследием народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ризниченко Г.Ю. Стадии эволюции сложных систем // Сайт С.П. Курдюмова. Синергетика и эволюционизм. URL: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/stadii-evolyucii-slozhnykh-sistem>, свободный (дата обращения: 17.02.2014).
2. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. Гл. 19. Коллективное поведение и социальные движения // URL: <http://socioline.ru/pages/nejl-smelzer-sotsiologiya-uchebnik>, свободный (дата обращения: 17.02.2014).
3. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1914. IV. 1250 с.
4. Чельшов М.Д. Речи М.Д. Чельшова, произнесенные в Третьей Государственной думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам: издание автора. СПб.: Б.и., 1912. VIII. 786 с.
5. Чельшов М.Д. О вреде народного пьянства. СПб., 1908. 84 с.
6. История. Капиталистический строй / К.Н. Тарновский // Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 24. Кн. II. Союз Советских Социалистических Республик. С. 118–121.
7. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 1. 361 с.
8. Для чего люди одурманиваются?: сб. / сост. Л.А. Богданович, Г.Т. Богданов. М.: Моск. рабочий, 1988. 288 с.
9. Чельшов М.Д. Поощрите Россию! правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством. Самара: Изд. М.Д. Чельшова, 1911. 232 с.
10. Резолюции Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом // В борьбе за трезвость. М., 1912. № 8–9. С. 13–20.
11. Труды Первого Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшегося в Москве 6–12 августа 1912 г. Пг.: Тип. Александр-Невского об-ва трезвости, 1914. Т. 1. 182 с.
12. Афанасьев А.Л. Всероссийские съезды по борьбе с пьянством, III Государственная дума и трезвенное движение в Сибири и на Дальнем Востоке в 1910–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. Июнь. № 335. С. 63–67.
13. Приём Государем Императором деятелей церковных обществ трезвости // Трезвая жизнь. СПб., 1913. № 5.
14. Отчёт о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1913 г. СПб., 1914. С. 3–17.
15. Отчёт о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1914 г. Пг., 1915. С. 15–29.
16. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития: 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2007. 196 с.
17. Высочайшие рескрипты... // Трезвая жизнь. СПб., 1914. № 3.
18. Циркуляр управляющего Министерством финансов // Там же. № 4.

Afanasiev Alexander L. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: afal_2007@mail.ru

TEMPERANCE MOVEMENT IN RUSSIA IN 1907–1914: CHARACTERISTICS, STAGES, SIGNIFICANCE.

Keywords: temperance movement; temperance societies; anti-alcoholic congress; III State Duma; history of Russia in XX century.

The article considers the definition, forms, periods and characteristics of the second abstinence movement in Russia in a peaceful period of 1907–1914. The underlying methodology is based on the works on the evolution of complex systems by the expert in synergetics G.Yu. Riznichenko and on the principles of social movements by the sociologist N. Smelser. Abstinence movement is a social movement against alcohol abuse and in support of preventive and educational activities of national and municipal authorities aimed at production, sale and consumption of alcohol. It is classified as a peaceful reformist social movement. The movement gained momentum after the revolution of 1905–1907. There are three stages within the period under consideration. The first stage is the second half of 1907–late 1909. This is a time of the movement's downward trend caused by the war, revolution and economic recession in 1904–1908. In spite of

an unfavorable situation, it was the time when the issue of alcohol abuse was raised in the III State Duma (M.D. Chelyshev). The Russian Orthodox Church, the Ministry of Education and the Military Ministry began their educational and preventive activities. Abstinence societies started to recover. The second stage is late 1909–1912 when Petersburg and Moscow hosted the first-ever All-Russian anti-alcohol congresses and the III State Duma adopted a law on the measures to combat alcohol abuse. These three forums outlined the major directions of the anti-alcohol activity which accumulated energy and information to share with local abstinence societies and gave a boost to their work. The third stage was from 1913 to July 1914. The abstinence movement was becoming more and more popular. Nicholas II was trying to improve the political situation in the country and in early 1913 began to openly support the movement. It was at that time when abstinence societies organized two All-Russian abstinence festivals and national and local authorities took active educational and preventive measures against alcohol abuse. By 1 January 1911 there were 1873 abstinence societies in Russia (excluding Poland and Finland) with about 500 thousand members. Abstinence movement was a natural protection act of the traditional “peasant” society against the alcohol policy of the capital and state. The movement encouraged abstinence, education, contributed to a better cultural level and welfare. With the beginning of World War I the movement declined and then, under the severe conditions of the 1917 Revolutions, ceased to exist. Nevertheless, the achievements of the movement cannot be underestimated as a valuable historic experience and cultural inheritance of the Russian people.

REFERENCES

1. Riznichenko G.Yu. *Stadii evolyutsii slozhnykh sistem* [Stages of Complex Systems Evolution]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/stadii-evolyucii-slozhnyx-sistem>. (Accessed: 17th February 2014).
2. Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Translated from English. Moscow: Feniks Publ., 1994. Available at: <http://socioline.ru/pages/nejl-smelzer-sotsiologiya-uchebnik>. (Accessed: 17th February 2014).
3. Goloshubin I. *Spravochnaya kniga Omskoy eparkhii* [A Handbook of Omsk Diocese]. Omsk: Irtysh Publ., 1914. IV, 1250 p.
4. Chelyshov M.D. *Rech' M.D. Chelyshova, proiznesennyye v Tret'ey Gosudarstvennoy Dume o neobkhodimosti bor'by s p'yanstvom i po drugim voprosam: izdanie avtora* [Speech of M.D. Chelyshov in the Third State Duma on the struggle against alcoholism and other issues. The author's publication]. St. Petersburg, 1912. VIII, 786 p.
5. Chelyshov M.D. *O vrede narodnogo p'yanstva* [On the dangers of the national drinking]. St. Petersburg, 1908. 84 p.
6. Tarnovskiy K.N. *Istoriya. Kapitalisticheskoy storoy* [History. The capitalist system]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1977. Vol. 24. Book II, pp. 118–121.
7. *Pervyy Vserossiyskiy s"ezd po bor'be s p'yanstvom* [The First All-Russian Congress to Combat Drunkenness]. St. Petersburg: P.P. Soykin Publ., 1910. Vol. 1, 361 p.
8. Bogdanovich L.A., Bogdanov G.T. *Dlya chego lyudi odurmanivayutsya?* [Why do people get drunk?]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1988. 288 p.
9. Chelyshov M.D. *Poshchadite Rossiyu!: pravda o kabake, vyskazannaya samim narodom po povodu zakona o merakh bor'by s p'yanstvom* [Spare Russia! The truth about the tavern expressed by the people regarding the law on measures to combat alcoholism]. Samara M.D. Chelyshov Publ., 1911. 232 p.
10. Rezolyutsii Vserossiyskogo s"ezda prakticheskikh deyateley po bor'be s alkogolizmom [Resolutions of All-Russian Congress of Practices to Combat Alcoholism]. *V bor'be za trezvest'*, 1912, no. 8–9, pp. 13–20.
11. *Vserossiyskiy s"ezd prakticheskikh deyateley po bor'be s alkogolizmom, sostoyavshiysya v Moskve 6–12 avgusta 1912 g.* [All-Russian Congress of Practical Agents to Combat Alcoholism in Moscow on 6–12 August 1912]. Petrograd: Aleksandro–Nevsky Temperance Association Publ., 1914. T. 1. 182 s.
12. Afanasiev A.L. All-Russian Prohibitionist Convention, 3rd State Duma and temperance movement in Siberia and Far East in 1910–1912. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 335, pp. 63–67. (In Russian).
13. Priem Gosudarem Imperatorom deyateley tserkovnykh obshchestv trezvesti [The Emperor's reception of the leaders of church temperance societies]. *Trezvaya zhizn'*, 1913, no. 5.
14. *Otchet o deyatel'nosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1913 g.* [Report on the activities of the All-Russian Labor Union of Christian Abstainers for 1913]. St. Petersburg, 1914, pp. 3–17.
15. *Otchet o deyatel'nosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1914 g.* [Report on the activities of the All-Russian Labor Union of Christian Abstainers for 1914]. Petrograd, 1915, pp. 15–29.
16. Afanasiev A.L. *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya: 1907–1914 gody: opyt ozdorovleniya obshchestva* [Temperance movement in Russia in the period of peaceful development: 1907–1914. The experience of society improvement]. Tomsk: Tomsk State University of Control system and Radio electronics Publ., 2007. 196 p.
17. Vysochayshie reskripty [Imperial Rescripts]. *Trezvaya zhizn'*, 1914, no. 3.
18. Tsirkulyar upravlyayushchego Ministerstvom finansov [Ministry of Finance Circular]. *Trezvaya zhizn'*, 1914, no. 4.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА НА ЗАВОДЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА «ВСЕОБЩАЯ КОМПАНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА» В 1915–1918 гг. ПОСРЕДСТВОМ НОМЕНКЛАТУРНОГО АНАЛИЗА ВЫПУСКАЕМОЙ ПРОДУКЦИИ

Определен уровень научного обеспечения производства на Харьковском электромеханическом заводе Русского общества «Всеобщая компания электричества» в 1915–1918 гг. Полученный результат позволил вскрыть еще одну, ранее неизвестную, причину того состояния эффективности работы предприятия, в котором оно оказалось на момент окончания Первой мировой войны. Отсутствие историографического и исторического материала, несущего в себе необходимый для достижения цели исследования прямой фактаж, стало стимулом к апробации метода номенклатурного анализа выпускаемой продукции.

Ключевые слова: наукоемкость; электромашиностроение; «Всеобщая компания электричества»; номенклатурный анализ; научное обеспечение; промышленность.

Сегодня изучение истории промышленного производства представляет особый интерес, так как за периоды промышленной революции, индустриализации и научно-технической революции (НТР) накопился достаточно большой, хотя и неупорядоченный, опыт по организации данного вида общественно-технической деятельности в разных социально-экономических условиях. Обобщение указанного опыта позволяет выявить определенные закономерности процесса научно-технического развития в этом направлении, знание которых делает его более прогнозируемым и значительно расширяет возможности по управлению им.

Среди всего колоссального объема соответствующей исторической информации сейчас наиболее востребована та, что касается наукоемких отраслей промышленности, в свое время коренным образом изменивших темпы общественно-технического развития. Причем предпочтительными являются хронологические рамки такого рода исторических знаний, охватывающие периоды становления упомянутых отраслей. Первоочередная необходимость исследования истории материального производства именно в данном ракурсе обусловливается сложившейся в постиндустриальном обществе довольно специфической ситуацией. Суть ее состоит в том, что накопленные на этапе НТР многочисленные научно-технические знания, существенно влияющие на ход научно-технического прогресса, не могут быть материализованы в полном объеме в промышленных масштабах. Это связано с отсутствием эффективных методик оптимизации процесса организации новых наукоемких отраслей промышленности, что, ввиду большого абсолютного количества требуемых к материализации знаний, привело к экономической невозможности осуществления последнего в полном объеме.

Таким образом, исходя из того, что отечественное электромашиностроение в конце XIX – начале XX в. являлось передовой наукоемкой отраслью производства, находящейся на этапе своего становления, данное и подобного рода исследования становятся крайне необходимыми.

При изучении истории наукоемких отраслей промышленности одним из наиболее важных моментов следует считать вопрос эволюции уровня их научного обеспечения, т.е. собственно того, что и создает их «наукоемкость». Между тем в нашем случае проведение исследования в указанном направлении традиционными методами крайне затруднительно, поскольку в архивных документах Харьковского завода Российского общества «Всеобщая компания электричества» (РО «ВКЭ») прямых или даже косвенных упоминаний о работе по научному обеспечению производственной деятельности предприятия не имеется. Соответствующей информации нет и в коллективной научной работе под редакцией А.А. Вознесенского «Очерк истории Харьковского электромеханического завода» [1]. Отсутствуют соответствующие сведения и в монографии С.А. Гусева «Очерки по истории развития электрических машин» [2], хотя относительно периода до Первой Мировой войны и эвакуации завода из Риги, пусть очень поверхностные и достаточно схематичные, данные о порядке научного обеспечения этого предприятия имеются. Также поднятому вопросу не уделяется внимание во 2-м томе коллективной научной работы «История энергетической техники СССР» [3], несмотря на наличие краткого анализа работы Харьковского электромашиностроительного завода (ХЭМЗ) РО «ВКЭ» и других предприятий аналогичного профиля в течение исследуемого периода. Обходится стороной проблема научного обеспечения предприятия в соответствующих подразделах монографии С.Я. Розенфельда и К.И. Клименко «История машиностроения СССР» [4], книги П.П. Успенского «Из истории отечественного машиностроения» [5]. При этом общая оценка (очень поверхностная) работы ХЭМЗ РО «ВКЭ» в избранных хронологических рамках в обоих приведенных трудах присутствует [2. С. 199, 200; 3. С. 309, 310].

Все вышесказанное позволяет вести речь о данной статье как о первой научной работе, посвященной исследованию истории организации научного обеспечения ХЭМЗ РО «ВКЭ». Ее актуальность определяется как упомянутой необходимостью изучения опыта со-

здания новых наукоемких отраслей, так и потребностью отображения ранее нераскрытых моментов в истории отечественной промышленности. Однако ввиду приведенного дефицита соответствующей информации в исторических и историографических источниках раскрыть тему исследования традиционно применяемыми методами не представляется возможным. Поэтому в настоящей статье предлагается задействовать метод номенклатурного анализа продукции. Его отличие от анализа номенклатуры продукции состоит в том, что в данном случае предметом изучения являются не технико-экономические характеристики последней, а ее потребительские свойства. Применение такого подхода позволяет по косвенным данным, почерпнутым в исторических источниках, довольно точно установить общий уровень научного обеспечения процесса конкретного промышленного производства. При этом интересующий нас критерий определяется как результат соответствия предлагаемой номенклатуры изготавливаемых исключительно собственными силами изделий требованиям научно-технического прогресса, выраженным через потребительский спрос на продукцию этого вида. Апробация данного метода добавляет статье актуальности, поскольку он предполагает расширение методологического инструментария множащихся исследований истории промышленного производства.

Таким образом, цель представленной научной работы – не только оценка общего уровня научного обеспечения производственного процесса на ХЭМЗ РО «ВКЭ» в 1915–1918 гг., но и экспериментальная проверка метода номенклатурного анализа продукции. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) установить общую динамику изменения номенклатуры продукции ХЭМЗ РО «ВКЭ» в 1915–1918 гг.; 2) определить общую динамику изменения спроса в течение исследуемого периода на электротехнические изделия в регионе и Российской империи в целом; 3) выявить пути и степень удовлетворения существующего спроса производственной программой ХЭМЗ РО «ВКЭ».

Следует отметить, что до начала Первой Мировой войны научное обеспечение производственного процесса на электромашиностроительном заводе РО «ВКЭ» в Риге осуществлялось исключительно материнской компанией «Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft» («А.Е.Г.»). Однако в период с 1905 до 1914 г. спрос на продукцию «А.Е.Г.» в России вырос более чем в 430 раз. Причем одновременно с количественным происходили и качественные изменения спроса, обусловленные как развитием электротехнической науки, так и динамикой индустриализации империи. Данные обстоятельства вынудили правление «А.Е.Г.» в начале 1914 г. заключить договоренности с американской General Electric Company («Г.Е.С.») и британской «The British Thomson-Houston Company» («В.Т.Н.С.») на поставку РО «ВКЭ» своих унифицированных комплектов, так как головные предприятия «А.Е.Г.» в

Германии с этой задачей уже не справлялись. Разработка технической документации и нормативной базы для адаптации указанных комплектующих к изделиям «А.Е.Г.» проводилась специалистами последней в Германии. Между тем с началом боевых действий обмен технической информацией между немецкой материнской компанией и Рижским заводом РО «ВКЭ» многократно усложнился. Вследствие этого продолжение работы по адаптации американских и английских комплектующих в основном легло на плечи инженерного персонала в Риге. Следовательно, на момент прибытия эвакуированного Рижского завода РО «ВКЭ» в Харьков в конце лета – начале осени 1915 г. уровень научного обеспечения производства на нем ограничивался инженерными работами по адаптации комплектующих «Г.Е.С.» и «В.Т.Н.С.» к изделиям «А.Е.Г.», выпускаемым по чертежам и согласно технологическим процессам, полученным до войны из немецкого КБ компании [1. С. 79].

Безусловно, в рассматриваемый период, когда отсутствовали какие-либо единые стандарты в электротехнике не только на международном уровне, но и внутри стран, адаптация комплектующих изделий двух разных производителей к одной электромашине, разработанной третьим, представляла собой достаточно сложную работу. Эта работа усложнялась также еще недостаточно развитой теорией электрических машин как во всем мире, так и в России. Данный аспект научного обеспечения ХЭМЗ РО «ВКЭ» усугублялся тем, что на украинских территориях Российской империи фундаментальные исследования в этой области находились еще в зачаточном состоянии. Существовавшая с 1902 г. в Киевском политехническом институте при кафедре электротехники лаборатория была малопродуктивной, к тому же создавалась на средства РО «Сименс-Гальске-Шуккерт», – следовательно, в своей работе ориентировалась преимущественно на потребности спонсора. Чуть более производительной и гораздо более широко ориентированной во внедренческом плане была электротехническая лаборатория Харьковского технологического института, созданная в 1907 г. Указанная широта сотрудничества обуславливалась тем, что оборудование для Харьковской лаборатории предоставили все три самые крупные в Российской империи электротехнические фирмы – РО «Сименс-Гальске-Шуккерт», РО «ВКЭ» и РО «Вестингауз». Между тем обе упомянутые лаборатории по своей оснащенности и возможностям многократно уступали аналогичным подразделениям, например, Петроградского политехнического института и Московского высшего технического училища, не говоря уже о тех исследовательских центрах перечисленных крупнейших электротехнических компаний, которые находились при их центральных правлениях за рубежами России. К тому же в обоих вузах наблюдался заметный дефицит ученых-электротехников и даже просто квалифицированных специалистов-электриков.

В результате мы можем говорить о том, что вклад в развитие теории электрических машин учеными украинских вузов в течение исследуемого периода, безусловно, присутствовал и имел свою неоспоримую ценность. Однако масштабы их деятельности не позволяли создавать комплексных научных направлений, завершающихся разработками опытных образцов. По крайней мере в документах фонда ХЭМЗ РО «ВКЭ» Государственного архива Харьковской области упоминания о научно-техническом сотрудничестве предприятия с учеными ХТИ и КПИ отсутствуют в каком-либо виде [6. С. 54; 7. С. 100, 104].

Невзирая на сложность работ по адаптации комплектов «G.E.C.» и «В.Т.Н.С.» к изделиям «А.Е.Г.», вызванную всеми вышеприведенными обстоятельствами, считать их научным трудом можно лишь с большой натяжкой. Даже если допустить, что все адаптационные работы имели экспериментальное сопровождение, то последнее носило, скорее всего, эмпирический, а не гностический характер. Данное предположение базируется на следующих фактах: а) историографические источники категорически утверждают полное отсутствие на ХЭМЗ РО «ВКЭ» каких-либо ученых, научно-технических подразделений или хотя бы отдельных специально оборудованных мест; б) имеющиеся исторические источники не содержат информации о научно-исследовательской и инженерной деятельности на предприятии, а также о научно-техническом сотрудничестве последнего с соответствующими учеными и организациями; в) конструкторы электрических машин техническими вузами на украинских территориях России практически не готовились. Однако всего этого фактажа достаточно лишь для предположений об уровне научного обеспечения ХЭМЗ РО «ВКЭ» в избранный хронологический период. В историографических источниках упомянутые утверждения делаются без всяких ссылок на фактический материал, имеющиеся исторические источники вряд ли можно считать исчерпывающими, а инженерный персонал завода, в своем большинстве, прибыл в Харьков из Риги. Таким образом, указанное предположение о недостаточном уровне научного обеспечения производственного процесса на ХЭМЗ РО «ВКЭ» в 1915–1918 гг. можно считать достаточно вероятным, но не точным, что не дает возможности объективно оценить его работу как наукоемкого предприятия. Вследствие этого возникла необходимость задействовать иные исследовательские методы, в частности номенклатурный анализ продукции данного завода в продолжение 1915–1918 гг.

В материалах фонда завода РО «ВКЭ» сберегается перечень всех заказов, выполненных предприятием за интересующий нас период, с указанием изготовленной номенклатуры конечных изделий. Характерно, что с лета 1915 по 1918 г. ее обновление не прослеживается, т.е. за весь досоветский период на ХЭМЗ РО «ВКЭ» продукция собственного производства в своей номен-

клатуре оставалась неизменной. Данный факт свидетельствует не только исключительно в пользу предположения об отсутствии какого-либо эффективного научного обеспечения производства. Стабилизация номенклатуры выпускаемых изделий позволяет также говорить об установившемся спросе на нее, причем в объемах, делающих разработку новых видов продукции в текущем измерении экономически нецелесообразной. Последнее может обуславливаться как стабильным спросом, так и его общим падением на электротехнические изделия, а также полным удовлетворением заводом растущих потребительских интересов в текущей и краткосрочной перспективе за счет уже существующей номенклатуры продукции путем наращивания объемов ее выпуска.

Между тем в нашем случае наблюдается спад объемов производства ХЭМЗ РО «ВКЭ» в сравнении с предвоенным: на 32,4% – в 1915 г., на 52,7% – в 1916 г., на 81,2% – в 1917 г. и на 96,3% – в 1918 г. Падение объемов производства в 1918 г. целиком объясняется начавшейся гражданской войной. В 1915 г. – потеря потребителей, оказавшихся на оккупированных территориях (на них приходилось около 19% производственной программы), эвакуация и обустройство на новом месте, передислокация 4% производственных мощностей в Москву также сыграли роль объективных факторов влияния на падение объемов производства. Но что касается 1916–1917 гг., то наблюдаемое тут сокращение производственной программы требует пристального внимания, поскольку видимых объективных причин для этого не существовало.

Общеизвестно, что спад промышленного производства на предприятиях, работающих на оборону страны, начался в России со второй половины 1917 г. ХЭМЗ РО «ВКЭ» являлся одним из таких заводов, однако если бы общий спад был единственной причиной сокращения объемов производства на предприятии, то последнее колебалось бы в пределах показателей 1915–1916 гг., как и в целом по машиностроению. К тому же, согласно архивным документам, количество запросов на ХЭМЗ РО «ВКЭ» по поводу возможности изготовления им электромашин и оборудования в течение 1917 г. значительно возросло по сравнению с 1916 г. Несмотря на наблюдаемое отсутствие жалоб со стороны завода на дефицит каких-либо ресурсов, возросло и количество отказов в удовлетворении упомянутых запросов. Аналогичная картина по динамике соотношения потребительских заявок к заводским отказам в их удовлетворении наблюдается и в 1916 г. по отношению к 1915 г., когда кризисные явления в экономике империи еще не проявились в сколько-нибудь значительной степени. Таким образом, становится очевидным, что сокращение производственной программы на ХЭМЗ РО «ВКЭ» в течение 1916–1917 гг. обусловлено общим падением производства не более чем наполовину [8].

В результате мы приходим к следующей исторической картине. Темпы падения объемов производства на

ХЭМЗ РО «ВКЭ» превысили среднюю величину этого показателя по российскому машиностроению (в том числе электрическому) в 1916 г. примерно на 20%, а в 1917 г. – на 30%. При этом спрос на электротехнические изделия в империи неуклонно возрастал. Поскольку, как уже говорилось, архивные документы свидетельствуют об отсутствии у предприятия в этот период значительных затруднений с ресурсами и мощностями, то единственной причиной указанного падения объемов производства могло быть растущее несоответствие выпускаемой номенклатуры продукции потребительскому спросу. Анализ потребительских заявок предприятию подтверждает данное предположение. Так, уже с конца 1915 г. в ответах коммерческих представителей РО «ВКЭ» потребителям начинают фигурировать предложения на приобретение электромашин фирм «Г.Е.С.» и «В.Т.Н.С.», дилером которых на территории России являлась «ВКЭ». В течение 1916 г. количество этих предложений уже сравнялось с предложениями продукции собственного производства РО «ВКЭ», а в 1917 г. – стало преобладающим.

Более подробное исследование этого вопроса показывает, что в продолжение 1915–1918 гг. ХЭМЗ РО «ВКЭ» отказался практически от всех заявок на изготовление: турбогенераторов, крановых электродвигателей большой мощности, электромоторов для шахтных насосов, сверхмощных и пусковых трансформаторов. Кроме того, предприятием вообще не принимались заявки на изготовление электротехнических изделий, технические характеристики которых по электро-механическим параметрам отличались бы от довоенных требований «А.Е.Г.». Так, например, на электростанцию антрацитовых рудников княгини Юсуповой, городские электростанции Валук и Валок, районную электростанцию при железнодорожной станции Дебальцево и другие электростанции РО «ВКЭ» поставило турбогенераторы производства «Г.Е.С.» и «В.Т.Н.С.». Также в этот период Общество поставляло электродвигатели производства «Г.Е.С.» для подъемно-транспортных машин Бельгийскому артиллерийскому ведомству, Харьковскому паровозостроительному заводу, на шахты Донбасса, Морскому министерству России, да и вообще подавляющему большинству потребителей. Из приведенного следует и то, что в период 1915–1918 гг. в Российской империи значительно расширилась сфера потребления электрических машин. Начавшаяся электрификация хозяйственного комплекса страны сформировала новые требования к техниче-

ским характеристикам уже выпускающихся электромашин, а также затребовала расширения спектра этой продукции по видам, мощностям и назначению [9. Л. 6, 29, 30, 59; 10. Л. 53; 11. Л. 18–19; 12. Л. 124; 13. Л. 1–4].

Опираясь на архивный материал, можно утверждать полное несоответствие большинства довоенной номенклатуры продукции завода РО «ВКЭ» изменившимся потребностям рынка. Это-то, собственно, и привело к значительному падению объемов производства на предприятии, инженерно-технические службы которого, начиная с 1916 г., трансформировали процесс адаптации изделий партнеров к машинам конструкции «А.Е.Г.» в обратный – адаптацию изделий, разработанных в свое время последней к машинам, изготовленным, преимущественно, «Г.Е.С.».

Таким образом, номенклатурный анализ продукции ХЭМЗ РО «ВКЭ» в 1915–1918 гг. позволяет прийти к выводу, что в течение исследуемого периода научное обеспечение производственного процесса на заводе отсутствовало. Как следствие предприятие было вынуждено сократить выпуск морально устаревающих изделий и начать перепрофилирование производства на изготовление продукции тех фирм, на которых поддерживался должный уровень научного обеспечения производства. Постепенно данный фактор привел к полной зависимости степени эффективности работы ХЭМЗ РО «ВКЭ» от иностранных партнеров (в самой большой степени – «Г.Е.С.»). Косвенным подтверждением данному тезису может служить передача Российским правительством летом 1917 г. 1/6 пакета акций РО «ВКЭ», после ее секвестра, «Г.Е.С.».

Апробация номенклатурного анализа выпускаемой продукции как метода исторического исследования показала, что он позволяет достаточно точно и объективно охарактеризовать уровень научного обеспечения производственных процессов на промышленных предприятиях. Однако следует оговориться: в данном случае номенклатурный анализ применен к условиям свободного доступа потребителей к мировым научно-техническим достижениям, материализованным в наукоемкие изделия. Для применения к иным условиям, как, например, существовавшему в СССР ограниченному доступу потребителей к мировому рынку наукоемкой продукции при одновременно директивно предопределенном спросе на ее отечественные образцы, предлагаемый метод нуждается в соответствующей доработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Очерк истории Харьковского электромеханического завода* / [В.В. Суздальцев, А.Е. Кучер, Б.М. Щербаненко и др.]; под ред. А.А. Вознесенского. Харьков : Прапор, 1965. Ч. 1: Рабочие завода «Унион»-ВЭК в борьбе против самодержавия и капитализма (1888–1917). 224 с.
2. *Гусев С.А.* Очерки по истории развития электрических машин. М. ; Л.: Госэнергоиздат, 1955. 216 с.
3. *История энергетической техники СССР* / [А.Г. Александров, И.С. Аронович, М.А. Бабиков и др.]. М. ; Л.: Госэнергоиздат, 1957. Т. 2: Электротехника. 1957. 728 с.
4. *Розенфельд С.Я.* История машиностроения СССР / С.Я. Розенфельд, К.И. Клименко. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 498 с.
5. *Успенский П.П.* Из истории отечественного машиностроения. М. : Гос. науч.-техн. изд-во машиностроит. лит-ры, 1952. 84 с.

6. Факультет електроенерготехніки та автоматики. Нариси історії / [В.О. Бржезицький, Ю.Ф. Видолоб, М.В. Костерев та ін.]; за ред. М.Г. Поповича. К. : Нора-прінт, 1998. 284 с.
7. Тверитникова О.С. Внесок учених Харківського технологічного та електротехнічного інститутів у розвиток електротехнічної галузі України (1885–1950 рр.) : дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2009. 267 с.
8. Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 348: Завод Русского общества «Всеобщая компания электричества». Оп. 1–17.
9. ГАХО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 119.
10. ГАХО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 165.
11. ГАХО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 167.
12. ГАХО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 103.
13. ГАХО. Ф. 349. Оп. 1. СПр. 124.

Annenkov Igor A. Kharkiv Polytechnic Institute (Kharkiv, Ukraine). E-mail: agoal@mail.ru

DETERMINING THE LEVEL OF SCIENTIFIC MAINTENANCE OF PRODUCTION AT THE RUSSIAN COMPANY "UNIVERSAL ELECTRICITY COMPANY" IN 1915–1918 YRS BY NOMENCLATURAL ANALYSIS OF THE PRODUCTS.

Keywords: science intensity; electrical engineering; "Universal electricity company"; nomenclatural analysis; scientific support; industry.

The most effective methods of the organizational processes optimization in the new high-tech industries may be only those which are based on systematic relevant historical experience. However, there are currently no deep generalizations of the latter, at least that are sufficient for its systematization. This article partly fills this gap of historical knowledge. The object of study herein has become the Electromechanical Plant of the Russian Society "Universal electricity company" – the most powerful enterprise of the Russian Empire in such a new and high technology at the dawn of the last century as electrical engineering. As the subject of studies, the author selected the scientific support organization of the production process at the factory when it was evacuated to Kharkov during the World War I. The choice of the subject and the study timeframe are determined by the fact that it is the scientific support that is the determinant of production's science intensity. However, the change of the plant dislocation under the war conditions significantly complicated the implementation of this factor. Accordingly, the question raised in the article consisting, inter alia, in the plane of knowledge about the organization of scientific support of new high-tech industries, is of special interest. However, both in modern historiography as well as in historical sources there are no data on this problem. Accordingly, to achieve the goal (the identification of the level of scientific support of the production process at the plant within the selected chronological framework), the author has tested the method of nomenclatural analysis of the products. Usage of this method has allowed to establish the historical fact that in the course of 1915–1918 the level of scientific support of production process at the Kharkov Electromechanical Plant RS "Universal electricity company" could not afford the creation of high-tech products. This was the main reason to bring about the already known mode of the enterprise's operation not only in the period under review, but also in subsequent years. Thus, using the nomenclatural analysis of products (in conditions of shortage of the necessary direct historical evidence), an objective information was obtained. Relying on the generalizations of historical experience, this information made it possible to establish the dependency of the new high-tech industry enterprises' efficiency on their scientific support.

REFERENCES

1. Suzdal'tsev V.V., Kucher A.E., Shcherbanenko B.M. et al. *Ocherk istorii Khar'kovskogo elektromekhanicheskogo zavoda* [An essay on the history of Kharkov Electromechanical Plant]. Kharkov: Prapor Publ., 1965. Pt. 1, 224 p.
2. Gusev S.A. *Ocherki po istorii razvitiya elektricheskikh mashin* [Essays on the history of the development of electric cars]. Moscow, Leningrad: Gosenergoizdat Publ., 1955. 216 p.
3. Aleksandrov A.G., Aronovich I.S., Babikov M.A. et al. *Istoriya energeticheskoy tekhniki SSSR* [History of Soviet power engineering]. Moscow, Leningrad: Gosenergoizdat Publ., 1957. Vol. 2, 728 p.
4. Rozenfel'd S.Ya., Klimenko K.I. *Istoriya mashinostroeniya SSSR* [History of engineering in the USSR]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 498 p.
5. Uspasskiy P.P. *Iz istorii otechestvennogo mashinostroeniya* [From the history of domestic engineering]. Moscow: Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo mashinostroitel'noy literatury Publ., 1952. 84 p.
6. Brzhezits'kiy V.O., Vidolob Yu.F., Kosterev M.V. et al. *Fakul'tet elektroenergotekhniki ta avtomatiki. Narisi istorii* [Department of Electrical Engineering and Automation. Historical essays]. Kiev: Nora-print Publ., 1998. 284 p.
7. Tveritnikova O.E. *Vnesok uchenikh Kharkivs'kogo tekhnologichnogo ta elektrotekhnichnogo institutiv u rozvitok elektrotekhnichnoi galuzi Ukraini (1885–1950 rr.)*: dis. kand. ist. nauk [Contribution of scientists of Kharkiv Technological and Electrotechnical Institute to development of electro-technical industry in Ukraine (1885–1950). History Cand. Diss.]. Kharkiv, 2009. 267 p.
8. The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). Fund 348. List 1–17.
9. The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). Fund 349. List 1. File 119.
10. The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). Fund 349. List 1. File 165.
11. The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). Fund 349. List 1. File 167.
12. The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). Fund 349. List 1. File 103.
13. The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). Fund 349. List 1. File 124.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.И. АНОСОВА)

Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

Изучается влияние сибирской интеллигенции на формирование и трансляцию антибольшевистской идеологии в период гражданской войны. Дается характеристика роли газеты «Сибирская жизнь» в указанном процессе. В основе статьи лежит исследование публицистической деятельности профессора И.И. Аносова, статьи которого в сибирской прессе 1918–1919 гг. затрагивали множество важных тем, актуальных для читателей той эпохи. Были выделены основные сюжеты в его работах и дана их оценка в контексте заданной проблематики.

Ключевые слова: публицистика; «белое движение» в Сибири; сибирская печать; идеология.

В годы Гражданской войны в России формированию государственной идеологии уделялось большое внимание различными правительствами, возникшими на ее территории, как большевистским, так и различными правительствами так называемого «белого движения». От эффективности идеологических установок, их донесения до различных слоев населения, в числе прочего, зависела окончательная победа в начавшемся в стране противостоянии. Ее значение прекрасно понимали лидеры противоборствующих сил.

Немалую роль в формировании необходимой той или иной власти идеологии играли СМИ, которые не только транслировали различные политические установки, обеспечивали информационное пространство для них, но и порой принимали непосредственное участие в их создании. В первую очередь это относится к периодическим изданиям, среди которых наиболее актуальными были газеты, выходившие практически ежедневно и в силу этого могущие более оперативно реагировать на быстро изменяющиеся события, в отличие от столь популярных в XIX в. журналов, регулярность выхода которых по определению заметно уступала им.

Не была исключением и сибирская пресса эпохи Гражданской войны, на протяжении большей части которой Сибирь была антибольшевистской, на ее территории действовали различного рода правительства, преимущественно буржуазно-демократического характера. Не изменил радикально положения и переворот адмирала А.В. Колчака в ноябре 1918 г., получившего в его результате фактически диктаторские полномочия в регионе. Под угрозой большевистского натиска либерально настроенная общественность в основном стала оказывать ему поддержку, а действовавший в Сибири Восточный отдел ЦК партии кадетов фактически поддерживал сам переворот [1].

В разных городах Сибири издавались газеты «кадетского» толка, такие как омская «Сибирская речь»,

красноярская «Свободная Сибирь», томская «Сибирская жизнь» и др. Они оказывали немалое влияние на общественное сознание жителей сибирских городов, способствуя формированию у них антибольшевистской идеологии.

Не последнюю роль в указанных процессах играла «Сибирская жизнь», выходившая в Томске начиная еще с 1897 г., после того как была преобразована из газеты «Томский листок» [2. С. 311], являющаяся неофициальным периодическим печатным органом кадетской партии в городе [3. С. 139]. Практически на всем протяжении существования этого издания на него оказывалось цензурное давление властных структур, но сменяющиеся редакторы «Сибирской жизни» продолжали последовательно отстаивать свои либерально-демократические взгляды [4. С. 114]. Что касается рассматриваемого этапа Гражданской войны, то газета в это время дважды приостанавливала свою издательскую деятельность, пока полностью не была закрыта после окончательного прихода в город красных в конце декабря 1919 г. – с 31 января по начало июня 1918 г., когда впервые в Томске действовала советская власть, и в сентябре – декабре этого же года, в ходе всеобщей забастовки рабочих-печатников Томска [2. С. 311].

В годы Гражданской войны в «Сибирской жизни» свои статьи активно публиковали многие известные в Томске научные и общественно-политические деятели. Среди них был и известный томский профессор Иосиф Исаевич Аносов (1880 г. – не ранее 1934 г.), отметившийся за неполные 2 года (1918 и 1919) более 70 публикациями на разного рода злободневные темы.

И.И. Аносов, уроженец Саратовской губернии, выпускник, а в дальнейшем преподаватель юридического факультета Московского университета, с октября 1916 г. работал в Томском университете, где занимался научной, общественной и преподавательской работой [5. С. 29], с 20 октября 1919 г. и до поражения «белого движения» в Сибири был деканом юридического фа-

культета Томского университета [6]. В самые тяжелые годы Гражданской войны он развил активную антибольшевистскую деятельность, выражавшуюся не только в публикации статей означенной направленности в различных изданиях, преимущественно в «Сибирской жизни», но и в чтении публичных лекций, на которых призывал «к консолидации всех слоев населения для борьбы с большевиками» [6]. Его высокий уровень интеллекта и значительный авторитет не могли не оказывать заметного влияния на формирование антибольшевистской идеологии как в Томске, так и в других сибирских городах, в газетах которых его также печатали [7].

Как уже отмечалось, в годы Гражданской войны И.И. Аносов развил бурную публицистическую деятельность на страницах прессы, регулярно публикуясь в «Сибирской жизни» и других печатных изданиях. Одно только перечисление его публикаций за 1918–1919 гг. может занять несколько страниц текста. Это только статьи, подписанные его фамилией, «проф. Аносов». Не исключено, что еще часть статей была подписана им, как тогда часто делалось, псевдонимами или вообще осталась без подписи. Такие статьи часто встречаются в газетах того времени, и об их авторстве зачастую можно только догадываться.

Разумеется, спектр тем, поднятых публицистом за это время, был достаточно широк, это и аналитические статьи, в которых он пытался осмыслить произошедшее в стране и наметить перспективы развития, и различного рода события внутренней и внешней политики, анализ законодательной деятельности как большевиков, так и антибольшевистских правительств, текущие дела города и многое другое. Однако все эти статьи, чему бы они ни были посвящены, несли в себе отпечаток его мировоззрения, пропитанного убеждением в том, что Россия должна развиваться по пути свободы и демократии, а также ненависти к большевикам и к их политике, что особенно было на руку местным органам власти.

Так или иначе большая часть публицистических статей И.И. Аносова касалась большевиков, тем самым он активно участвовал в создании образа и самой партии, и ее деятельности в глазах своих читателей. Для него это была, безусловно, центральная тема, в результате чего он опубликовал целую серию статей, напрямую посвященных политике советской власти. В них ученый и публицист выступал категоричным противником как самой большевистской власти, так и основных ее мероприятий. «В разных областях общественной жизни наделали бед большевики, — пишет он, — везде их глубочайшее невежество, решительность наложили свои следы» [8]. Критике подвергались разные стороны их политики, такие как национализация промышленности и земли [9], финансовая политика красных [8], взаимоотношения с Германией (И.И. Аносов, как и большинство антибольшевистских представителей, видел во внешней политике красных

предательство национальных интересов России и считал, что большевики действуют полностью в русле немецких интересов) [10] и т.д. Большое внимание, будучи сам профессиональным юристом, уделял он правовым аспектам деятельности «Ленина-Троцкого и Ко», как он порой называл большевиков. В этой связи автор особенно негативно относился к тем профессиональным юристам, которые пошли на службу к красным, обвиняя их либо в неискренности и лицемерии, либо в непрофессионализме [11].

Анализируя первые декреты советского правительства, И.И. Аносов отмечал несколько характерных черт, свойственных, по его мнению, большевистскому законодательству. Во-первых, это его репрессивный характер, карательную функцию которого он справедливо подчеркивал, приводя примеры деятельности различного рода трибуналов, штрафов и конфискаций. Во-вторых, известный юрист называл поспешность и нервозность большевистских декретов, утверждая, что большая их часть была абсолютно не продумана. Также он отмечал несамостоятельность, вторичность многих законодательных актов большевиков. К примеру, в знаменитом декрете «О земле» он видит аграрную программу эсеров, списанную новыми властями [12].

Таким образом, говоря, казалось бы, о сугубо правовых аспектах деятельности большевиков, И.И. Аносов в рамках одной статьи дает краткую характеристику всей большевистской политики. «Вот три кита, — пишет он, — на которых зиждилось советское законодательство, — застрашать карами противящихся, создавая из тех же кар источник обогащения “народа”, проводить “во что бы то ни стало”, “немедленно”, “с железной решительностью” положения своей программы, не думая, не рассуждая, по типу подписания Брестского мира. Много зла и вреда принес этот бумажно-словесный поток» [12]. Очертив таким образом картину большевистского руководства, автор предлагает задуматься, извлечь из этого выводы, чтобы не повторять этих, на его взгляд, ошибок.

Негативно высказываясь по поводу основных действий большевиков, И.И. Аносов при этом постоянно подчеркивал, что власть их временная и обязательно будет свергнута. Мотивировал он это, в числе прочего, тем, что «слишком нелепа была их конструкция, слишком ясно было, на что, в сущности, они опирались» [8]. Все его публикации, так или иначе затрагивающие данную тему, одной из важнейших задач имели стремление доказать на конкретных примерах правильность этого тезиса. Даже накануне окончательного поражения антибольшевистских сил в Сибири он на страницах печати уверял, что победа еще возможна, что положение не безвыходное и все еще можно изменить [13].

Критикуя большевиков и доказывая несостоятельность их политики в своей перспективе, И.И. Аносов и к другим партиям и властным выборным структурам относился вполне скептически. По его утверждению, «партии, в роли руководителей страны, безнадежно

себя скомпрометировали» [14]. Не видел он перспектив и в деятельности Учредительного Собрания, по крайней мере, до тех пор, пока там доминируют эсеры [15]. Публицист называл его участников людьми, которые способны только обещать. Единственную серьезную замену партий он видит в конкретных людях, которые будут не просто говорить, но и делать, совершать реальные поступки [14]. Однако таковых, на его взгляд, осталось немного, особенно в Сибири. Об этом публицист писал еще в начале 1918 г., а затем неоднократно возвращался к этой теме.

Резко отрицательно оценивая большевиков, к эсерам И.И. Аносов, как видно из предыдущего текста, также относился негативно, поскольку социализм в любой его форме для него был неприемлем. В своей статье о поездке в Москву одного из лидеров эсеров В.М. Чернова он прямо называет большевиков их «старшими братьями» и отмечает, что «особого расхождения во взглядах и методах между компаниями Чернова и Троцкого нет». В своих построениях публицист даже идет дальше и выдвигает тезис о том, что «подлежит большому сомнению, кто оказался вреднее для России – клика ли Чернова, или большевики» [16]. Неодобрительно публицист отзывался и об их программе. Давая характеристику основным пунктам «Декларации» фракции эсеров в Учредительном Собрании, он приходит к выводу, что вся их программа носит совершенно утопический характер и заканчивает свою мысль утверждением, что социализм является политическим и социальным пустозвонством, большевистский ли он или эсеровский [15].

Приход к власти адмирала А.В. Колчака И.И. Аносов в целом принял, остался в Томске и продолжил свою идеологическую борьбу с большевизмом. Правда, больших восторгов переворот 18 ноября у него все-таки не вызвал, как, например, это было у одного из активных томских представителей кадетской партии М.Р. Бейлина, который вообще писал, что «эта дата была исторически неизбежной и решающей в судьбах всей страны» [17]. Разумеется, напрямую критиковать деятельность А.В. Колчака И.И. Аносов себе в печати не позволял, тем более что тот боролся с большевиками, которые для публициста были, безусловно, большим злом, однако к деятельности его правительства он относился довольно скептически, выступая порой негативно против отдельных действий его министров, в частности министра юстиции [18]. Правда, более положительно он относился к генералу А.И. Деникину и до последнего верил, что если и будет возможно победить большевиков, то только благодаря ему [13].

Говоря о том, каковы были представления И.И. Аносова о том, что из себя должна представлять новая всероссийская власть, которая придет на смену правления большевиков, в чем он не сомневался, по крайней мере, не позволял себе долгое время и тени его на страницах периодической печати, необходимо констатировать, что они выглядели несколько абстрактными. Во-первых, для публициста было оче-

видным, что кто бы ни пришел к власти, она должна базироваться на идее единства России [19], что, безусловно, напрямую было ответом на идею большевиков о «праве нации на самоопределение». «Только Великая Россия может быть Свободной Россией. Эту истину мы купили ценой неслыханного позора большевистской власти, Брестского мира и других прелестей», – писал публицист чуть позже [20]. Во-вторых, он отмечал, что данный вопрос является очень сложным и неоднозначным. В одной из статей автор обозначил две возможные альтернативы, показывая сильные и слабые стороны каждой из них. Первая – это передача власти вновь собранному Учредительному Собранию. Этот путь он называл теоретически правильным и желательным, но выражал опасения, что на практике он будет выглядеть иначе, особенно если там будут по-прежнему доминировать эсеры, но даже и без них господство партийного над личностным, как уже отмечалось, его сильно разочаровало. Второй вариант – создание единого правительства, поддерживаемого и фактически созданного союзниками. Его он воспринимал как теоретически более худший, поскольку иностранные государства будут руководствоваться в первую очередь своими интересами, а не интересами России, зато его И.И. Аносов считал более вероятным, за которым стоят конкретные силы и конкретные люди [19].

Вообще о союзниках и в целом о международных делах, напрямую связанных с положением в России, автор писал неоднократно, уделяя этому сюжету немалое место в своих построениях. Разумеется, что, говоря о них, И.И. Аносов не мог не уделять большое внимание и их противникам. Уже отмечалось, что он, как и большинство антибольшевистских идеологов и публицистов той эпохи, связывал напрямую немцев с большевиками.

Давая характеристику действий Германии на восточном фронте и постоянно подчеркивая негласную поддержку немцами большевиков, публицист утверждал, что немцы руководствовались в первую очередь соображениями практичности. Именно практичность, по его мнению, и определила попытки Германии всяческим образом содействовать сохранению власти в столицах у красных и поощрять их противостояние с белыми, поскольку разделенная междоусобицей страна не являлась бы угрозой для решения немцами своих военных и политических задач как в ряде оккупированных российских регионов, так и на западном фронте, пока он еще был и Первая мировая война продолжалась. «Наличность всероссийской коммуны, – напрямую пишет он, – давало сладостную уверенность в абсолютной безопасности восточного фронта и полной возможности выколачивать все потребное не только из занятой Украины, но и из любой местности Восточной России» [10]. Заключение Брестского мира для И.И. Аносова, равно как и для всех антибольшевистских сил, было национальным предательством, совер-

Подводя итог, стоит отметить, что сибирская, и томская в частности, интеллигенция активно участвовала в формировании и трансляции антибольшевистской идеологии. И.И. Аносов не был единственным здесь. Достаточно в этой связи вспомнить таких деятелей, как Г.Н. Потанин, М.Р. Бейлин, А.В. Адрианов и др. Представители этого социального слоя, в среде которой особенно выделялась университетская профессура, принимали активное участие в разворачивающихся событиях. Сложность заключалась в том, что на начало гражданской войны не было четко сформулированной «белой» идеологии и публицисты этого направления, осмысляя происходящие события, участвовали не только в распространении, но и в формулировании основных ее составляющих. Они вытекали из основных вопросов того времени, таких как будущая государственность, Учредительное Собрание, отношение к социализму и большевизму, союзникам, Восточному фронту и др. [23. С. 51]. Более того, была даже попытка создания в Томске, фактически на базе Томского университета, некоего идеологического центра со своим печатным изданием, однако эта инициатива, возникшая осенью 1919 г., так и не успела реализоваться [24. С. 124–126]. Как видно из вышесказанного, все эти сюжеты волновали и И.И. Аносова, сыгравшего непосредственную существенную роль в формировании антибольшевистской идеологии.

1. Харусь О.А. Либерализм в Сибири в начале XX века. Идеология и политика. Томск, 1996.
2. Косых Е.Н. Сибирская жизнь // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск, 2004.
3. Шевцов В.В. Вопрос о самоуправлении Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4(20). С. 138–142.
4. Жиликова Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3(7). С. 102–115.
5. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Выпуск I. 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996.
6. Аносов Иосиф Исаевич // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/%D0%90%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B2_%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%84_%D0%98%D1%81%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87,%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D1%87, свободный (дата обращения: 23.08.2014)
7. Аносов И.И. И с аннексиями, и с контрибуциями // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 7 августа.
8. Аносов И.И. Еще перспективы // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 21 июня.
9. Аносов И.И. Завоевания революции // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 11 июня.
10. Аносов И.И. Перспективы // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 20 июня.
11. Аносов И.И. Юристы-большевики // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 9 июня.
12. Аносов И.И. Общий характер «советского законодательства» // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 2 июня.
13. Аносов И.И. О вере в себя // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 22 ноя.
14. Аносов И.И. Люди и партии // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 8 июня.
15. Аносов И.И. Декларация фракции социал-революционеров в Учредительном Собрании // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 9 янв.
16. Аносов И.И. Каносса г. Чернова // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 30 янв.
17. Бейлин М.Р. Итоги и перспективы // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 28 мая.
18. Аносов И.И. Речь министра юстиции // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 20 мая.
19. Аносов И.И. К вопросу об организации всероссийской власти // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 14 авг.
20. Аносов И.И. Единство России // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 22 авг.
21. Аносов И.И. Четыре года (19 июля 1914 – 19 июля 1918) // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 31 июля.
22. Аносов И.И. Четыре года (окончание) // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 1 авг.
23. Луков Е.В., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Хмельницкий В.С., Шевелев Д.Н. Профессора Томского университета в годы Гражданской войны // Из истории революций в России (первая четверть XX в.) : матер. Всерос. симпозиума, посвящ. пам. проф. И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 2. С. 47–55.
24. Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007.

Yushnikov Alexander.V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: musaklio@sibmail.com

THE INFLUENCE OF INTELLIGENTSIA ON THE FORMATION OF ANTI-BOLSHEVIK IDEOLOGY IN CIVIL WAR TIME SIBERIA (ON THE EXAMPLE OF JOURNALISTIC ACTIVITIES OF I.I. ANOSOV).

Keywords: publicism; the White movement in Siberia; Siberian print media; ideology.

In the years of the Civil War in Russia various temporary governments paid much attention to the formation of state ideology. The role of media in this process cannot be overestimated. Siberian print media were not an exception. Within the Siberian media of that time, the newspaper 'Siberian Life' clearly stands out, as many famous socio-political figures published their articles there. Among them was Prof. I.I. Anosov (1880 – circa 1934). The repertoire of topics raised by this intellectual during the Civil War was vast, including analytical articles and coverage of different events of internal and external policy, analysis of Bolshevik and anti-Bolshevik governments' legal activities, present day events in Tomsk etc. However, all these articles, no matter which topic was concerned, were deeply influenced by his views which in turn were based on the resentment of Bolsheviks and their political agenda. Most of I.I. Anosov's articles touched upon Bolsheviks and, thus, were meant to contribute to creating the image of the Bolshevik party and of their record in the eyes of readers. Analyzing the first decrees of the Soviet government, I.I. Anosov discerned several characteristics of Bolshevik legislation. First of all, he mentioned the repressive nature intrinsic to Bolshevik decrees, their hastiness, nervousness and, above all, replication of the already existing legislation. Presenting the main activities of Bolsheviks in negative light, I.I. Anosov underlined that their power would be short-lived and soon overthrown. Criticizing Bolsheviks, I. Anosov was quite skeptical about other parties and institutions. He was generally positive about Admiral A.V. Kolchak's taking power, although he was not too much delighted by the 1918 coup. I.I. Anosov projects of all-Russian power were sort of abstract, but he repeatedly underscored that whoever takes the power, it must be based on the unity of Russia. Analyzing Germany's actions on the Eastern front and repeatedly making emphasis on Germany's secret support of Bolsheviks, I.I. Anosov stated that Germans were guided by Realpolitik concerns. He considered the Treaty of Brest Litovsk as a national betrayal committed by Bolsheviks. He also considered driving Germans from annexed territories as one of the main goals to achieve. In conclusion, it should be noted that Siberian intelligentsia actively participated in the formation and proliferation of anti-Bolshevik ideology. Up to the beginning of the Civil War, there was no consistent ideology of the White movement, and White-oriented publicists reflecting on unfolding events took part not only in the proliferation but also in the formulation of the main components of ideology. I.I. Anosov played an important role in this process.

REFERENCES

1. Kharus' O.A. *Liberalizm v Sibiri v nachale XX veka. Ideologiya i politika* [Liberalism in Siberia in the early 20th Century. Ideology and Politics]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1996. 226 p.
2. Kosykh E.N. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. In: Dmitrienko N.M. (ed.) *Tomsk ot A do Ya. Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z. A Concise Encyclopedia of the City]. Tomsk: NTL Publ., 2004. 439 p.
3. Shevtsov V.V. Problem of self-government in Siberia during the revolution period of 1905-1907. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2012, no. 4(20), pp. 138-142. (In Russian).
4. Zhilyakova N.V. Tsenzurnaya istoriya gazety "Sibirskaya zhizn'" (1894-1919, g. Tomsk) [The censorship history of the newspaper "Sibirskaya zhizn'" (1894-1919, Tomsk)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University journal of Philology*, 2009, no. 3(7), pp. 102-115.
5. Fominykh S.F. (ed.) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'. Vypusk I. 1888-1917* [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary. Issue I. 1888-1917]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1996.
6. *Anosov Iosif Isaevich* [Joseph Anosov] Available at: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/%D0%90%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%84_%D0%98%D1%81%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87. (Accessed: 23rd August 2014)
7. Anosov I.I. I s anneksiymi, i s kontributsiyami [Both with annexations and indemnities]. *Svobodnaya Sibir'*, 1918, 7th August.
8. Anosov I.I. Eshche perspektivy [More prospects]. *Sibirskaya zhizn'*, Tomsk, 1918, 21st June.
9. Anosov I.I. Zavoevaniya revolyutsii [The Conquest of the Revolution]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 11th June.
10. Anosov I.I. Perspektivy [Prospects]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 20th June.
11. Anosov I.I. Yuristy-bol'sheviki [The Bolshevik lawyers]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 9th June.
12. Anosov I.I. Obshchiy kharakter "sovetskogo zakonodatel'stva" [The general character of the Soviet law]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 2nd June.
13. Anosov I.I. O vere v sebya [On self-belief]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, 22nd November.
14. Anosov I.I. Lyudi i partii [People and Parties]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 8th June.
15. Anosov I.I. Deklaratsiya fraktsii sotsial-revolutsionerov v Uchreditel'nom Sobranii [Declaration of the Social Revolutionaries in the Constituent Assembly]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 9th January.
16. Anosov I.I. Kanossa g. Chernova [Canossa of Mr. Chernov]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, 30th January.
17. Beylin M.R. Itogi i perspektivy [Results and prospects]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, 28th May.
18. Anosov I.I. Rech' ministra yustitsii [The Speech of the Minister of Justice]. *Sibirskaya zhizn'*, 1919, 20th May.
19. Anosov I.I. K voprosu ob organizatsii vserossiyskoy vlasti [On organizing All-Russian authorities]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 14th August.
20. Anosov I.I. Edinstvo Rossii [The Russian unity]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 22nd August.
21. Anosov I.I. Chetyre goda (19 iyulya 1914-19 iyulya 1918) [Four Years (19th July 1914 – 19th July 1918)]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 31st July.
22. Anosov I.I. Chetyre goda (okonchanie) [Four Years (The end)]. *Sibirskaya zhizn'*, 1918, 1st August.
23. Lukov E.V., Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Khmel'nitskiy V.S., Shevelev D.N. [Professors of Tomsk State University During the Civil War]. *Iz istorii revolyutsiy v Rossii (pervaya chetvert' XX v.): mater. Vseros. Simpoziuma* [From the history of revolutions in Russia (the first quarter of the 20th century). Proc. of All-Russian Symposium]. Tomsk, 1996. Issue 2, pp. 47-55. (In Russian).
24. Lukov E.V., Shevelev D.N. *Osvedomitel'nyy apparat beloy Sibiri: struktura, funktsii, deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1920 g.)* [Informers of the White Siberia. Structure, functions, activity (June 1918 - January 1920)]. Tomsk, 2007.

УДК 94(571.16)“1920/1925”

А.В. Куренков

ТОМСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ: СОЗДАНИЕ, СТРУКТУРА, ПОЛНОМОЧИЯ (1920–1925 гг.)

Рассмотрена история Томского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, являвшегося высшим органом власти на территории Томской губернии в период 1920–1925 гг. Изучены проблемы формирования губисполкома, приведен его персональный состав, прослежены последующие в нем изменения, показана структура и отражен процесс ее реформирования, протекавший в контексте общесоветской реформы губернских органов власти. Рассмотрена нормативная база, охарактеризованы полномочия, изучен механизм взаимоотношений губисполкома с ниже- и вышестоящими структурами власти.

Ключевые слова: Томская губерния; губисполком; совет.

В течение весны – лета 1920 г. в городах, селах, волостях и уездах Томской губернии осуществлялся переход от чрезвычайных органов власти к конституционным. Революционные комитеты упразднялись, уступая место советам и их исполкомам. К осени 1920 г. были подготовлены условия для возобновления работы высшего органа государственной конституционной власти губернии, которым являлся Томский губернский исполком советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

На сегодняшний день краткие сведения о Томском губисполкоме содержатся в специальной энциклопедической статье [1. С. 95], отражены на страницах исследований, посвященных истории Томска и Томской области [2. С. 94–98; 3. С. 286], партийным и советским кадрам Томской губернии [4. С. 234–239], приведены в хронике жизни Томска [5. С. 182].

В данной статье на основе архивных и опубликованных источников раскрываются процесс образования, структура, кадровый состав, полномочия, механизм деятельности Томского губисполкома на протяжении всего периода его функционирования – с октября 1920 г. по октябрь 1925 г.

Томский губисполком был избран на последнем заседании Первого Томского губернского съезда советов, состоявшегося 25–28 октября 1920 г. На съезде присутствовали 187 делегатов, обладавших решающим голосом. Из них 180 являлись членами коммунистической партии. В числе прочих участников было 57 крестьян, 23 рабочих, 107 служащих и представителей других категорий и всего две женщины [6. С. 52]. В состав губисполкома вошли 27 человек: Я.М. Познанский, Ф.Е. Орлов, В.И. Жилин, К.А. Денисов, Р.М. Шергов, Я.М. Щербинин, П.А. Верхотуров, В.И. Репин, К.А. Озол, С.В. Александровский, В.Е. Никитин, Н.Я. Скоков, В.М. Похлебкин, Ф.А. Березовский, Ф.Е. Воронин, И.Н. Кудрявцев, М.С. Хаскин, С.Г. Чудновский, Е.В. Лосевич, Е.А. Федосеев, Д.М. Кедров, Н.В. Камболин, П.Н. Старостин, Я.К. Пономаренко, И.Е. Блохин, В.А. Кузнецов, В.М. Градинарь [7. 29 окт.].

Согласно Конституции РСФСР 1918 г., губернский исполнительный комитет являлся высшим органом

власти в губернии в период между губернскими съездами советов [8. С. 80]. Основными формами работы губисполкома являлись пленумы и заседания президиума. Первые должны были созываться в начале каждого месяца не позднее 5–7-го числа при наличии кворума в 11 человек. В период между пленумами текущую работу осуществлял постоянно действующий президиум, в который на первом пленарном заседании губисполкома 29 октября 1920 г. были избраны заведующий отделом управления Ф.Е. Орлов, губернский военный комиссар В.И. Репин, заведующий губернским земельным отделом В.И. Жилин, председатель губернского Совета профсоюзов Р.И. Шергов, заведующий губернским советом народного хозяйства Я.М. Щербинин, председатель президиума губкома РКП(б) П.А. Верхотуров, председатель губисполкома Я.М. Познанский [4. С. 235; 9. Л. 153].

На этом же заседании было заявлено о том, что губернский революционный комитет прекращает свою работу, а все заведующие его отделами, за исключением главы отдела здравоохранения, утверждаются в должностях заведующих отделами губисполкома. Руководство отделом здравоохранения было поручено М.С. Хаскину. Подчеркивая преемственность губревкома с губисполкомом, участники пленума приняли решение о том, что все изданные губернским ревкомом постановления, приказы и распоряжения должны подлежать обязательному исполнению [9. Л. 153–153 об.].

За первые восемь месяцев своей работы, с 29 октября 1920 г. по 29 июня 1921 г., пленум губернского исполкома собирался всего три раза. Президиум, напротив, заседал 88 раз, став основным рабочим органом исполкома. В совокупности на заседаниях пленума и президиума было рассмотрено за этот период следующее количество вопросов: экономических – 85, продовольственных – 76, по земельному делу – 36, юстиции – 53, по народному образованию – 22, административных – 53, организационных – 51, военных – 10, прочих – 117 [10. Л. 83]. Значительное количество вопросов экономического и продовольственного плана не являлось случайностью. Существенные изменения всего хозяйственного механизма страны, обусловленные

переходом весной 1921 г. к новой экономической политике, неизбежно приводили к концентрации внимания губернских властей на общеэкономических и продовольственных проблемах.

Кроме норм Конституции правовое положение губернского исполкома было закреплено в постановлении VII Всероссийского съезда советов. Оно предоставляло губисполкому право контролировать деятельность всех правительственных учреждений, в том числе и тех, которые не являлись отделами комитета, за исключением воинских подразделений [11. С. 113–115]. В 1922 г. ВЦИК разработал специальное положение «О губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетах», направленное на более детальную регламентацию деятельности обозначенных органов. Согласно этому акту, губернский исполнительный комитет избирался сроком на один год в составе не более 25 членов и кандидатов к ним в числе не более одной трети состава органа. В президиум губернского комитета, создаваемый в целях проведения в жизнь постановлений губисполкома и высших органов власти, согласно положению ВЦИК входили: председатель самого губисполкома, его заместитель, члены президиума и секретарь. Количественный состав президиума не мог превышать семи человек [12].

Аппарат губернского исполкома на протяжении пятилетнего периода, разумеется, подвергался определенным трансформациям. Пожалуй, одним из первых изменений, произошедших в структуре высшего органа власти губернии, стало формирование 22 ноября 1920 г. губернского отдела по делам национальностей (губнац). По аналогии с таким же отделом губкома РКП(б) основной задачей губнаца являлось проведение культурно-просветительной политики среди представителей различных этнических образований на территории губернии, втягивание их в советское строительство [13. Л. 2].

В начале 1922 г. произошли довольно заметные изменения в системе органов государственной безопасности. 6 февраля 1922 г. была упразднена ВЧК, вместо нее создавалось государственное политическое управление (ГПУ), которое, в отличие от прежнего органа, не было наделено внесудебными полномочиями [14. С. 50, 51, 147]. Реформирование чекистских структур в центре, разумеется, сопровождалось трансформациями на местах. В феврале Томская губЧК была преобразована в Томский губернский отдел ГПУ, первым начальником которого стал В.Ф. Беляев. В марте 1923 г. его сменил М.А. Филатов. В конце 1923 г. губотдел ГПУ стал именоваться губернским отделом ОГПУ [15. С. 20].

1 сентября 1922 г. прекратил свою деятельность губернский отдел юстиции. С этого момента его полномочия распределялись между советом народных судей, прокуратурой и коллегией правозаступников [16. Л. 48].

В середине сентября 1922 г. губернский коммунальный отдел был преобразован в губернский отдел коммунального хозяйства (губкомхоз), в структуре которого образовывались три управления: строи-

тельное, административное, управление коммунальным имуществом и коммунальными предприятиями [17. Л. 30].

Спустя месяц, в середине октября 1922 г., был упразднен, судя по источникам, губернский отдел народной связи. Его функции передавались сформированной губернской почтово-телеграфной конторе во главе с Н.А. Величковским [18. Л. 41–41 об.].

15 января 1923 г. начал свою работу Томский губернский суд во главе с председателем К. Ботоевым и его заместителями Стефановским и Шалаевым. Членами суда стали В.Г. Арсенов, С.В. Мотовилов, А.А. Жаворонков, В.А. Берестов, В.Ф. Оранский, В.Н. Шипунов, С.К. Шарнин [19. Л. 1–2 об.].

Крупная реформа губернских органов власти в масштабах всей страны была проведена осенью 1923 г. В период с 29 октября по 3 ноября 1923 г. состоялась третья сессия ВЦИК X созыва, на которой одним из обсуждаемых являлся вопрос о кардинальном реформировании аппарата губернских исполнительных комитетов. В последний день заседания, 3 ноября, большинством голосов был одобрен проект постановления «Об упрощении аппарата губисполкомов». Исходя из содержания этого акта, губернские отделы управления подлежали упразднению. Все их функции, кроме административно-исполнительных, передавались в компетенцию президиумов губисполкомов. Административно-исполнительные же теперь сосредоточивались в губернских административных отделах. Из компетенции продовольственных отделов изымались налоговые функции и передавались финансовым отделам. Губернские советы народного хозяйства и губернские коммунальные отделы теперь должны были объединиться в отдел местного хозяйства. Лишь девять отделов – военный, труда, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, политический (ГПУ), народного образования, здравоохранения, статистический, социального обеспечения – сохранялись в нетронутом виде [20. С. 188, 189].

Участники сессионного заседания полагали, что реализация на практике этого постановления будет способствовать сокращению штатной численности губисполкомов на 30–40%, а также снижению расходов на их содержание приблизительно на 25% [20. С. 189].

Необходимо отметить, что руководство Томской губернии развернуло кампанию по сокращению штатов губернских учреждений практически за два года до принятия указанного постановления. Так, еще в начале августа 1921 г. на заседании губисполкома было принято решение образовать при губернском отделе труда комиссию из двух представителей от данного отдела, двух – от губернского совета профсоюзов и одного – от губернского отдела рабоче-крестьянской инспекции. Задачами комиссии стали обследование советских учреждений с целью выявления возможности для наиболее эффективной постановки их технической части, определение количества сотрудников, подлежащих сокращению, выработка твердых штатов для учрежде-

ния. Заведующим отделами губисполкома предлагалось приступить к сокращению численности работников своих отделов [21. Л. 13].

В дальнейшем губисполком продолжил политику сокращения численности сотрудников своих отделов. В частности, на протяжении первой половины 1923 г. довольно активно осуществлялась процедура увольнения служащих с формулировкой «за сокращением штатов» [22. Оп. 1. Д. 1202. Л. 30, 40, 57].

Вторая половина 1923 г. была посвящена претворению в жизнь требований, содержащихся в ноябрьском постановлении ВЦИК. Однако еще в конце сентября 1923 г. участники пленарного заседания губисполкома признали вполне целесообразным упразднить губернский отдел управления, передав все его функции управлению делами губисполкома, а также губернской милиции. Принятая по результатам заседания резолюция юридически закрепила это решение [23. Л. 51].

Чуть позже, в начале октября 1923 г., было сформировано губернское административное управление во главе с Е.А. Мирошником. (Впоследствии губернское административное управление было переименовано в губернский административный отдел.) Оно возникло в процессе реорганизации управления Томской губерско-городской милиции [24. С. 249; 25. Л. 132; 26. С. 123, 124]. Согласно разработанному положению, губернское административное управление являлось отделом губисполкома и одновременно местным органом НКВД, осуществлявшим административно-исполнительные функции [27. Л. 116–118 об.].

12 октября, во исполнение решения пленума, президиум губисполкома принял постановление о передаче всех функций и дел отдела управления управлению делами губисполкома и административному управлению. Управляющим делами назначался Н.Н. Федоров, его заместителем – Л.И. Белорусец. Кроме того, подтверждалось сохранение поста начальника административного управления за Е.А. Мирошником [28. Л. 84].

По итогам этих изменений руководство губисполкома констатировало сокращение штатов всего органа на 36,7%. Такую цифру удалось заполучить благодаря тому, что новые подразделения губернского исполкома – управление делами и административное управление – включали в себя меньшее количество служащих, нежели бывший отдел управления со своими отделениями [29. Л. 115; 30. С. 100].

В декабре 1923 г. руководство губисполкома приступило к процедуре ликвидации губернского совета народного хозяйства. Все предприятия, ранее находившиеся в ведении упраздняемого органа, за исключением кожевенных и лесных, передавались в ведение губернского отдела коммунального хозяйства. Для осуществления этих довольно масштабных мероприятий решением губисполкома создавалась специальная комиссия из представителей губернского финансового отдела (Зиссерман), губсовнархоза (Родин), губкомхоза (Чернецкий). Председателем

был назначен Зиссерман. Комиссии поручалось разработать и представить на утверждение губисполкома план дальнейшей эксплуатации и управления губернскими предприятиями. Работу по ликвидации ГСНХ нужно было закончить к 1 января 1924 г. [31. Л. 159].

Стоит отметить, что необходимость сокращения штатной численности губисполкома не являлась единственной причиной ликвидации главного хозяйственного органа губернии. Еще одним побудительным мотивом к прекращению деятельности ГСНХ был отказ от методов «военного коммунизма» и переход к новой экономической политике. Между тем губернский совет народного хозяйства изначально был сформирован на принципах исключительной централизации и управлялся, по оценкам делегатов 4-го губернского съезда советов, на 90% из центра. Это обстоятельство, разумеется, приводило к систематическому игнорированию губсовнархозом требований и распоряжений самого губисполкома. Децентрализация управления промышленностью в период НЭПа сопровождалась передачей местным органам власти имущественных прав на предприятия местного значения. В этих условиях дальнейшее существование губсовнархоза вряд ли было оправдано [32. Л. 17]. Добавим, что еще до непосредственного упразднения этого органа наблюдалось постепенное сокращение численности его сотрудников: в августе 1920 г. их насчитывалось 1540 чел., в октябре 1920 г. – 920 чел., октябре 1921 г. – 254 чел., октябре 1922 г. – 86 чел. На первое октября 1923 г. штат ГСНХ составляли всего 26 человек [32. Л. 12].

Еще одно преобразование, осуществленное губисполкомом на протяжении 1923 г., касалось губернских отделов здравоохранения, образования и социального обеспечения. Их суть состояла в том, что все финансово-хозяйственные функции этих отделов были переданы губернскому отделу коммунального хозяйства. Тем самым заведующие отделами получили возможность сосредоточиться исключительно на специализированной работе, не отвлекаясь на мероприятия экономического плана [33. Л. 22; 32. Л. 16 об.].

Однако не всегда губисполком приступал к реформированию тех или иных учреждений в короткий срок с момента выхода постановления ВЦИК. Так, например, уже упоминавшийся губернский отдел коммунального хозяйства был реорганизован в губернский отдел местного хозяйства лишь 3 апреля 1924 г. [34. Л. 119]. Спустя несколько дней, 7 апреля, были утверждены заведующие подразделениями этого учреждения. Управляющим делами стал В.Д. Алексеев, заведующим финансово-хозяйственным подотделом – К.В. Лунев, бухгалтерией – Ю.И. Могилевский, временным главой подотдела благоустройства – Я.Я. Родюков [35. Л. 118].

Другим заметным преобразованием в структуре губисполкома стала ликвидация губернского продо-

вольственного комитета, состоявшаяся 1–2 июня 1924 г. Вместо этого органа был учрежден губернский отдел внутренней торговли [36. Л. 2].

Важнейшей функцией губисполкома являлось руководство нижестоящими уездными, а в ряде случаев и волостными исполнительными комитетами. Оно реализовывалось несколькими путями. Одним из них было «живое» взаимодействие, в процессе которого сотрудники информационно-инструкторского подотдела отдела управления губисполкома направлялись в уезды для непосредственной ревизии и инструктирования уисполкомов. По окончании таких командировок они представляли отчет руководству подотдела, в котором характеризовали постановку советской работы в том или ином уезде. Содержавшаяся в отчете информация в зависимости от тематики направлялась в соответствующие отделы губисполкома для принятия необходимых мер [37. Л. 2].

Другой формой управленческого воздействия на подчиненные органы являлась рассылка циркуляров, в которых содержались предписания губисполкома по самым различным направлениям деятельности. Наконец, заведующий отделом управления губисполкома и его заместитель осуществляли личные приемы заведующих уездными отделами управления, на которых заслушивали доклады последних о положении в уезде и сразу же давали им необходимые устные указания и инструкции. Кроме того, уездные исполкомы снабжались комплектами книг и брошюр политического содержания, а также необходимым агитационным материалом [37. Л. 1–2; 38. Л. 15].

Однако до уровня низовых исполнительных органов рассылаемые циркуляры не всегда доходили своевременно. В результате волостным исполкомам и сельским советам приходилось обращаться в губернский отдел управления и даже в Сибревком за разъяснениями по вопросам, относительно которых уже были даны циркулярные распоряжения [39. Л. 8].

Контроль за уездными исполкомами осуществлялся также посредством отчетов, предоставляемых уисполкомами в адрес губисполкома с характеристикой деятельности уездных отделов. Однако источники позволяют утверждать, что не только органы уездного звена отчитывались в письменном виде перед губисполкомом. К примеру, в феврале 1921 г. в информационно-инструкторский подотдел отдела управления губисполкома поступил отчет о деятельности Кулябинского волысполкома Барабинского уезда за январь 1921 г. [22. Оп. 1. Д. 97. Л. 67, 31].

По аналогии с нижестоящими органами отчеты о деятельности составлялись губернскими отделами и передавались для рассмотрения в отдел управления губернского исполкома [22. Оп. 1. Д. 97. Л. 32; Д. 289. Л. 10]. Стремясь к централизации управления, губисполком издал в марте 1921 г. приказ, в котором предложил всем губернским учреждениям, за исключением губвоенкомата, свои постановления, приказы и распоряжения

принципиального характера предоставлять на утверждение в президиум губисполкома [40. Л. 4].

Обладая статусом вышестоящего органа, губисполком мог смещать с должностей руководителей нижестоящих уездных исполкомов. Так, в октябре 1921 г. председатель Мариинского уисполкома Ланге был отозван со своего поста за неэффективную, по мнению губисполкома, продовольственную политику. Тогда же своей должности лишился заведующий продовольственным отделом Томского уисполкома Бойтовский, направленный после этого уполномоченным губпродкома в Боготольский район [41. Л. 23]. Кроме этих мер губисполкомом практиковались более серьезные наказания в отношении провинившихся сотрудников. В августе 1923 г. заведующий отделом управления Мариинского уисполкома Емельяшин был подвергнут аресту на трое суток за то, что установил непосредственный контакт с иностранными представительствами. Причем факт ареста не освобождал Емельяшина от исполнения своих служебных обязанностей [42. Л. 24].

Деятельность самого губисполкома, разумеется, также контролировалась вышестоящими структурами, и в первую очередь Сибревкомом и Народным комиссариатом внутренних дел. Именно в адрес этих двух органов отдел управления губисполкома ежемесячно направлял отчеты о своей работе [22. Оп. 1. Д. 291. Л. 14, 22, 25].

В сентябре 1922 г. была образована губернская прокуратура, наделенная по отношению к губисполкому надзорными полномочиями. На практике они реализовывались в систематическом посещении заседаний губисполкома прокурором, а также направлении прокурору с октября 1923 г. проектов обязательных постановлений исполкома для предварительного просмотра. Так, за период до 1 октября 1923 г. прокуратурой было составлено 34 протеста на постановления губисполкома. В результате часть из них губисполком отменил сам, в отношении других материал был направлен прокурору РСФСР для принятия решения [43. Л. 45–45 об.].

К весне 1922 г. состав руководителей отделов губисполкома практически полностью был обновлен (табл. 1).

Однако для губисполкома, так же как и для бывшего ревкома, была характерна ротация кадров. К примеру, спустя год, в апреле 1923 г. заведующим губернским отделом управления являлся И.С. Семериков, отделом труда – Я.Я. Васильев, финансовым отделом – Е.С. Кунин, отделом народного образования – Л.И. Карнаушевский, отделом РКИ – Т.И. Мосунов, земельным отделом – А.В. Кравков, продовольственным комитетом – В.М. Телятников, отделом ГПУ – М.А. Филатов [46. Л. 68–68 об.]. Осенью этого же года отдел труда возглавлял П.М. Тетерин, финансовый отдел – Р.К. Линде, продовольственный комитет – В.В. Базанов, совет народного хозяйства – Боровков, губернским военным комиссаром являлся Пушкарев [22. Оп. 1. Д. 761. Л. 57 об., 62, 68, 72; Д. 980. Л. 2; Д. 909. Л. 117]. Весной 1924 г. вновь наблюдалось значительное изменение кадрового состава заведующих отделами губисполкома (табл. 2).

Таблица 1

Состав отделов Томского губернского исполнительного комитета и их заведующие (весна 1922 г.)*

Наименование отдела	Заведующий	Образование	Партийность	Год рождения
1. Отдел управления	М.И. Фугенфиров	нет св.	нет св.	нет св.
2. Отдел труда	А.Л. Крыжевский	среднее	член РКП(б)	1889
3. Отдел социального обеспечения	А.С. Васенин	нет св.	нет св.	нет св.
4. Финансовый отдел	В.Ф. Яргин	высшее	член РКП(б)	1882
5. Отдел народного образования	Тизанов	нет св.	нет св.	нет св.
6. Коммунальный отдел	А.Т. Татьков	нет св.	нет св.	нет св.
7. Отдел здравоохранения	Д.А. Глебов	нет св.	нет св.	нет св.
8. Отдел рабоче-крестьянской инспекции	Н.П. Казанский	высшее	беспартийный	1889
9. Отдел народной связи	И.В. Родюков	среднее	член РКП(б)	1880
10. Земельный отдел	Г.Е. Дронин	среднее	член РКП(б)	1879
11. Отдел юстиции	В.В. Мокеев	высшее	член РКП(б)	1888
12. Статистическое бюро	В.Я. Нагнибеда	нет св.	беспартийный	1879
13. Совет народного хозяйства	С.В. Сергеев	нет св.	нет св.	нет св.
14. Продовольственный комитет	В.И. Кошелев	среднее	член РКП(б)	1895
15. Военный комиссариат	В.И. Репин	нет св.	член РКП(б)	1887
16. Отдел по делам национальностей	Г.М. Вайно	низшее	член РКП(б)	1889
17. Отдел ГПУ	В.Ф. Беляев	среднее	член РКП(б)	1893

*[44. Оп. 1. Д. 12. Л. 83; 22. Оп. 1. Д. 299. Л. 73; Д. 100. Л. 112, 164; Д. 436. Л. 85, 110, 133, 260; Д. 668. Л. 7 об., 8 об., 11, 13 об. – 14, 23, 26, 33–33 об., 37, 45 об. – 46; 26. С. 121; 45. С. 185; 15. С. 78]

Таблица 2

Состав отделов Томского губернского исполнительного комитета и их заведующие (весна 1924 г.)*

Наименование отдела	Заведующий
1. Управление делами	Царьков
2. Административный отдел	Е.А. Мирошник
3. Отдел труда	П.М. Тетерин
4. Отдел социального обеспечения	А.Ф. Мелешкин
5. Финансовый отдел	Р.К. Линде
6. Отдел народного образования	Емельянов
7. Отдел местного хозяйства	И.С. Семерилов
8. Отдел здравоохранения	Д.А. Глебов
9. Отдел рабоче-крестьянской инспекции	Т.И. Мосунов
10. Почтово-телеграфная контора**	Н.А. Величковский
11. Земельное управление	В.В. Базанов
12. Статистическое бюро	В.Я. Нагнибеда
13. Продовольственный комитет	В.В. Базанов
14. Военный комиссариат	Пушкарев
15. Отдел ОГПУ	М.А. Филатов

* [22. Оп. 1. Д. 761. Л. 249, 251, 280; Д. 1062. Л. 85; Д. 1076. Л. 384; 47. Оп. 1. Д. 33. Л. 8; 44. Оп. 1. Д. 34. Л. 22; 48. Оп. 1. Д. 47. Л. 30; 49. Оп. 1. Д. 153. Л. 77; 50. Оп. 1. Д. 227. Л. 118 об.; 51. Оп. 1. Д. 109. Л. 49; 52. Оп. 2. Д. 57. Л. 7; 53. Оп. 1. Д. 769. Л. 62; 26. С. 123; 15. С. 88]

**Данные по состоянию на 3 июня 1924 г.

Осенью 1925 г. деятельность губисполкома подошла к своему завершению. Упразднение Томской губернии вследствие нового административно-территориального деления в СССР означало прекращение деятельности всех губернских властных структур с передачей полномочий новым органам власти. 30 сентября 1925 г. президиум Томского губисполкома собрался на свое последнее заседание. На нем было вынесено решение считать губернский исполнительный комитет расформированным с 1 октября 1925 г. До избрания окружным съездом советов Томского окружного исполнительного комитета вся полнота власти в губернии передавалась Томской окружной комиссии по районированию в составе председателя М.М. Майорова и членов В.С. Калашникова, Р.К. Линде, Киселева и Антипова [54. Л. 301 об.].

Подводя итоги, необходимо отметить, что с началом деятельности Томского губисполкома в октябре 1920 г. завершился общий процесс восстановления советского аппарата в Томской губернии, построенного на конституционных основах. Происходившие в течение пяти лет систематические изменения в структуре исполкома диктовались необходимостью сокращения расходов на его содержание в условиях дефицита финансовых средств и общей хозяйственной разрухи в стране, недавно пережившей Гражданскую войну. Характерной чертой губернского исполкома являлись частые изменения в его кадровом составе, что вносило определенный дисбаланс в повседневную работу высшего губернского органа власти. Другим отрицательным фактором был невысокий, в целом, культурный и образовательный уровень руководящих губернских работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриенко Н.М. Томский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004.

2. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.
3. Томская область: исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994.
4. Гузаров В.Н. Партийные и советские руководители Томской губернии (1920–1923 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6.
5. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003.
6. Советы Западной Сибири 1919–1925 гг. : сб. док. / сост. Л.М. Живоглядова, И.И. Кванская. Новосибирск, 1980.
7. Знамя революции (Томск). 1920.
8. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР 1917–1922 гг. : сб. док. / гл. ред. М.П. Георгадзе. М., 1959.
9. Протокол пленарного заседания Томского губисполкома от 29 октября 1920 г. // ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 14.
10. Справка [о работе Томского губисполкома за период] с 29 октября 1920 г. по 29 июня 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 289.
11. Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР 1917–1922 гг. : сб. док. / гл. ред. М.П. Георгадзе. М., 1959.
12. О губернских съездах Советов и губернских исполнительных комитетах. URL: Постановление ВЦИК от 31 октября 1922 г. // Консультант-Плюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2013. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
13. Постановление Томского губисполкома от 22 ноября 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-317. Оп. 1. Д. 3.
14. Мозохин О.Б. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004.
15. Голоскоков И.В., Уйманов В.Н. На страже: очерки истории Томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, 2008.
16. Отчет о деятельности Томского совета народных судей за период с 6 по 13 сентября 1922 г. // ГАТО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8.
17. Протокол заседания президиума Томского губисполкома от 16 сентября 1922 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 398.
18. Протокол заседания президиума Томского губисполкома от 18 октября 1922 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 398.
19. Приказ [Томского губернского суда] от 15 января 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 11.
20. Третья сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета X созыва (29 октября – 3 ноября 1923 г.). Стенографический отчет. М., 1924.
21. Протокол заседания президиума Томского губисполкома от 6 августа 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 100.
22. ГАТО. Ф. Р-173.
23. Резолюция пленума губисполкома от 28 сентября 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 980.
24. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович Л.В. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX – XX вв. Томск, 2002.
25. Приказ по Томской губернской-городской рабоче-крестьянской советской милиции от 8 октября 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 105.
26. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейстеры, комиссары, начальники: руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX – XX вв. Томск, 1999.
27. Положение об административном управлении Томского губисполкома. Ноябрь 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 761.
28. Протокол объединенного заседания президиумов Томского губисполкома и губэсо от 12 октября 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 909.
29. Справка [о результатах реорганизации аппарата Томского губисполкома в связи с сокращением штатов]. [Ноябрь 1923 г.] // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 761.
30. Гагарин А.В. Советское строительство в Сибири (1920–1925 гг.) // Вопросы истории Сибири / ред. И.М. Разгон, Л.И. Боженко. Томск, 1972. Вып. 6.
31. Протокол заседания президиума Томского губисполкома от 9 декабря 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 909.
32. Протокол заседания 4-го губернского съезда советов. Заседание 2 декабря 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 264.
33. Отчет пленуму Томского губисполкома. Заседание 25 сентября 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 980.
34. Выписка из протокола заседания президиума Томского губисполкома от 3 апреля 1924 г. Дата выписки: 7 апреля 1924 г. // ГАТО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 227.
35. Приказ по Томскому губернскому коммунальному хозяйству от 7 апреля 1924 г. // ГАТО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 227.
36. Протокол заседания комиссии по [передаче] дел, имущества и кредитов губпродкома в ведение губкомвнуторга от 2 июня 1924 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1204.
37. Отчет отдела управления Томского губисполкома за январь 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 291.
38. Доклад заведующего Томским губернским отделом управления за сентябрь 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 291.
39. Циркуляр отдела управления Томского губисполкома от 17 мая 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 154.
40. Приказ Томского губисполкома. Март 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 140.
41. Доклад заведующего Томским губернским отделом управления за октябрь 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 291.
42. Протокол объединенного заседания президиумов Томского губисполкома и губэсо от 10 августа 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 909.
43. Протокол заседания 4-го губернского съезда советов. Заседание 4 декабря 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 264.
44. ГАТО. Ф. Р-252.
45. Борцы за власть Советов / под ред. В.С. Флерова. Томск, 1959. Вып. 1.
46. Список членов президиума Томского губисполкома, заведующих губотделами, председателей уисполкомов. Апрель 1923 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1202.
47. ГАТО. Ф. Р-314.
48. ГАТО. Ф. Р-175.
49. ГАТО. Ф. Р-28.
50. ГАТО. Ф. Р-199.
51. ГАТО. Ф. Р-180.
52. ГАТО. Ф. Р-321.
53. ГАТО. Ф. Р-84.
54. Протокол заседания президиума Томского губисполкома от 30 сентября 1925 г. // ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1414.

Kurenkov Artem V. Tomsk State University of Control Systems and adioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art_1987@inbox.ru

TOMSK PROVINCIAL EXECUTIVE COMMITTEE: ESTABLISH, STRUCTURE, POWERS (1920–1925).

Keywords: Tomsk province; provincial executive committee; soviet.

On October 28, 1920 at the last session of the First Congress of Soviets of Tomsk province the Tomsk provincial executive committee of soviets of workers, peasants and soldiers deputies of 27 people was elected. In accordance with constitutional norms, the provincial executive committee was the highest authority in the province between the provincial Congresses of Soviets. Along with the constitution the legal status of the executive committee was confirmed in a decision of the VII All-Russian Congress of Soviets as well as developed in the 1922 Regulation "On the provincial congresses of soviets and provincial executive committees". During the five years the execu-

tive committee structure was subject to considerable transformations. One of the first changes was the creation in November 1920 of the provincial department of nationalities whose tasks included carrying out cultural and educational policies among various national minorities in the province. At the end of June 1921 the economic conference, whose head was the chairman of the executive committee, appeared in the structure of provincial executive committees. In the autumn of 1923 the structure of executive committee was subject to the next reform held within the context of the country's total reform of provincial authorities. Its main objective was to achieve the maximum possible downsizing of provincial executive committees and, as a result, to reduce the costs of their functioning. In Tomsk province this transformation had begun even earlier than the initiative from the center was put forward. At the end of September 1923 the provincial department of management was dissolved, all its functions transferred to the department of general affairs and provincial police. In early October 1923 the provincial administration was formed. Along with structural changes, the personnel of the highest provincial authority was rotated periodically. From 1922 to 1924 there were systematic changes of the heads of department's executive committees. A major function of the provincial executive committee was to provide guidance to inferior authorities. It was carried out through sending the staff of the management executive committee to the districts with the purpose of holding revisions. Another way was sending circulars which contained prescriptions of the executive committee. Finally, the head of the provincial department of management met with the heads of the district management departments personally. The activities of the provincial executive committee were controlled by the Siberian revolutionary committee and the Commissariat of Internal Affairs. On October 1, 1925 the Tomsk provincial executive committee was dissolved because of the liquidation of Tomsk province. The Tomsk district executive committee became its successor.

REFERENCES

1. Dmitrienko N.M. *Tomskiy gubernskiy ispolnitel'nyy komitet Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov* [Tomsk Provincial Executive Committee of Soviets of Workers', Peasants' and Red Army Deputies]. In: Dmitrienko N.M. (ed.) *Tomsk ot A do Ya. Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z. A Concise Encyclopedia of the City]. Tomsk: NTL Publ., 2004. 439 p.
2. Dmitrienko N.M. *Sibirskiy gorod Tomsk v XIX – pervoy treti XX veka: upravlenie, ekonomika, naselenie* [A Siberian city of Tomsk in the 19th – early 20th century. Government, economy, population]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2000. 280 p.
3. Zinov'ev V.P. *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Region: a historical essay]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1994. 654 p.
4. Guzarov V.N. Party and soviet leaders of Tomsk Guberniya (1920–1923). *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 234–240. (In Russian).
5. Dmitrienko N.M. *Den' za dnem, god za godom: khronika zhizni Tomsk v XVII–XX stoletiyakh* [Day After Day, Year After Year. The chronicle of life in Tomsk in the 17th – 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2003. 345 p.
6. Borisov B.L., Kotsionova A.N., Zhivoglyadova L.M., Kvanskaya I.I. *Sovety Zapadnoy Sibiri 1919–1925 gg.* [The Soviets of Western Siberia in 1919–1925]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizh. izd-vo Publ., 1980. 189 p.
7. *Znaniya revolyutsii* (Tomsk). 1920.
8. *Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki* [The Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic]. In: Georgadze M.P. (ed.) *S"ezdy Sovetov RSFSR i avtonomnykh respublik RSFSR 1917–1922 gg.* [Congresses of the Soviets of the RSFSR and the Autonomous Republics of the RSFSR in 1917–1922]. Moscow: State Law Literature Publ., 1959. 1847 p.
9. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-53. List 1. File 14. (In Russian).
10. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 289. (In Russian).
11. Georgadze M.P. (ed.) *S"ezdy Sovetov RSFSR i avtonomnykh respublik RSFSR 1917–1922 gg.* [Congresses of the Soviets of the RSFSR and the Autonomous Republics of the RSFSR in 1917–1922]. Moscow: State Law Literature Publ., 1959. 1847 p.
12. *O gubernskikh s"ezdakh Sovetov i gubernskikh ispolnitel'nykh komitetakh* [On Provincial Congresses of Soviets and Provincial Executive Committees]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4971>.
13. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-317. List 1. File 3. (In Russian).
14. Mozokhin O.B. *VChK – OGPU. Karayushchiy mekh diktatury proletariata* [The Cheka – OGPU. The punishing sword of the Proletariat's dictatorship]. Moscow, 2004.
15. Goloskokov I.V., Uymanov V.N. *Na strazhe: ocherki istorii Tomskikh organov gosbezopasnosti v biografiyakh ikh nachal'nikov* [On guard: Essays on the history of Tomsk State Security Agencies in the biographies of their superiors]. Tomsk, 2008.
16. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-159. List 1. File 8. (In Russian).
17. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 398.
18. *Protokol zasedaniya prezidiuma Tomskogo gubispolkoma ot 18 oktyabrya 1922 g.* [Minutes of the Presidium meeting of the Province Executive Committee of Tomsk dated 18th October 1922]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 398.
19. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-117. List 1. File 11. (In Russian).
20. *Tret'ya sessiya Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta X sozyva (29 oktyabrya – 3 noyabrya 1923 g.). Stenograficheskiy otchet* [The Third Session of the All-Russian Central Executive Committee of the X Convocation (29 October - 3 November 1923). Verbatim Record]. Moscow, 1924.
21. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 100. (In Russian).
22. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-173. (In Russian).
23. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 980. (In Russian).
24. Lar'kov N.S., Chernova I.V., Voytovich L.V. *200 let na strazhe poryadka: ocherki istorii organov vnutrennikh del Tomskoy gubernii, okruga, oblasti v XIX – XX vv.* [200 years on guard of order: Essays on the history of law enforcement bodies of Tomsk Province, County, Region in the 19th – 20th centuries]. Tomsk: Krasnoe Znamya Publ., 2002. 519 p.
25. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-277. List 1. File 105. (In Russian).
26. Lar'kov N.S., Chernova I.V. *Politsmeystery, komissary, nachal'niki: rukovoditeli pravookhranitel'nykh organov Tomskoy gubernii, okruga i oblasti v XIX – XX vv.* [Chiefs of Police, Commissioners, Superiors: Heads of Law Enforcement Bodies of Tomsk Province, County and Region in the 19th – 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999.
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 761. (In Russian).
28. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 909. (In Russian).
29. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 761. (In Russian).
30. Gagarin A.V. *Sovetskoe stroitel'stvo v Sibiri (1920–1925 gg.)* [Soviet Construction in Siberia (1920–1925)]. In: Razgon I.M., Bozhenko L.I. (eds.) *Voprosy istorii Sibiri* [Problems of Siberian History]. Tomsk, 1972. Issue 6.
31. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 909. (In Russian).
32. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 264. (In Russian).
33. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 980. (In Russian).

34. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-199. List 1. File 227. (In Russian).
35. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-199. List 1. File 227. (In Russian).
36. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 1204. (In Russian).
37. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 291. (In Russian).
38. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 291. (In Russian).
39. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 154. (In Russian).
40. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 140. (In Russian).
41. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 291. (In Russian).
42. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 909. (In Russian).
43. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund P-173. List 1. File 264. (In Russian).
44. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-252. (In Russian).
45. Flerov V.S. (ed.) *Bortsy za vlast' Sovetov* [Fighters for Soviet Power]. Tomsk: Tomsk Book Publ., 1959. Issue 1.
46. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File. 1202.
47. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-314. (In Russian).
48. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-175. (In Russian).
49. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-28. (In Russian).
50. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-199. (In Russian).
51. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-180. (In Russian).
52. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-321. (In Russian).
53. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-84. (In Russian).
54. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R-173. List 1. File 1414.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КАЗАХСТАНЕ (1920–1929 гг.)

Рассматриваются основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане. Основное внимание уделено проблемам политики коренизации управленческого аппарата и практике землеустройства, вызвавших обострение межэтнических отношений в середине 1920-х гг. Попытка свертывания национальной политики начала 1920-х гг. столкнула Сталина и сторонников курса на жесткую централизацию страны и разжигание классовой войны в деревне и в кочевом ауле с национал-коммунистами, защищавших кочевой образ жизни и традиционный культурный порядок. Разгром национальной оппозиции в Казахстане в 1927–1928 гг. открыл дорогу для силовой модернизации казахстанского общества.

Ключевые слова: национальная политика; коренизация; межэтнические конфликты; национал-коммунисты; национализм.

Рост межэтнических противоречий, представляющих результат неконтролируемых миграционных потоков, влияющих на изменение национального состава населения, борьбы за ресурсы национальных элит и разнонаправленности культурных запросов этнических групп, требует глубокого научного анализа истории национальной политики Советского государства. В постсоветских государствах, включая Казахстан, остро стоит проблема социального и межэтнического доверия. В этой связи вызывает исследовательский интерес национальная политика Советского государства в Казахстане в 1920-е гг. Настоящая статья посвящена изучению основных направлений национальной политики Советского государства в Казахстане в первое десятилетие после образования казахской автономии в составе РСФСР. В статье показаны проблемы, с которыми столкнулись большевики в национальных регионах. Урегулирование открытых и латентных межэтнических конфликтов требовало от большевиков тщательного учета запросов национальных меньшинств страны.

Изучение национальной политики Советского государства в Казахстане в 1920-е гг. имеет давние традиции в отечественной историографии. В трудах Г.Ф. Дахшлейгера, С.З. Зиманова, А.П. Кучкина и др. освещались проблемы национально-государственного строительства, социального и культурного прогресса казахского общества, развития казахской социалистической нации, аграрных преобразований. Как правило, в доперестроечной научной литературе национальная политика связывалась с личностью Ленина, а имя Сталина – ее главного теоретика и «архитектора», замалчивалось.

После распада СССР резко меняется акцент в исторических исследованиях в бывших союзных республиках, становятся популярными работы в жанре описания «колониального угнетения и постоянного национального сопротивления». Антиимперский мейнстрим в казахстанском историописании задавался академиком М.К. Козыбаевым, сведшим основные положения советской национальной политики к ограничению права наций на самоопределение, «созданию «кукольных» национальных образований» и централизацию власти над народами страны [1. С. 158]. Российский исследо-

ватель А. Ремнев дал следующую характеристику основных дискурсов в исторической науке Казахстана: «Современная историография Казахской степи и казахского народа имперского периода перегружена методологическими противоречиями, новыми и старыми идеологемами, используемыми с нескрываемым политическим прагматизмом...» [2. С. 182–184].

В зарубежной историографии национальная политика Советского государства рассматривалась как комплекс вынужденных мер, проведение которых способствовало новому объединению страны и проведению новой имперской политики. Окончательной целью называлась ассимиляция советских национальных меньшинств [3. С. 201–208].

Фундаментальные принципы национальной политики были изложены в резолюции X съезда РКП(б), где было специально подчеркнуто, что «суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость национальностей, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность остальным народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [4. С. 366]. Борьба за доверие народов страны предполагала ликвидацию фактического и юридического неравенства. Одновременно с созданием органов управления в национально-территориальных образованиях Советской России проводилась земельно-водная реформа, цель которой было установление справедливости в распоряжении земельными фондами Переселенческого управления и казачьих войск.

26 августа 1920 г. ВЦИК и Совет Народных Комиссаров РСФСР принял подписанный председателем ВЦИК М.И. Калининым, председателем СНК В.И. Лениным и секретарем ВЦИК А. Енукидзе «Декрет об образовании Киргизской Советской Автономной Социалистической Республики», входящей в состав РСФСР со столицей в г. Оренбурге. Передача Оренбурга с прилегающими районами объяснялась необходимостью включения в республику крупного пролетарского центра, имеющего развитые революционные традиции. Кроме того, Оренбург был тесно экономически связан с кочевыми и полукочевыми районами Степного края [5. С. 46].

С.З. Зиманов, высоко оценивая шаги Советской власти по созданию национальной государственности, пишет: «Право наций на самоопределение, взятое Лениным из политического и демократического арсенала Запада и модернизированное им на большевистский лад применительно к условиям России, при всей своей ограниченности и деформации явилось одним из важнейших факторов интернационализации и обеспечения «единства» общества и страны. Парадокс состоял в том, что навязанное право самоопределения укрепило Россию как великую державу, основанную на советской власти. Без этой идеи и ее практической конструкции вряд ли бы состоялся Союз советских республик и была бы одержана победа в Великой Отечественной войне» [6. С. 12].

Национально-государственное строительство шло одновременно с реализацией комплексной национальной политики, предполагавшей преодоление фактического неравноправия этнических меньшинств и ликвидации негативных последствий колониальной политики царизма в наиболее остро назревавшем земельном вопросе. Большевики видели недоверие и отчуждение национальных окраин к новой власти, воспринимаемой как видоизмененная форма имперского господства русских. Настороженность местного населения по отношению к Советской власти наблюдалась в казахской автономии. А. Байтурсынов в феврале 1921 г. писал в газете «Ак Жол» о существовании в республике двух враждебных классов – казахов и русских [7. С. 31].

Решение национального вопроса в Центральной Азии затруднялось конфликтами из-за вопросов землеустройства между коренным и пришлым населением. Создав национальные республики, большевики обязаны были урегулировать этот вопрос путем уступок. По различным подсчетам в дореволюционный период из пользования казахов было изъято 45 млн десятин наиболее плодородных земель, из них 10 млн десятин передано казачьим войскам [8. С. 411].

На Учредительном съезде в октябре 1920 г. была принята Декларация прав трудящихся Киргизской АССР, провозгласившая: «Положить в основу земельной политики в КАССР обеспечение интересов киргизской и крестьянской бедноты, в особенности групп киргизских трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией» [9. С. 271]. На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями поставлена цель «сравнять в экономическом отношении русских и киргиз... энергично поведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли» [10. С. 279–284]. Большевики стремились к сглаживанию противоречий между казахским и русским населением в вопросах землепользования, но для этого требовалось перекрыть неконтролируемую миграцию кре-

стьян из европейской части страны и Сибири. С целью не усугублять эту проблему СНК КАССР постановлением от 8 ноября 1920 г. запретил самовольное крестьянское переселение.

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 г. казахским крестьянам возвращались свободные земли, неосвоенные переселенцами до февраля 1921 г. в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в вечное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. С учетом территорий, входивших в Туркестанскую АССР в период чрезвычайных аграрных мероприятий 1920–1921 гг., казахскому населению было возвращено несколько миллионов гектаров земли [11. С. 159]. Г.Ф. Дахшлейгер признал наличие неизбежных перегибов в политике и практике землеустройства, порожденных этноцентристскими трактовками принимаемых нормативных актов и несовместимых с проводимой генеральной политикой Советской власти, направленной на интеграцию народов на основе социальной солидарности. Поступали даже предложения о полном выселении русско-украинского крестьянства с территории КАССР, закрытии территории автономии для переселения [12. С. 55].

После национально-территориального размежевания 1924 г. сложился административный и политический формат казахстанской государственности, в рамках которого протекали последующие этнонациональные процессы. С 1922 по 1928 г. этнополитические процессы в Казахстане в значительной степени определялись политикой коренизации, практикой землеустройства и проблемами советизации казахского аула. Вокруг этих проблем шла ожесточенная полемика между сторонниками сталинского централизма и национал-коммунистами, находившимися под сильным влиянием бывших алашевских деятелей.

Значительное место в национальной политике занимала политика коренизации, заключавшаяся в создании управленческого аппарата, близкого и доступного советским народам. Главный «архитектор» советской национальной политики И.В. Сталин призывал к привлечению «националов» в управление с тем, «чтобы Советская власть стала столь же родной и близкой для народных масс окраин России. Но для того, чтобы сделаться родной, Советская власть должна стать прежде всего понятной для них... Советскую автономию нельзя рассматривать, как нечто абстрактное и надуманное, тем более ее нельзя считать пустым декларативным обещанием. Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией» [13. С. 358, 359].

В исторической науке существуют различные оценки политики коренизации. Политика позитивной дис-

криминации, или «положительной деятельности», (Т. Мартин) была изобретением большевиков, а не индийских националистов в середине XX в. Р. Суни исходит из верности советского руководства идеологии равенства народов и полагает, что большевики, являясь сторонниками экономического детерминизма, действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни, «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации – С.К.), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях. В первые годы советской власти политика коренизации ставила цель дать образование на родных языках нерусскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители постепенно стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве» [14. С. 109].

Политика коренизации начинается с принятия 22 ноября 1923 г. декрета КазЦИК о введении делопроизводства на казахском языке. Согласно намеченному графику с января по июль 1924 г. все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля над проведением коренизации был создан специальный орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации. С конца 1923 г. начали деятельность губернские и уездные подразделения республиканской Комиссии по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для преодоления отчуждения казахского населения к новой власти, привлечению казахов в государственное управление, модернизации социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе главной задачей ставилась процентная коренизация управленческого аппарата. В директивном письме краевое руководство особо отмечало цели и политическую значимость успеха коренизации, которая «является единственно мыслимым мероприятием, способным действительно вовлечь трудящиеся массы КАССР в советское строительство. Коренизация аппарата преследует следующие цели: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь казахов в советское строительство; в) поднять активность и самостоятельность казахских масс; г) создать почву для экономического и политического развития ранее угнетенных национальностей; д) устранить посредников между аппаратом и населением» [15. С. 111].

В каждом учреждении устанавливался обязательный процент штата казахских работников. Номенклатура должностей, подлежащих обязательной коренизации, не оговаривалась. Это позволяло многим руководителям обходить грозные директивы «сверху». Работникам европейских национальностей не вменялось в обязанность знание казахского языка. Политика позитивной дискриминации вызывала недоумение и сопротивление не толь-

ко «европейских» ответработников, но и широких слоев русского населения, переносивших неприязнь и обиды на титульное население. На местах имело место игнорирование требований республиканского руководства. В Семипалатинске местный районный руководитель открыто объявил: «У нас русский район, поэтому на решения Казакской конференции не заостряли внимание» [16. Л. 30].

Подготовка кадров велась в профессиональных учебных заведениях. В 1925 г. в республике насчитывалось 42 средних учебных заведения, в которых обучались 1 790 казахов. Ускоренными темпами рекрутировались казахи в ряды республиканской партийной организации. В 1922 г. численность казахских коммунистов составляла 1481 человек (8,9% от общей численности партийцев), с 1924 по 1 января 1926 г. численность казахских коммунистов выросла в семь раз, с 1 539 до 11 634 человек. Большая часть новых коммунистов была малообразованной. На 1 января 1926 г. из 11 634 коммунистов-казахов 4 432 были азбучно неграмотны (38%), из 6 225 партийцев из числа национальных меньшинств азбучно неграмотны были 1 471 человек (923%). Из 15 399 русских коммунистов неграмотны были только 631 человек (4%) [17. С. 109].

Коренизация проходила первоначально успешно лишь на уровне республиканского аппарата. В местном аппарате казахам предоставлялись преимущественно должности низших служащих – сторожей, кучеров и курсоров. Увольняемые с коренизированных должностей «европейцы» с трудом находили новую работу и владели нищенское существование. Процентная коренизация вызывала пассивное сопротивление русской части аппарата. Вторая сессия КазЦИК потребовала 100%-й коренизации штатов в районах проживания казахского населения и 50%-й коренизации в районах со смешанным населением [10. С. 195].

К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. Желаемого уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 г. в Президиуме КазЦИК работали 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак и 1 узбек. В республиканском Совете Народных Комиссаров на руководящих постах находились 11 казахов и 5 представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным – 8 из 16 человек руководителями были русскими по национальности. На 1 января 1925 г., по данным КазЦИК, наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28%), социального обеспечения (27,7%), Наркомате РКИ (20%) и Наркомате юстиции (17,5%). Меньше всего были коренизированы Народный комиссариат труда (7%), внутренних дел (6%), Казцентрсовнархоз (6%), Наркомат здравоохранения (4%), Казвоенкомат (4%), Уполнаркомвнутрторг (2,5%), Казстатуправление (1,5%) и Наркомат финансов (0%) [18. С. 131].

Преобладание в высшем руководстве края позволило национал-коммунистам смелее проводить практику этнических предпочтений в землеустройстве населения. В первую очередь, национал-коммунисты постарались юридически закрепить запрет на аграрное переселение населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения и снижения доли титульного этноса. С конца 1923 г. землеустройство стало проводиться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто и недвусмысленно заявлено краевым руководством. В феврале 1925 г. Второй Пленум Казкрайкома принял резолюцию, согласно которой землеустройство казахского населения должно было происходить не только за счет занимаемых ими земель, но и за счет «земли, освобожденной в результате добровольного переселения переселенческих участков, и участков земли, захваченных самовольно» [15. С. 111].

В результате проведения этнически ориентированной политики в сфере землеустройства и формирования местных органов власти в республике складывается взрывоопасная ситуация, аналогичная той, которая привела к Великому восстанию 1916 г., с той разницей, что протестный потенциал теперь формировался русским населением края. Недовольное неказахское население мигрировало в соседние районы РСФСР или обращалось к союзным властям с просьбой о создании автономии с прямым подчинением Москве. Русский крестьянин писал М.И. Калинину: «У нас в Казахстане у власти сидят одни казахи... землеустройство проводят среди казахов» [19. Л. 106]. В свою очередь, радикально настроенная часть казахов требовала выселения русских крестьян и казаков в Сибирь [20. Л. 130–133]. Сводки партийных органов и ОГПУ сообщают о многочисленных стычках казахского и русского населения. Казахи занимались часто потравami посевов, кражей скота, захватами земли. Русские остро ощущали потерю прежнего привилегированного положения и засыпали центральные органы жалобами на казахов и республиканское руководство [21. Л. 12].

Обострение межэтнических конфликтов не входило в планы союзного руководства после отхода от власти Ленина, усилившего давление на национал-коммунистов. Усиление централизаторских тенденций обычно связывают с личностью Сталина, не скрывавшего после разгрома в 1923 г. «султан-галеевщины» подозрительного отношения к этнонационалистским проектам местных коммунистических элит. С середины 1920-х гг. Союзный Центр постепенно лишает местные центры власти относительной свободы в контроле над республиками. Менялись подходы в отношении учета интересов русских в национальных республиках.

В Казахстане «смена вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф.И. Голощекина. В сентябре 1925 г. Голощекин возглавил партийную организацию республики. Первоначально Голощекин лавировал между требованиями центра и местной элиты, стараясь ослабить связь национал-

коммунистов и алашевцев. Голощекин лгливо называл прежнее руководство «собирающими Казакской земли» и казахского народа [22. С. 4, 5]. Но вскоре риторика партийного главы республики изменилась. В своем отчетном выступлении на Бюро Казкрайкома РКП(б) Голощекин заговорил о наличии в республиканской партийной организации двух уклонов: «Первый уклон – отсутствие учета деловой стороны. Рассматривают казакизацию, как привилегию, иногда идет казакизация под националистическим уклоном, казакизацией иногда пользуются по групповым соображениям. Уклон второй – сопротивление русской части аппарата, пренебрежительное отношение к казахам, недоверие, иногда бегство» [Там же. С. 17]. Русские коммунисты были обвинены в шовинистическом уклоне, казахские – в нахождении под влиянием Алаш-Орды, объявленной «безусловно контрреволюционной силой» [Там же. С. 23].

В соответствии с новыми веяниями были внесены изменения в политику коренизации, которая с весны 1926 г. должна была стать составной частью политики советизации казахского социума. 20 мая 1926 г. Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию и ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппарата, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК.

Против перехода к функциональной коренизации выступили члены Бюро Казкрайкома ВКП(б) С. Садвокасов и Ж. Мунбаев, потребовавшие завершения работы по укомплектованию аппарата казахскими работниками [20. Л. 130–133]. Свертывание процентной коренизации и внесение коррективов в землеустроительную политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентировавшихся на сталинский централизм, с национал-коммунистами. Конфликт между Голощекиным и национал-коммунистами обострился в сентябре 1926 г. На закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [23. Л. 58–61]. Национал-коммунисты отвергали обвинения в национализме и выдвижении лозунгов «Казахстан для казахов» в свой адрес.

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927–1928 гг. 8 февраля 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР уравнил в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [24. Л. 1–2]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнять решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских крестьян. 8 июля 1928 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, пред-

лагавшего уравнивать все национальности в праве на наделение земель, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройство за счет государства [25. Л. 111]. Союзный Центр жестко отреагировал на столь откровенный вызов со стороны местных центров власти и национал-коммунистов, открыто проигнорировавших требования партийной дисциплины.

В ноябре 1927 г. состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная межнациональным отношениям в республике. VI Всеказахская конференция ВКП(б) приняла линию союзного руководства на уравнивание всех национальностей в землеустройстве и переходе на классовый подход в отношении казахского аула. Под давлением сторонников «жесткой» линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила национал-коммунистов. Лидеры «национального уклона» Садвокасов, Мунбаев и Султанбеков были выведены из Бюро Казкрайкома и больше не могли блокировать решения Голощекина и апеллировать к союзным властям. Сторонники национал-коммунистов были изгнаны из управленческих структур. Наиболее влиятельные казахские коммунисты (Нурмаков, Рыскулов, Асфендияров, Мурзагалиев, Ходжанов) в конце 1920-х гг. были под благовидными предлогами удалены из республики. Одновременно с ударом по национал-коммунистам пресингу подверглись представители национальной интеллигенции, связанные с алашевским движением, и чингизиды, пользовавшиеся авторитетом в казахской среде. В конце 1928 г. из Казахстана были высланы 44 «буржуазных националиста», составлявших ядро алашевского движения и по-прежнему дистанцировавшихся от политики большевиков. Смирившиеся с диктатом Голощекина казахские кадры активно участвовали в последовавшей кампании коллективизации и покорно одобрили в феврале 1929 г. снятие запрета на переселение в Казахстан крестьян из европейской части страны.

Новый поворот национальной политики в Казахстане был следствием стечения многих обстоятельств,

в том числе раздражения сталинского окружения обострением межэтнических отношений в национальных республиках и формированием в местном руководстве национал-коммунистических фракций, выдвигавших иные социальные и экономические проекты. Уступки местным элитам могли породить угрозу целостности страны и поставить под угрозу планы форсированной модернизации в СССР.

Разгром национальной оппозиции в Казахстане открыл возможность реализации гигантского социального проекта по переводу и обобществлению кочевого аула, приведшего к гибели и отколовкам миллионов людей. В значительной мере поражение «буржуазных националистов» и национал-коммунистов было обусловлено тем, что Советская власть достаточно оперативно и чутко реагировала на возникающие проблемы и стремилась к действительной интеграции советских народов, последовательно проводя политику интернационализма.

В то же время нельзя не отрицать значительных подвижек, произошедших в 1920-е гг. в решении национального вопроса в СССР. Следует признать, что Советское государство впервые в мировой практике сумело решить национальный вопрос в том виде, в каком он достался по наследству от царской империи. Советская национальная политика в 1920–1930-е гг. обеспечила успешную интеграцию советского общества и способствовала реальному преодолению межэтнического отчуждения. В короткие сроки было ликвидировано правовое неравенство советских народов. Национальные меньшинства перестали быть инородцами, наиболее крупные этнические группы, компактно размещенные на исторических территориях своего проживания, стали полноправными участниками социалистического строительства. Анализ национальной политики в Казахстане в 1920-е гг. показывает, что формирование и поддержание социального и межэтнического доверия требует постоянного внимания государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козыбаев М.К. Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы // Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. (Избранные труды). Алматы : Гылым, 2006. С. 146–157.
2. Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio. 2011. № 1. С. 169–204.
3. Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 9-е изд. М. : Политиздат, 1983. Т. 2. 446 с.
5. Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы Гражданской войны (1918–1920). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 90 с.
6. Зиманов С.З. Теория и практика автономизации в СССР. Алматы : Жеті жарғы, 1998. 144 с.
7. Бейсембиев К.Б. Победа марксистско-ленинской идеологии в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан, 1970. 384 с.
8. Сулейменов Б.С., Елеуов Т. Аграрный вопрос в Казахстане. Алма-Ата : Изд-во АН Каз. ССР, 1963. 410 с.
9. Образование Казахской АССР : сб. док. и матер. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1957. 366 с.
10. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг. : сб. док. и матер. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1962. 592 с.
11. Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1965. 536 с.
12. Дахилейгер Г.Ф. Октябрь и некоторые проблемы истории решения национального вопроса в Казахстане (пролетарский интернационализм в действии) // Великий Октябрь в Казахстане : сб. ст. Алма-Ата : Наука, 1977. С. 36–58.
13. Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 351–363.
14. Suny R.G., Naimark N.M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford : Stanford University Pr., 1993. 224 p.
15. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. Кызыл-Орда : Казгосиздат, 1927. 188 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25. Д. 17.
17. Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М. : Изд-во АН СССР, 1962. 432 с.

18. Бурдина Е.Н. Факторы становления языкового законодательства и реализация права пользования родным языком в Советском Казахстане // Этнос, общество, цивилизация: III Кузеевские чтения. Уфа : ИЭА УНЦ РАН, 2012. С. 130–134.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 178.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 83.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 190.
22. Голощекин Ф.И. Отчет Казахского Краевого Комитета РКП(б). Кзыл-Орда : Казгосиздат, 1926. 28 с.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 3. Л. 58–61.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 61.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 10.

Kaziev Sattar Sh. North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petrovsk, The Republic of Kazakhstan). E-mail: sattarkaz@mail.ru

BASIC NATIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN KAZAKHSTAN (1920–1929 YEARS).

Keywords: national policy; indigenization; ethnic conflict; national communists; nationalism.

The national policy of the Soviet state is the subject of intense research interest for many years. After winning, the Bolsheviks faced the need to find a fair solution of the national question. In the first years after the end of the Civil War their approaches to the settlement of inter-ethnic relations were revolutionary and were aimed at the integration of society and gaining the trust of the population of the national borderlands. The native research and Western sovietology have associated the "Golden Age" of Soviet nationality policy with the name of Lenin. Nation-building, indigenization management, land policy and cultural changes formed the core of the national policy of the Bolsheviks. The indigenization policy or positive discrimination in personnel policy has been an invention of the Bolsheviks, not of the Indian nationalists in the mid-twentieth century. The indigenization policy included enforcing a series of measures intended to overcome the alienation of the Kazakh population in the new government, to attract Kazakhs to the government, and to modernize the social structure of the ethnic group through the framing of industrial workers. The indigenization was successfully carried out at the level of the republic's leadership which made it possible to carry out the ethnically oriented policy in the allocation of land reserves. It brought about the aggravation of inter-ethnic relations and the outflow of the "European" population of Kazakhstan. Since the mid-1920s the centralizing tendency prevailed associated with the formation of Stalin's autocratic regime. In the national policy significant adjustments were made that had to do with the lifting of the ban on the relocation from the European part of the country and the introduction of functional indigenization. These changes caused the conflict between the national-oriented communists and stalinists from the leadership of the Kazkraykom. National communists argued for the preservation of the nomadic communities and traditional cultural order of the Kazakh society. The defeat of the national opposition in 1927–28 opened the way to a gigantic social experiment at the turn of 1929–1930 that brought about the tragedy of collectivization. At the same time one cannot deny the significant progress that occurred in the 1920s in the solution of the national question in the USSR. In a short time the legal inequality of the Soviet peoples was liquidated. The Soviet government was consistently pursuing a policy of internationalism, reacted quickly enough to emerging issues and sought the real integration of Soviet peoples.

REFERENCES

1. Kozybaev M.K. *Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana. (Izbrannye trudy)* [Problems of methodology, historiography and source studies of history of Kazakhstan (Selected Works)]. Almaty: Gylm Publ., 2006, pp. 146–157.
2. Remnev A. Coloniality, postcoloniality, and "Historical Politics" in contemporary Kazakhstan. *Ab Imperio*, 2011, no. 1, pp. 169–204.
3. Olcott M.B. *The Kazakhs*. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
4. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee Plenary Sessions]. Moscow: Politizdat Publ., 1983. Vol. 2, 446 p.
5. Chistyakov O.I. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v RSFSR v gody grazhdanskoy voyny (1918–1920)* [National state building in the RSFSR during the Civil War (1918–1920)]. Moscow: Moscow State University Publ., 1964. 90 p.
6. Zimanov S.Z. *Teoriya i praktika avtonomizatsii v SSSR* [Theory and practice of autonomy in the USSR]. Almaty: Zheti zharry Publ., 1998. 144 p.
7. Beysembiev K.B. *Pobeda marksistsko-leninskoy ideologii v Kazakhstane* [The victory of the Marxist-Leninist ideology in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1970. 384 p.
8. Suleymenov B.S., Eleuov T. *Agrarnyy vopros v Kazakhstane* [Agrarian problem in Kazakhstan]. Alma-Ata: AS Kaz.SSR Publ., 1963. 410 p.
9. Pokhrovsliy S.N. (ed.) *Obrazovanie Kazakhskoy ASSR* [Education of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: AS Kazakh SSR Publ., 1957. 366 p.
10. Dahshleiger G.F. *Sotsialisticheskoe stroitel'stvo v Kazakhstane v vosstanovitel'nyy period, 1921–1925 gg.* [Socialist construction in Kazakhstan in the recovery period, 1921–1925]. Alma-Ata: AS Kazakh SSR Publ., 1962. 592 p.
11. Dahshleiger G.F. *Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana* [Socio-Economic changes in auls and villages of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1965. 536 p.
12. Dakhshleyger G.F. *Oktyabr' i nekotorye problemy istorii resheniya natsional'nogo voprosa v Kazakhstane (proletarskiy internatsionalizm v deystvii)* [October and some problems in the history of national question in Kazakhstan (Proletarian internationalism in action)]. In: Balakaev T.B. (ed.) *Velikiy Oktyabr' v Kazakhstane* [The Great October Revolution in Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1977, pp. 36–58.
13. Stalin I.V. *Sochineniya* [Works]. Vol 4, pp. 351–363.
14. Suny R.G., Naimark N.M. *The revenge of the past: Nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Pr., 1993. 224 p.
15. *Sbornik vazhneyshikh resheniy Kazkraykoma VKP(b), prinyatykh za period V–VI Vsekazakhskikh konferentsiy* [The collection of the most important decisions of Kazakhstan District Committee VKP (b) over the period of V–VI All-Kazakh Conferences]. Kzyl-Orda: Kazgosizdat Publ., 1927. 188 p.
16. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 17. (In Russian).
17. Kuchkin A.P. *Sovetizatsiya kazakhskogo ayla (1926–1929 gg.)* [The Sovietization of the Kazakh aul (1926–1929)]. Moscow: USSR AS Publ., 1962. 432 p.
18. Burdina E.N. [Factors of formation of language legislation and implementation of the right to use their native language in the Soviet Kazakhstan]. *Emos, obshchestvo, tsivilizatsiya: III Kuzevskie chteniya* [Ethnicity, Society, Civilization: III Kuzev Reading]. Ufa: IEA UNTs RAN Publ., 2012, pp. 130–134. (In Russian).
19. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 178. (In Russian).
20. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 83. (In Russian).
21. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 190. (In Russian).
22. Goloshchekin F.I. *Otchet Kazakhskogo Kraevogo Komitete RKP(b)* [The Report of the Kazak Provincial Committee of RCP (B)]. Kzyl-Orda: Kazgosizdat Publ., 1926. 28 p.
23. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 3. Page 58–61. (In Russian).
24. The State Archives of the Russian Federation. Fund P-1235. List 43. File 61. (In Russian).
25. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 25. File 10. (In Russian).

ЛИНЕЙНЫЕ СУДЫ И ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ ВОДНЫХ БАСЕЙНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Освещаются работа линейных судов и военных трибуналов водных бассейнов Восточной Сибири в период Великой Отечественной войны, правовые основы деятельности транспортной юстиции, перевод транспорта на военное положение, приравнивание транспортников к военнослужащим Красной Армии. Исследуется деятельность судебных инстанций бассейнов рек Ангара, Селенга, Енисей и озера Байкал по борьбе с преступностью среди работников речного транспорта, карательная политика линейных судов и военных трибуналов. Анализируются динамика роста и падения преступности на территориях вышеназванных водных бассейнов, причина этих явлений, преступления, совершавшиеся только на транспорте, и общеуголовные деяния. Приводятся конкретные примеры преступлений, совершавшихся речниками.

Ключевые слова: правосудие; линейные суды; воднотранспортные трибуналы; Великая Отечественная война; Восточная Сибирь.

Отправление правосудия в период Великой Отечественной войны имело ряд особенностей, которые касались прежде всего расширения сферы деятельности военных трибуналов. Линейные суды и воднотранспортные трибуналы являлись специальными судебными инстанциями, к подсудности которых относились преступления, совершаемые работниками железнодорожного и водного транспорта и профильных предприятий, а также посторонние лица, совершавшие правонарушения на транспорте. Члены железнодорожных и воднотранспортных судов, а затем трибуналов решали задачи, не характерные для членов судов общей юрисдикции: простой транспорта, кражи на транспорте, для чего проявляли не только познания в юриспруденции, но и технике.

Данная тема отличается достаточной степенью изученности. Общие вопросы правосудия в военное время отражены в работах М.В. Кожевникова [1], П. Соломона [2], Ю.К. Краснова [3]. Деятельность военно-транспортных трибуналов изучена в трудах Д.Н. Шкаревского [4–7] и А.А. Кодинцева [8].

Воднотранспортные суды были созданы в 1934 г. К 1939 г. действовали 22 воднотранспортных суда, высшей инстанцией для которых была Воднотранспортная коллегия Верховного суда СССР. Задачи, стоявшие перед органами транспортной юстиции, определялись следующим образом: «...прежде всего борьба за установление железной дисциплины, прежде всего борьба с крушениями и авариями, борьба за внедрение дисциплинарного устава, борьба за охрану социалистической собственности, борьба за выполнение государственного плана перевозок, борьба с очковитирательством» [5. С. 34, 35].

В ходе Великой Отечественной войны происходит милитаризация линейных судов, которые были преобразованы в военные трибуналы, а Воднотранспортная коллегия – в Военно-воднотранспортную коллегия (ВВТК) [5. С. 34].

Пиком военизации транспортной юстиции был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех же-

лезных дорогах». В целях наведения строго порядка на железнодорожном транспорте и усиления ответственности недисциплинированных работников данный правовой акт вводил ряд мер: 1. Объявить все железные дороги на военном положении. 2. Всех рабочих и служащих железнодорожного транспорта на период войны считать мобилизованными и закрепить их для работы на железнодорожном транспорте. 3. Установить ответственность работников железнодорожного транспорта за преступления по службе наравне с военнослужащими Красной Армии. 4. Дела о всех преступлениях, совершённых на железнодорожном транспорте, рассматривать в военных трибуналах железных дорог по законам военного времени. 5. Рабочих и служащих железнодорожного транспорта за преступления по службе по решению военного трибунала увольнять с работы с направлением на фронт в штрафные роты, если они не подлежат более суровому наказанию. 6. Обязать Народного комиссара путей сообщений тов. Кагановича и начальников железных дорог обеспечить неуклонное применение «Устава о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта» [9. С. 132, 133]. 9 мая 1943 г. очередной Указ Верховного Совета СССР распространил на Наркомфлот, Наркомречфлот и Главное управление Северного морского пути (ГУСМП) при Совнаркоме СССР действие Указа от 15.04.43 г. [9. С. 133].

Данные указы были изданы с целью наведения порядка на транспорте, от работы которого зависела бесперебойность поставок военных и гражданских грузов, а аварии, простои и хищения грозили недостатком вооружений, боеприпасов, продуктов, обмундирования в действующей армии. Не все транспортники осознали важность стоявших перед ними задач, и перевод их на военное положение должен был способствовать росту ответственности при выполнении служебных обязанностей.

В данной работе речь пойдёт о деятельности линейных судов и военных трибуналов Восточной Сибири в годы войны. К ним относились линейный суд и трибунал Восточно-Сибирского (Ангарского) и Селенгин-

ского (Селенгинско-Байкальского) бассейнов, находившийся в Иркутске. Территориальная разбросанность подведомственной ему территории была свыше 1200 км от Ангары до Байкала. Заседания данной инстанции проходили в помещении, принадлежавшем Восточно-Сибирскому пароходству, снимаемом на правах аренды [10. Л. 1], и линейном суде Енисейского бассейна, располагавшемся в Красноярске. Он обслуживал, помимо Енисейского речного пароходства, также управление водного пути, организации системы ГУСМП, которые располагались в бухте Кожевникова и в пос. Нордвик на расстоянии 1300 км от порта Дудинка и в 3321 км от г. Красноярска, а также на острове Диксон. К подсудности Енисейского линейного суда и военного трибунала относились флоты организаций: «Енисейзолото», «Рыбтрест», «Рыболовпотребсоюз», «Крайпотребсоюз», «Арктикснаб» и Центральная авиа-ремонтная база ГУСМП, находившаяся в Красноярске. Только по р. Енисей подведомственная территория тянулась на 2553 км вплоть до Усть-Енисейского порта [11. Л. 2]. В третьем квартале 1944 г. в этих организациях работало 9120 чел., из них в Енисейском речном пароходстве – 4820, Енисейском бассейновом водном управлении – 1350, по организациям ГУСМП – 2950 [Там же. Л. 63].

Специфика деятельности речного флота и огромная территориальная разбросанность подведомственных территорий предъявляли особые требования к кадрам соответствующих судов.

Председателем линейного суда Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов в июне 1941 г. был назначен Смирнов Николай Фёдорович. Член ВКП(б) с 1932 г., он, имея высшее юридическое образование, находился на судебной работе с 1937 г. Старшим секретарём линейного суда работала Л.С. Филькевич. Беспартийная, окончившая 7 классов, она трудилась в органах юстиции с 1930 г. Благодаря богатому опыту она оформляла судебные документы юридически грамотно, делопроизводство вела хорошо [10. Л. 1].

Рост числа поступающих в линейный суд Ангарско-го и Байкало-Селенгинского бассейнов заставило руководство увеличить количество судей. В первом квартале 1943 г. был утверждён новый штат данной судебной инстанции. В его составе находилось 5 единиц: председатель, член суда, заведующий секретариатом, секретарь судебных заседаний, курьер-уборщица. На пост председателя был назначен Лисицын Яков Дмитриевич 1914 г.р., кандидат в члены ВКП(б). Образование он получил в Иркутской юридической школе НКЮ РСФСР, в момент назначения состоял слушателем Всесоюзного заочного юридического института. Бывший председатель Н.Ф. Смирнов был назначен судьёй [12. Л. 2]. После преобразования линейного суда Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов в воднотранспортный трибунал Я.Д. Лисицыну было присвоено звание лейтенанта юстиции. Позднее председателем дан-

ного трибунала был назначен капитан юстиции Мальков.

Председателем военного трибунала Енисейского бассейна в годы войны был майор юстиции Н. Шпилевой. Связанные с огромной площадью подведомственной территории трудности с доставкой обвиняемых в суд и с отправкой членов трибунала на выездные сессии майор Шпилевой предлагал решить в своей докладной записке на имя начальника главного управления военных трибуналов транспорта от 4 декабря 1943 г. Предложение главы трибунала заключалось в организации двух постоянных сессий, своего рода филиалов, трибунала Енисейского водного бассейна в городах Игарка и Енисейск. Выездные сессии начали работу в январе 1944 г. [13. Л. 18].

Председательствующим постоянной сессии в Игарке приказом Н. Шпилевого от 27 декабря 1943 г. был назначен член воднотранспортного трибунала Енисейского бассейна капитан юстиции Гидалевич Борис Исаакович, 1918 г.р., член ВКП(б). Его юридическое образование ограничивалось двухгодичной школой. С 1938 г. по июль 1941 г. Борис Исаакович работал народным судьёй, а с июля 1941 г. по 17 сентября 1943 г. состоял членом военного трибунала Черноморского бассейна. 17 сентября 1943 г. он был назначен членом Енисейского трибунала [13. Л. 18].

Постоянную сессию в Енисейске с 7 января 1944 г. возглавил старший лейтенант юстиции Козопольский Георгий Васильевич. Юридического образования он не имел, что компенсировалось богатым жизненным опытом. Георгий Васильевич родился в 1888 г., ещё до революции он окончил коммерческое училище. В 1918 г. вступил в партию большевиков, а в годы Гражданской войны служил в ВЧК. 25 мая 1942 г. он стал членом линейного суда Енисейского бассейна [13. Л. 18].

Постоянные сессии трибунала Енисейского бассейна уже в первые месяцы своей работы зарекомендовали себя с лучшей стороны. За период с 1 января по 1 марта 1944 г. означенные судебные органы были обеспечены соответствующими помещениями для работы и необходимым персоналом.

В распоряжение постоянной сессии в Игарке в указанный период поступило 19 уголовных дел. По существу с вынесением приговора было рассмотрено 14 в отношении 17 человек, 5 было направлено на следствие. Постоянная сессия в Енисейске должна была рассмотреть 28 дел, рассмотрено же было 19 в отношении 31 человека, 7 дел было направлено на следствие, 2 было прекращено [11. Л. 12].

Согласно Закону «О судостроительстве СССР» уголовные дела в судах рассматривались с участием народных заседателей. Это положение распространялось и на заседания военно-транспортных трибуналов. К 1 октября 1944 г. в распоряжении трибунала Енисейского бассейна в Красноярске были 52 народных заседателя (32 мужчины и 20 женщин). Осуществлять пра-

восудие Енисейской постоянной сессии помогали 22 народных заседателя (18 мужчин и 4 женщины). В Игарке находились 16 заседателей (9 мужчин и 7 женщин). На заседаниях Минусинской выездной сессии члены Енисейского трибунала могли рассчитывать на 37 заседателей (20 мужчин и 17 женщин). Во время выездной сессии в пос. Нордвик в заседаниях принимали участие 16 народных заседателей (все мужчины). Когда судьи выезжали на Придивинскую судоверфь, то выездная сессия располагала 6 заседателями (3 мужчины и 3 женщины) [13. Л. 42].

В народные заседатели Енисейского трибунала, как правило, выдвигались работники речного транспорта. Майор Н. Шпилевой отмечал работу заседателей Новикова, Чернова и Хвысан, которые трудились в различных управлениях Енисейского речного пароходства. Председатель трибунала выделял их как наиболее активных и хорошо разбирающихся в судебных делах и рекомендовал направить на юридические курсы, а затем самостоятельную судебную работу [13. Л. 41].

Кадровый вопрос стоял перед советскими органами юстиции особенно остро. Чувствовалась нехватка специалистов с высшим образованием. В период «большого террора» наиболее опытные судьи и прокуроры были репрессированы, их место заняли молодые люди, главными достоинствами которых было членство в ВКП(б) и незапятнанная биография. Обучение профессии у них зачастую ограничивалось шестимесячными курсами, одно- или двухгодичной юридической школой.

К 1 января 1941 г. в РСФСР функционировали 37 юридических школ, в которых обучались 4225 студентов. Высшее юридическое образование в СССР к 1 января 1940 г. получали 828 человек [2. С. 264, 265]. Такое количество будущих юристов не соответствовало потребностям судебных органов, органов прокуратуры, адвокатуры, нотариата, наркомюста.

Для обеспечения кадрами органов транспортной юстиции при Высшей правовой академии СССР в 1934 г. был создан транспортный факультет [5. С. 34]. Однако в источниках не отмечено данных о том, что кто-либо из судей линейных судов, а затем военно-транспортных трибуналов Восточной Сибири обучался на этом факультете.

Недостаток образования судьи компенсировали опытом работы, который приобретался лишь со временем. Молодые судьи часто принимали неправосудные решения, которые приходилось исправлять их коллегам из кассационных инстанций. Рассмотрение уголовных и гражданских дел проходило сверх установленных законом сроков, язык протоколов судебных заседаний был безграмотным.

Как говорилось выше, членам линейных судов, а затем воднотранспортных трибуналов приходилось разбирать специфические виды преступлений, которые в силу своей работы могли совершить только работники водного транспорта. В информационном докладе о ра-

боте линейного суда Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов за второе полугодие 1941 г. было сказано: «Линейный суд водного транспорта всей своей деятельностью призван вести борьбу с авариями, простоями флота, хищениями грузов, нарушениями трудовой дисциплины и другими преступлениями, совершаемыми на водном транспорте. В условиях военного времени бесперебойная работа речного флота приобретает исключительное значение. Всякое нарушение трудовой дисциплины в известной степени отражается на нормальной работе транспорта, вносит известную ненормальность в работу судна, пристани» [10. Л. 7].

Во втором полугодии 1941 г. линейный суд Ангарского и Селенгинско-Байкальского бассейнов рассмотрел 32 уголовных дела, возбужденных по ст. 59-3 уголовного кодекса РСФСР (участие в беспорядках, не отягченных преступными действиями, указанными в ст. 59.2, но сопряженных с явным неповиновением законным требованиям властей или противодействием исполнению последними возложенных на них законом обязанностей или понуждением их к исполнению явно незаконных требований, хотя бы неповиновение выразилось только в отказе прекратить угрожающее общественной безопасности скопление). По этим делам было привлечено к ответственности 38 человек, из них 7 – к исправительно-трудовым работам (ИТР), 31 – к лишению свободы. В числе осужденных были 7 шкиперов, из которых все были осуждены к лишению свободы, один капитан парохода – к ИТР, механиков пароходов – 4 (один – к ИТР), помощников механиков – 2, оба к лишению свободы, помощников шкиперов – 2, оба были лишены свободы, лоцманов – один к лишению свободы, матросов – 5 (2 к ИТР), кочегаров пароходов – 5, все были лишены свободы, масленщиков – 2, все к лишению свободы, бакенщиков – 2, оба к лишению свободы, стрелков ВОХР – 4 к лишению свободы, мотористов – один к ИТР, помощников капитанов – 2 (один – к ИТР), мастеров цехов судоремонтного завода – 2 (один – к ИТР) [10. Л. 9].

Нарушения дисциплины, перераставшие в неповиновение начальству, в большинстве случаев было связано со злоупотреблением работниками речного флота спиртными напитками. Из 38 осужденных 34 совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения [10. Л. 12].

В первом полугодии 1942 г. количество осужденных за служебные преступления снизилось. В этот период в линейный суд Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов поступило 27 уголовных дел о нарушении трудовой дисциплины, авариях и непроизводственных простоях флота. По этим делам к уголовной ответственности были привлечены 35 человек, 60% были осуждены к лишению свободы, 40% – к ИТР. Из этого количества осужденных 11 нарушали дисциплину будучи в нетрезвом состоянии, 12 отлучались с работы по разным причинам, имели место: сон на посту и нарушение правил плавания [14. Л. 26].

Только в Ангарском пароходстве за первую половину 1942 г. в период навигации было 19 случаев аварий, в результате которых государство понесло большие убытки [14. Л. 18]. В указанный период линейный суд рассмотрел 7 уголовных дел, связанных с авариями судов, в результате которых государству был нанесён ущерб более чем на 78 тыс. руб. За аварии к уголовной ответственности были привлечены 12 человек, из которых 8 были приговорены к лишению свободы, 4 – к ИТР до 1 года [14. Л. 24].

В мае 1943 г. на Ангаре имели место 4 случая навалов и ударов о берег и мели. Эти происшествия стоили государству 11 239 руб. В этом месяце произошли 4 удара судов о подводный предмет, причинивших ущерб на 3 773 руб., 1 посадка на мель, в результате которой убытки составили 2 776 руб., и одно повреждение котла, ущерб от которого составлял 18 806 руб. Всего по Ангарскому пароходству с мая по июль 1943 г. произошли 23 аварии, убытки составили 100 083 руб. Данные происшествия стали предметом расследования и, в конечном итоге, разбирательства в военно-транспортном трибунале Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов, в результате чего было установлено, что причинами аварий были: в 5 случаях – халатность и непринятие мер предосторожности, в 9 – нарушение правил плавания, в 6 – недостаточный уход за механизмами и по одному случаю неправильной оценки обстановки, нарушение трудовой дисциплины и стихийного бедствия [12. Л. 16].

Количество аварий и материальных потерь государства вследствие их на реках Восточной Сибири в период Великой Отечественной войны росло. По данным судоходной инспекции Восточно-Сибирского бассейна, в 3-м квартале 1944 г. произошло 34 аварии, в результате которых сумма убытков составила 141 729 руб. К счастью, человеческих жертв удалось избежать [15. Л. 1–2].

По данным управления Енисейского речного пароходства, во втором квартале 1943 г. случились 41 авария и 8 происшествий. В апреле имели место 2 аварии, причинившие убытков в размере 4 тыс. руб. В мае с судами Енисейского пароходства произошли уже 22 аварии и 4 происшествия, в результате которых государство потеряло 3 908 232 руб. В июне количество аварий снизилось до 18, происшествий было 4, а сумма потерь уменьшилась до 74 579 руб.

Такое количество случаев поломки судов, спровоцировавших колоссальные материальные потери, не могло не привлечь внимания со стороны правоохранительных и судебных органов. В данный период в дисциплинарном порядке были возбуждены дела в отношении 60 виновников аварий, из них на капитанов – 17 дел, помощников капитанов – 11, механиков – 10, шкиперов – 6, прочих работников речного транспорта – 16. В уголовном порядке были возбуждены и направлены в военную прокуратуру бассейна 22 дела [15. Л. 44].

В период с 10 мая по 15 июня 1943 г. в данную судебную инстанцию поступило 16 уголовных дел по

соответствующим статьям УК РСФСР. В том числе: по ст. 193-2 (неисполнение отданного в порядке службы приказа) – 1 дело, по ст. 193-7 (самовольная отлучка рядового и младшего начальствующего состава продолжительностью до двух часов, совершенная впервые) – 10, по ст. 193-17 (злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава) – 1 дело и по ст. 59-3 – 4 дела.

В судебных заседаниях военного трибунала Енисейского бассейна были рассмотрены 12 уголовных дел, возбуждённых по названным выше статьям. Из 12 подсудимых двое были оправданы, из 10 осуждённых 6 мужчин и 3 женщины. Один осуждённый был направлен на фронт в штрафную роту и один должен был отбывать наказание на транспорте. Трое осуждённых были в возрасте 16–17 лет, четверо – 18–25 лет, один – 26–40 лет, двое – 41–55 лет. Среди осуждённых один был членом ВКП(б), 9 – беспартийными.

По профессиям осуждённые распределялись следующим образом: трое – токари и по одному радисту, котельщику, кассиру, бойцу ВОХРа, командиру роты ВОХРа. На 16 июня 1943 г. трибуналом остались нерассмотренными 2 уголовных дела, возбуждённых за совершение служебных (воинских) преступлений, одно подлежало рассмотрению в выездной сессии, другое было отложено для медицинского обследования обвиняемой [15. Л. 33].

Актуальной была проблема простоя флота. Простой судов Енисейского пароходства по вине клиентуры с мая по июль 1943 г. составил 256 797 тоннажесуток. Простой по вине работников пароходства только в мае 1943 г. выразился в размере 21 525 тоннажесуток [15. Л. 72].

Рассмотрение в трибунале Енисейского бассейна уголовных дел, возбуждённых по поводу простоя флота, выявило причины этого явления. Простой по вине клиентуры объяснялись недостаточной внимательностью к организации погрузочно-разгрузочных работ при нехватке рабочей силы и необорудованностью причалов. По вине пароходства суда задерживались в связи с недостаточностью контроля со стороны диспетчерского аппарата, отсутствием учёта простоев и недостаточной мощности паровой тяги. Со стороны трибунала в адрес руководства пароходства прозвучали упрёки в отсутствии необходимого внимания к проблеме простоя судов и непринятии мер воздействия в отношении виновников [11. Л. 14].

Должностные преступления, приводившие к авариям и простоям, совершались в большинстве случаев по причине некомпетентности работников речного флота. Большинство признанных виновными в авариях и нарушении правил технической эксплуатации судов являлись судоводителями и шкиперами, не имевшими специального образования и никогда не изучавшими ни правил плавания, ни правил технической эксплуатации, ни устава службы на судах. Бывали случаи, когда

суда выпускались в плавание с неукomплектованным штатом и без надлежащего такелажа или специальных устройств [11. Л. 13–14].

Время от времени и опытные речники совершали действия, провоцировавшие аварии и простои флота. Причиной тому было недостаточное серьёзное отношение к работе, надежда на то, что всё обойдётся и без приложения максимальных усилий. Были случаи, когда брала вверх усталость и речники были вынуждены нарушать правила плавания. Свидетельством этому служат приведённые ниже примеры.

Так, шкипер баржи № 311 Восточно-Сибирского пароходства А.Д. Черников 6 июня 1942 г. на пристани Усолье самовольно ушёл в город, оставив баржу без присмотра. В результате пароход с баржей простоял 2 часа. 11 июля 1942 г. он снова оставил вверенное ему судно и ушёл в деревню за продуктами, чем задержал баржу под погрузкой, простой составил 4 часа 5 минут. В третий раз он нарушил трудовую дисциплину 16 июня 1942 г. В тот день Черников отпустил команду и пароход с баржей простоял 4 часа 50 минут. За эти проступки линейный суд Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейнов приговорил его к 2 годам лишения свободы [14. Л. 26–27].

Работавший в Енисейском речном пароходстве первый штурман парохода «Спартак» Г.Г. Суворов, 1899 г.р., 18 мая 1943 г. во время вахты отпустил на завтрак второго штурмана и рулевого и сам встал за штурвал. Во время управления судном штурман уснул и пароход отклонился от курса к скалистому берегу. В результате удара судна колесом о берег был причинён убыток в размере 21 тыс. руб. 25 мая 1943 г. военный трибунал Енисейского бассейна осудил его по ст. 59-3 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы без поражения в правах [15. Л. 33].

Нарушения трудовой дисциплины происходили не только на судах. Так, 5 июня 1943 г. военный трибунал Енисейского бассейна осудил по ст. 111 (бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109, а равно халатное отношение к службе, т.е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков) начальника отряда ВОХР Л.С. Ерошенко, 1904 г.р., члена ВКП(б), к 2 годам лишения свободы без поражения в правах с отправкой на фронт. При подготовке учебной тревоги Ерошенко не предупредил своих подчинённых, что тревога будет учебной, и выдал своим подчинённым боевые патроны. В результате изображавший пробиравшегося к объекту нарушителя Павлов едва не погиб [15. Л. 34].

Имущественные преступления также составляли немалую часть совершённых работниками водного транспорта проступков. Низкий уровень жизни в Со-

ветском Союзе, дефицит товаров, особенно усилившийся в военные годы, карточное снабжение и плохо организованная охрана грузов провоцировали кражи, хищения, махинации с продуктовыми и промышленными карточками.

С 1932 по 1958 г. судебные инстанции СССР рассматривали уголовные дела о незаконном завладении государственным имуществом, опираясь не только на соответствующие статьи уголовного кодекса, но и на Постановление ВЦИК от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий колхозов и кооперации об укреплении социалистической (общественной) собственности». За хищение колхозного и кооперативного имущества, хищения грузов на железнодорожном и водном транспорте данный нормативный правовой акт предусматривал для расхитителей высшую меру наказания – расстрел с конфискацией имущества, при наличии смягчающих обстоятельств обвиняемый мог быть приговорён к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Во втором полугодии 1941 г. линейный суд Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов приговорил к расстрелу троих осуждённых и семерых к 10 годам лишения свободы. По ст. 162 УК РСФСР (тайное похищение чужого имущества (кража)) на срок до 5 лет был приговорён 1 человек, от 2 до 3 лет – 3, до 2 лет – 3. Среди 17 осуждённых за совершение имущественных преступлений был 1 механик, 2 шкипера, 2 кочегара, 2 масленщика, 1 бакенщик, 1 кладовщик, 1 завкладом, 1 инженер, 4 стрелков ВОХРа, 2 деклассированных элемента [10. Л. 14–15].

За первое полугодие 1942 г. в линейный суд Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейнов поступили 8 уголовных дел, возбуждённых за нарушение положений Закона от 7 августа 1932 г. против 36 человек, был осуждён 31 подсудимый, 6 обвиняемых были приговорены к расстрелу, 25 – к 10 годам лишения свободы. В отношении приговорённых к расстрелу Воднотранспортная коллегия Верховного суда СССР заменила смертную казнь на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества и лишением избирательных прав, мотивируя это решение тем, что линейный суд назначил расстрел без учёта личности осуждённых.

По ст. 162 УК РСФСР линейный суд в указанный период рассмотрел 5 дел, по которым в уголовной ответственности привлекались 8 человек, осуждены 7 обвиняемых.

Рост имущественных преступлений в первом полугодии 1942 г. происходил за счёт хищений грузов с мукой, зерном пшеницы и ржи.

Для линейного суда большое значение имело происхождение подсудимых. Так, в информационном отчёте за указанный период отмечалось, что из 51 осуждённого за хищения и кражи «семеро пробрались на транспорт из бывших классовых врагов – шесть кулаков и один предприниматель, и являлись организаторами расхищения грузов на водном транспорте» [14. Л. 9–12].

В следующем году количество уголовных дел, возбуждённых против речников, по фактам имущественных преступлений выросло. С 1 января по 24 марта 1943 г. линейный суд Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейнов рассмотрел 2 дела о злоупотреблениях с продовольственными и промышленными карточками, о расхищении и разбазаривании товаров – 6 дел, по обмериванию, обвешиванию и обчёту покупателей в ведомственных магазинах [12. Л. 5].

Хищения грузов приобрели большой размах и на Енисее. Только за четвёртый квартал 1942 г., по данным управления Енисейского речного пароходства, на судах и складах имели место 116 случаев хищения. Органами милиции за этот период было зарегистрировано по Енисейскому бассейну 63 случая хищения, из них было раскрыто 38.

В связи с большим количеством уголовных дел линейный суд Енисейского бассейна рассмотрел в четвёртом квартале 1942 г. только 16 дел в отношении 24 человек. Из них по Закону от 7 августа 1932 г. 12 человек, 2 были приговорены к смертной казни, 10 – к лишению свободы сроком на 10 лет. По ст. 162 УК РСФСР на срок от 5 до 10 лет – 7, из которых 2 осуждённых были отправлены на фронт, по той же статье на срок до 5 лет – 5.

За первые пять месяцев 1943 г. в линейный суд Енисейского бассейна поступило всего 12 дел в отношении 19 человек, обвинявшихся в совершении хищений. По Закону от 7 августа 1932 г. в этот период было осуждено 2 человека, оба к 10 годам лишения свободы, по ст. 162 УК РСФСР на срок от 5 до 10 лет – 8, до 5 лет – 9 с отправкой на фронт пятерых признанных виновными [15. Л. 22].

Количество уголовных дел, возбуждённых в отношении расхитителей социалистической собственности, в последующие годы снижалось. Так, в апреле 1944 г. в военный трибунал Енисейского бассейна поступило 5 дел в отношении 13 человек, в мае – всего 2 дела в отношении 2 человек. Кражи часто совершали те, кто имел доступ к материальным ценностям. Так, в апреле 1943 г. трибунал рассмотрел дело по обвинению шкипера баржи № 313 Енисейского пароходства Слесаренко и четверых его сообщников. Они с вверенного судна похитили груз ваты, мяса, солидола и кровельного железа, всё это он должен был обменять у председателя Атамановского сельпо Шиловой на овощи. Расхитители были вовремя разоблачены, и пятеро из них были приговорены к 10 годам лишения свободы, а один, согласно ст. 162 УК РСФСР, был отправлен в заключение на 3 года [16. Л. 22].

Несмотря на снижение числа уголовных дел по корыстным преступлениям, поступавших в трибунал Енисейского бассейна, порождающие их причины тщательно исследовались судебными работниками. Хищения наносили серьёзный материальный ущерб государству, и выявление ошибок, допускаемых работниками речного транспорта, вследствие которых злоумышленники завладевали государственным имуществом, а со-

ответственно и исправление промахов, помогло бы уменьшить суммы потерь.

Анализ судебной практики на Енисее за 1944 г. показывал, что факторами, способствовавшими совершению преступлений данного вида, было невнимательное отношение к подбору кадров работников ВОХРа. Охранниками становились случайные люди, зачастую с преступными наклонностями, похищавшие охраняемое имущество. Командование ВОХР при этом не устанавливало надлежащего контроля за ночной вахтой. Большинство случаев хищения имели место во время погрузочно-разгрузочных работ, поскольку шкипера и штурманы не контролировали должным образом проведение работ. На пароходы и баржи без тщательной проверки загружалось больше груза, чем было предусмотрено документами. Люки судов перед отправлением не пломбировались, а когда суда стояли под погрузкой или выгрузкой несколько дней, охрана к ним не выставлялась.

Среди осуждённых за хищения на речном флоте было немало молодёжи. Председатель военного трибунала Енисейского бассейна объяснял это тем, что с молодыми речниками практически не проводилась массово-воспитательная работа. Отсутствовали прослушивание радиопередач, беседы, изучение уставов. В отдельных случаях не было организовано коллективное питание команд. По мнению майора юстиции Шпилевого, «всё это вместе взятое создавало почву для развития мелких краж, впоследствии переросших в крупные хищения» [11. Л. 13].

Подтверждением правоты членов Енисейского трибунала были многочисленные случаи хищения грузов на пристани «Абакан» в навигацию 1944 г. В этот период трибунал осудил 15 расхитителей. Объектами хищений являлись зерно и мешкотара, последняя была преимущественно американского производства. Зерно и мешки выносились с пристани открыто, охрана не препятствовала хищениям. Несмотря на то что преступники понесли наказание, трибунал считал недопустимым такое отношение начальника пристани и управляющего Абаканским пунктом «Заготзерно» к охране грузов [17. Л. 6].

Линейным судам и военным трибуналам водных бассейнов Восточной Сибири приходилось в своих заседаниях рассматривать и контрреволюционные преступления. Количество подобных дел, рассматриваемых судебными органами водного транспорта, было невелико. Так, во втором полугодии 1941 г. линейный суд Восточно-Сибирского и Селенгинского бассейнов рассмотрел 2 уголовных дела, возбуждённых по ст. 58.10 Уголовного кодекса РСФСР (пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания). Оба обвиняемых были приговорены к 10 годам лишения свободы [10. Л. 12].

В первом полугодии 1942 г. в линейный суд Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейнов поступило 11 уголовных дел, возбуждённых против 15 человек по ст. 58.10. 13 обвинявшихся в контрреволюции были осуждены, один оправдан, одно дело было передано по подсудности. Четверо осуждённых за контрреволюционные преступления были приговорены к смертной казни, 7 осуждены на 10 лет лишения свободы, 2 – на срок от 6 до 8 лет. К 12 осуждённым была применена дополнительная мера наказания в виде лишения избирательных прав, к 5 – конфискация имущества. Позднее воднотранспортная коллегия Верховного суда СССР заменила смертную казнь в отношении четверых осуждённых линейным судом за контрреволюционные преступления сроком заключения 10 лет каждому с лишением избирательных прав.

Пропаганда и агитация, направленные против советской власти, часто касались текущих событий. В исследуемый период это было положение на фронте. Так, в первом полугодии 1942 г. линейный суд Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейнов по названной выше статье УК осудил к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества Напартэ Викентия Францевича 1896 г.р. Имевший среднее техническое образование, он работал диспетчером Восточно-Сибирского пароходства. С началом войны Викентий Францевич проводил среди коллег «контрреволюционную пропаганду», которая выражалась в клевете на Красную Армию. Вместе с Напартэ работал Гедич Степан Алексеевич, 1908 г.р., происходивший из крестьян-кулаков. Несмотря на принадлежность к классово чуждым элементам, он получил высшее юридическое образование и занимал должность юрисконсульта Управления Восточно-Сибирского пароходства. Он также демонстрировал пораженческие настроения, критиковал мероприятия партии и государства. Всё это стоило Степану Алексеевичу 8 лет лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет [14. Л. 6–8].

Невелико было количество процессов по обвинению в контрреволюционной деятельности и на Енисее, хотя их количество со временем росло. В первом квартале 1945 г. в военный трибунал Енисейского бассейна поступило 10 уголовных дел, возбуждённых по ст. 58-10 против 1 такого дела в четвёртом квартале 1944 г. Из 10 осуждённых 2 были приговорены к 10 годам лишения свободы, на срок от 6 до 9 лет – 5, до 5 лет – 2 [18. Л. 32].

Осуждённые по ст. 58.10 составляли подавляющее большинство обвиняемых в контрреволюционных преступлениях. Среди речников Байкала, Селенги, Ангары, Енисея в военные годы не нашлось ни шпионов, ни диверсантов, ни вредителей. Вина подобных контрреволюционеров заключалась в нежелании смириться с окружающей действительностью. Среди осуждённых было много тех, кто проиграл в материальном положении и социальном статусе с установлением советской власти. Как правило, это были люди

среднего и пожилого возраста, воспитанные до революции и не воспринимающие советскую пропаганду, утверждения которой часто не совпадали с реальным положением дел в стране. Не знаящие об истинных целях нацистов, они связывали с победой Германии возвращение своей прежней жизни. Поражения Красной Армии в 1941–1942 гг. подкрепляли эти надежды, которые не оставляли их и после коренного перелома в ходе войны.

Так, в 1944 г. Енисейский трибунал осудил двоих работников Главного управления Северного морского пути. К 8 годам лишения свободы по ст. 58-10 УК РСФСР был приговорён В.И. Гвоздик, работавший слесарем авиаремонтной базы Главсевморпути, занимаясь пропагандой среди других рабочих, добился такого «успеха», что 11 человек одновременно не вышли на работы по лесозаготовкам, чем поставили план их выполнения на грань срыва. Было установлено, что Гвоздик «распространял контрреволюционную клевету на жизнь трудящихся в СССР, восхвалял строй бывшей панской Польши».

Сторож Хатангского аэропорта П.Н. Толщин в 1943 г. «проводил среди населения контрреволюционную агитацию, восхвалял жизнь царской России, клеветал на жизнь трудящихся в СССР, восхвалял жизнь крестьян в Германии. Высказывал пораженческие настроения по отношению к Красной Армии, одновременно восхвалял немецкую фашистскую армию, отрицал зверства фашистов по отношению к советским гражданам во время временной оккупации городов и сёл». За эти высказывания он ответил 8 годами лишения свободы [11. Л. 22].

Среди уголовных дел, возбуждённых по факту контрреволюционной деятельности и рассмотренных в заседаниях военного трибунала Енисейского бассейна, особняком стоит процесс курсантов Красноярского речного училища. Подсудимые: Н.Е. Кузьменко, М.И. Черняев, В.П. Гульденбалк, Е.С. Ломакин, А.И. Иваньев, обучаясь на 4-м курсе названного учебного заведения, совершали преступления, предусмотренные ст. 58.10 УК РСФСР, в самом конце войны, а суд над ними проходил уже 29 июня 1945 г. Молодым людям, родившимся и воспитанным в послереволюционные годы, вменялась в вину антисоветская агитация среди студентов своего техникума, которую они вели в течение 1945 г., «направленная на дискредитацию и подрыв авторитета вождя коммунистической партии и советского народа, на подрыв мероприятий, проводимых ВКП(б) и советским правительством. Враждебно истолковывали политику ВКП(б) и правительства по отношению к Польше и Финляндии. Клеветали на экономическое положение народов СССР, восхваляли капиталистический строй. Систематически выкрикивали фашистские приветствия».

Трибунал признал всех обвиняемых виновными и приговорил: Кузьменко, Черняева, Гульденбалка и Ломакина к 6 годам лишения свободы каждого, Иваньева

отделался 4 годами. В виде дополнительной меры наказания каждый из осуждённых курсантов был поражён в избирательных правах на 3 года, конфискация имущества к ним не применялась за отсутствием у них такового.

В ходе судебного следствия трибунал установил, что ещё два студента речного техникума, Зотов и Орешников, должны были нести ответственность по ст. 58-10 УК РСФСР, но, уже окончившие курс обучения, они работали соответственно в Байкало-Селенгинском и Нижне-Амурском пароходствах. Трибунал вынес частное определение, согласно которому Наркомречфлот должен был отозвать их с работы для проведения суда по данному обвинению.

Рассматривая это уголовное дело, военный трибунал Енисейского бассейна пришёл к выводу: данное преступление произошло вследствие того, что воспитательная работа в техникуме находилась на исключительно низком уровне [18. Л. 25].

Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири решали различные задачи, которые ставило перед ними руководство страны. Эти вопросы можно разделить на специфические, стоявшие только перед судебными инстанциями водного транспорта, и на общеуголовные, решаемые всеми судами СССР.

Главным методом решения поставленных задач были репрессии. Линейные суды и военные трибуналы

как карательные органы должны были прежде всего наказывать виновных, чтобы на их примере потенциальные преступники воздерживались от криминальных действий.

Данный метод был малоэффективным, о чём свидетельствует динамика роста преступности на подведомственных им территориях. На водном транспорте она носила ярко выраженный сезонный характер: в зимний период практически не фиксировалось таких преступлений, как аварии, простои и хищения, а во время навигации следовал всплеск криминальной активности. Для предотвращения преступлений судебные инстанции использовали и другие методы: судьи проводили разъяснительную работу среди речников, анализировалась судебная практика, делались выводы и предложения по улучшению работы пароходств и других ведомств, владевших речными судами.

Решение поставленных перед линейными судами и военными трибуналами задач было обусловлено главной целью – способствовать эффективной работе водного транспорта. Судебные инстанции внесли свой вклад в достижение данной цели: в годы Великой Отечественной войны на Ангаре, Селенге, озере Байкал и Енисее не было зафиксировано случаев крупных аварий, приведших к человеческим жертвам, и срыва поставок грузов заказчикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевников М.В. История Советского суда. М., 1948.
2. Соломон Питер. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.
3. Краснов Ю.К. Суды СССР в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 13–18.
4. Шкаревский Д.Н. Проблемы изучения советской транспортной юстиции // История государства и права. 2012. № 6. С. 18–20.
5. Шкаревский Д.Н. Основные направления деятельности советской транспортной юстиции в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 4. С. 33–36.
6. Шкаревский Д.Н. К вопросу о задачах советской транспортной юстиции в 1930-х гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2013. № 2. С. 71–74.
7. Шкаревский Д.Н. О характеристике судей транспортной юстиции (30–40-е гг. XX в.) // Академический юридический журнал. 2013. № 3. С. 42–46.
8. Кодинцев А.Я. Транспортная юстиция СССР в годы Великой Отечественной войны // Транспортное право. 2008. № 2. С. 42–45.
9. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. р-1454. Оп. 19. Д. 26.
11. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 19. Д. 24.
12. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 19. Д. 34.
13. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 17. Д. 16.
14. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 19. Д. 29.
15. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 17. Д. 15.
16. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 17. Д. 17.
17. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 17. Д. 26.
18. ГАКК. Ф. р-1454. Оп. 17. Д. 34.

Pecherskiy Vladimir A. Khakassia Research Institute Language, Literature, History (Abakan, Russian Federation). E-mail: volody75.75@mail.ru

LINEAR COURTS AND MILITARY TRIBUNALS IN EAST SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.

Keywords: justice; linear courts; tribunals waterway; the Great Patriotic War; Eastern Siberia.

Linear courts and military-transport tribunals were a special transport court whose jurisdiction included offenses committed by employees of rail and water transport and specialized enterprises and also by third persons who committed offenses on the truck. Rail and water transport members of tribunals solved problems uncharacteristic for judges and lay judges of courts of general jurisdiction: vehicle downtime, thefts in transport, transport downtime. It showed the knowledge not only of the law but also of technology. The article to the activity of liner vessels and waterway transport tribunals of Eastern Siberia which included the relevant courts of the Angara, Selenginsky and Yenisei pools. Since the beginning of the Great Patriotic War the conversion of production industry and transport to the war rail-tracks began. A spike of transport militarization was the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 15 April 1943 "On imposing of the martial law on all railways." This document made railroad and military men equal. And they carried the proper measure of responsibility. Departmental courts were given the right to send the railroad men who went beyond the law to the front, to penal companies. Linear courts and later military tribunals of water basins considered criminal cases opened for causes of acci-

dents, ship downtime, thefts from ships, barges and warehouses. Numerous cases of accidents caused by the incompetence of some river transport workers, their frivolous attitude to official duties did great material damage to the state. Only in the Angara shipping company in the first half of 1942 there were 19 cases of accidents during the navigation period. As the result the state suffered heavy losses. During this period a linear court considered 7 criminal cases on accidents with ships resulting in the state losing more than 78 000 rubles. 12 people were brought to trial for accidents, 8 of them were sentenced to imprisonment, 4 were sentenced to compulsory works for 1 year. Downtime and thefts caused no less harm. Before the courts water transport there was a task to punish perpetrators of these incidents and misconduct in order to facilitate the normal operation of water transport. Consideration of counter-revolutionary crimes was within competence of linear courts and military tribunals of water transport. So, in the first quarter of 1945 a military tribunal of the Yenisei basin received 10 criminal cases initiated under criminal article 58-10 (anti-Soviet agitation and propaganda). In the fourth quarter of 1944 out of 10 convicted people 2 were sentenced to 10 years in prison, 5 – for a period of 6 to 9 years, 2 – to 5 years. Among counter-revolutionaries at water transport dominated those who did not hide their dissatisfaction with the policy of the Soviet government and the current situation in the country. In addition to the repressive methods, linear courts and military tribunals of water transport were engaged in explanatory work among river workers and analyzed the judicial practice to determine the causes of crimes.

REFERENCES

1. Kozhevnikov M.V. *Istoriya Sovetskogo suda* [History of the Soviet Court]. Moscow: Yurizdat Publ., 1948.
2. Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 462 p.
3. Krasnov Yu.K. Courts of the USSR during the years of the Great Patriotic War. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, no. 9, pp. 13-18. (In Russian).
4. Shkarevskiy D.N. Problems of study of soviet transport justice. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 6, pp. 18-20. (In Russian).
5. Shkarevskiy D.N. Tasks of the Soviet Transport Justice in 1930-s. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2013, no. 4, pp. 33-36. (In Russian).
6. Shkarevskiy D.N. K voprosu o zadachakh sovetskoy transportnoy yustitsii v 1930-kh gg. [On the problems of Soviet transport justice in the 1930s.]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2013, no. 2, pp. 71-74.
7. Shkarevskiy D.N. On characteristics of the judges of transport justice (30-40s of the 20th century). *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal – Academic Law Journal*, 2013, no. 3, pp. 42-46. (In Russian).
8. Kodintsev A.Ya. Transportnaya yustitsiya SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Transportation justice of the USSR in the Great Patriotic War]. *Transportnoe pravo*, 2008, no. 2, pp. 42-45.
9. The Collection of the USSR Laws and the Decrees of the Supreme Soviet Presidium of the USSR. 1938–1944. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR Publ., 1945. (In Russian).
10. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 19. File 26. (In Russian).
11. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 19. File 24. (In Russian).
12. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 19. File 34. (In Russian).
13. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 17. File 16. (In Russian).
14. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 19. File 29. (In Russian).
15. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 17. File 15. (In Russian).
16. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 17. File 17. (In Russian).
17. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 17. File 26. (In Russian).
18. The State Archives of Krasnoyarsk Region (GAKK). Fund p-1454. List 17. File 34. (In Russian).

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВХОЖДЕНИЯ ТУВЫ В СОСТАВ СССР: РОЛЬ И УЧАСТИЕ СМИ

Показана ключевая роль СМИ в идеологической подготовке вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР. Вкладывая значительные материальные средства, направляя специалистов, Советский Союз стремился к ускоренному развитию прессы и радио. По мере роста грамотности пропагандой были охвачены основные группы местного населения. Регулярная трансляция информации о преимуществах советского пути развития, поддержке жителями однопартийного режима власти и социалистических преобразований, публичная дискредитация «врагов народа» подготовили идеологическую основу интеграции двух государств.

Ключевые слова: пресса; радио; Тува; политика партии.

Тува – национальная республика, которая вошла в состав СССР в числе последних. В 2014 г. помимо двух вековых юбилеев – установления российского протектората и основания столицы г. Кызыла, республика празднует 70-летие вхождения в состав СССР (11 октября 1944 г.). Это событие оказалось переломным в судьбе тувинского народа и стало возможным благодаря идеологическому влиянию СССР, в первую очередь, с помощью прессы и радио. В данной статье мы рассмотрим, как СМИ обеспечили идеологическую основу вхождения Тувинской Народной Республики (ТНР) в состав СССР (ТНР – первое в истории тувинцев национальное государство, созданное в 1921 г. при поддержке и покровительстве СССР, во внешних делах действовала под эгидой СССР, во внутренних – самостоятельно).

Отдельные аспекты данной темы затрагивались в вышедших в советский период работах Г.Ч. Ширшина [1], Е.Т. Тановой [2], Н.А. Сердобова [3]. Однако с рассекречиванием архивных документов, расширением методологического арсенала у исследователей появилось больше возможностей изучить эту тему. Отметим работы Н.М. Моллерова [4], Е.Т. Тановой [5] и Ю.Б. Костяковой [6].

Из корпуса привлеченных источников наиболее ценными были газеты и журналы. Вероятно, те экземпляры, что содержали фотографии, публикации или упоминания имен «врагов народа», были испорчены или уничтожены в период репрессий в Туве. Анализ немногочисленных уцелевших периодических изданий позволил понять тематику публикаций, формы и методы работы сотрудников редакций, информационно-культурные потребности читателей.

Представление о работе редакций, установках и контролирующей деятельности партии дают документы государственных архивов России и Тувы, а также бывших партийных. К сожалению, не сохранились записи ранних тувинских радиопередач (до 1944 гг.). Косвенные сведения о них содержат документы Управления связи ТНР (Государственный архив Республики Тыва. Ф. 92. Оп. 1).

Идеологическая направленность деятельности СМИ характерна для всего рассматриваемого периода (1924–

1944 гг.), но начальный этап (1924–1929 гг.) имеет определенные отличия.

Возникновение ТНР, рост грамотности среди национальной интеллигенции стали внутренними стимулами создания газет. Особую роль сыграла заинтересованная поддержка, а также всесторонняя помощь СССР. Форсируя создание прессы, советское правительство стремилось проверенным способом начать пропаганду и агитацию революционной идеологии среди крестьян и аратов (скотоводов). В первые годы становления ТНР геополитическая ситуация в Центральной Азии была сложной, в среде тувинской элиты были распространены монголофильские настроения.

Первая в Туве газета «Красный пахарь» вышла 24 июля 1924 г. При непосредственном участии ее сотрудников 31 августа 1925 г. выпустили газету для тувинцев – «Эрх чолоот Танну-Тува» («Свободная Тува»). В 1926 г. увидели свет два журнала – «Хувисгалт Ард» («Революционный арат») и «Залуучуудын зорилго» («Задачи молодежи»). У тувинцев не было своей письменности, поэтому до 1930 г. периодические издания выпускались на монгольском языке.

Названия изданий красноречиво говорят о цели их создания. Символичен рисунок, размещенный на заголовке первого номера «Красного пахаря» – русский крестьянин и тувинский арат, протягивающие друг другу руки под лучами пятиконечной звезды – СССР.

Учредителями изданий были центральные комитеты Тувинской народно-революционной партии (далее – ТНРП) и ревсомола. Получив возможность утверждать составы редколлегий газет и журналов, они определяли их содержание.

Даже при выборе языка национальных изданий советское руководство исходило из необходимости контроля со стороны своих специалистов. Им пришлось смириться с выходом газет и журналов на монгольском языке, но на работу в Туву направлялись идеологически подкованные сотрудники, знавшие монгольский язык (С.А. Нацов, Г. Банзаракцаев и др.), а в редакции изданий назначались русские советники (с 1930-х гг. – инструкторы).

Однако во второй половине 1920-х гг. достичь поставленных целей с помощью периодики не удалось. Это бы-

ло связано, во-первых, с нерегулярным выходом газет и журналов, их маленькими тиражами, трудностью доставки населению (горный ландшафт, разрозненность и труднодоступность чабанских поселений, отсутствие инфраструктуры). Материально-техническая база печати была слабой, практиковалось совместительство сотрудников редакций на партийной и правительственной работе. Авторских публикаций в газетах было мало, их уровень по причине малограмотности авторов был невысоким. Много материалов перепечатывалось из советских газет.

Во-вторых, главным тормозом была неграмотность подавляющей части населения. Крестьяне и араты самостоятельно читать периодические издания не могли, хотя встретили их выход с большим интересом. Есть сведения, что тувинские араты покупали газеты, но, так как не могли прочитать их, хранили в сундуках [7. С. 29–31]. Более привычными для них были устные способы передачи информации, через посредников. Небольшие тиражи газет рассылались бесплатно по ячейкам и комитетам партии, учреждениям, хошунным и сумонным управлениям [2. С. 13–14]. По сведениям Е.Т. Тановой, в них периодически организовывались газетные кружки, где активисты и пропагандисты устраивали коллективные чтения [5. С. 14]. Однако из-за нехватки грамотных людей политико-идеологическая работа велась нерегулярно.

Наконец, сказалось несогласие с идеологическим курсом правительства и партии. Отказ от газет был одной из форм саботажа земельной и культурной политики большевиков. Газеты писали о новой социально-экономической политике: коллективизации хозяйств, лишении избирательных прав бывших феодалов, представителей духовенства и зажиточных крестьян, конфискации имущества и чистках. Сотрудники редакций не пытались разобраться в причинах отрицательного отношения крестьян к совместному труду, не писали о фактах нарушения принципа добровольности.

Традиционные верования тувинцев и русских были провозглашены «пережитками прошлого». Публично осуждались служители культа, которые призывали аратов не вступать в партию, не посещать партийные собрания [8]. Создавался отрицательный образ лам и шаманов как корыстных «шарлатанов» и «спекулянтов».

Несмотря на это, первый этап деятельности прессы был важным. Газеты помогли вовлечь активистов из аратов и русских крестьян в первые общественные объединения, познакомили с инициативами партии и правительства.

Один из первых активистов газетного кружка Монгуш Бадын-оол вспоминал: «Когда появилась газета, люди не стали верить слухам. Если кто-нибудь скажет: “Говорят, там-то происходит то-то, обязательно спросят: “А об этом газета писала?”» [5. С. 17]. Это говорит о том, что, в отличие от устных сведений, сложилось иное отношение к газете – ее информация приобрела легитимный статус.

VIII съезд ТНРП (1929 г.) взял курс на осуществление классовой политики, ликвидацию феодалов, ускоренную

коллективизацию и развертывание культурного строительства. Было принято решение о введении латинизированного новотюркского алфавита, обучении педагогических кадров, а также устранении недостатков, препятствующих развитию печатного дела в республике [9. С. 24].

28 июня 1930 г. была введена национальная письменность на основе латинизированного новотюркского алфавита. Наличие такого мощного инструмента воздействия, как пресса, позволило стимулировать массовый общественный подъем вокруг ее изучения. По мере роста грамотности населения повышался спрос на газеты. Появились постоянные и внештатные авторы. Это позволяло на фоне комплексного укрепления печати увеличивать тиражи, периодичность изданий, а затем выпустить новые.

В августе 1930 г. газета для тувинцев получила название «Тыва араттың шыны» («Правда тувинского арата»), а в марте 1931 г. полностью на родном языке вышла под современным названием «Шын» («Правда»). В январе 1933 г. увидела свет молодежная газета «Реванэ Шыны» («Правда ревсомола»), в 1936 г. – газета «Хостуг арат» («Свободный арат») – орган Президиума Малого Хурала и Совета Министров ТНР.

В 1936 г. в эфире прозвучала первая радиопередача на родном языке. Радио вызвало огромный интерес у аратов. Не понимая механизма передачи голоса на далекое расстояние, они называли радио чудом, «говорящей тарелкой». Узнав часы вещания, араты спешили к этому времени в кожунные (кожуун – тувинский район) центры из своих кочевий на конях, волах, даже пешком, чтобы послушать радио [5. С. 81]. Организация радиовещания, как и прессы, стала возможной благодаря помощи СССР – ТНР была передана радиостанция, электрогенераторы, направлены специалисты, финансовые средства и др. Вещание местных передач на территорию республики шло путем эфирно-проводной радиофикации через г. Красноярск [6. С. 73]. Однако по причине маломощности радиооборудования местное вещание осуществлялось только в г. Кызыле и трех кожуунах (Тере-Холе, Тодже и Монгун-Тайге) [6. С. 54].

1937 г. был объявлен в Туве «штурмовым» в отношении ликвидации неграмотности. Большую роль в решении этой задачи сыграли газеты. Крупные буквы, большое количество примеров правописания и буквописания, простой язык – все это делало доступными уроки для самообразования. С ликвидацией неграмотности, повышением общей культуры населения создавались условия для усиления влияния СМИ.

Содержание информационного потока на протяжении 1930-х гг. становилось более идеологизированным. По указанию партии в газетах в 1930–1933 гг. проводилась линия на ускорение темпов коллективизации хозяйств, планового строительства, развитие потребительской кооперации, реконструкции промышленности на социалистический лад.

На II Чрезвычайном объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ТНРП и III Чрезвычайной сессии Малого Хурала

ТНР (октябрь – ноябрь 1933 г.) было признано, что в результате такой политики наступил глубокий экономический кризис и был принят новый экономический курс [4. С. 175]. Укрепление редакций, усиление контроля над ними, активная работа сотрудников газет на местах, привлечение общественности к решению вопросов животноводства наряду с многоаспектным освещением вопросов развития земледелия, кооперирования и коллективизации аратских хозяйств с учетом показателей экономической эффективности и личной инициативы – все это содействовало выводу республики из кризиса.

Однако изменения в структуре редакций, принципах отбора кадров и работы на данном этапе подготовили условия для централизации и идеологизации деятельности газет в конце 1930-х гг. Укрепление системы периодической печати было показателем особого отношения к ней со стороны партии. В немалой степени этому способствовало усиление советского идеологического влияния после принятия ТНРП в Коминтерн. Проводниками советского влияния оставались советники, работники русской газеты, а также руководители из числа тувинцев, получившие партийно-идеологическое образование в СССР.

Роль СМИ в общественно-политической жизни Тувы усиливалась, под контролем партии они были главным ее рупором. С их помощью в массовое сознание внедрялись следующие основные элементы тоталитарной идеологии:

1. Главная цель – построение социализма в Туве. Курс был окончательно закреплён на XI съезде ТНРП в 1939 г.

2. Средства ее достижения – индустриализация, коллективизация, перевод аратов на оседлость, культурная революция.

3. «Культ вождя» – И.В. Сталина, С.К. Тока.

4. «Образ врага». С начала 1938 г. газеты Тувы стали революционным оружием партии и правительства против злейших «врагов аратских масс». В ходе арестов и допросов газеты писали о многочисленных собраниях партийцев и ревсомольцев, якобы поддержавших на местах их осуждение [10. Л. 1]. Под влиянием огульной пропаганды в тувинском обществе установилась обстановка недоверия и страха, поощрялись слежка и доноительство.

По «Делу Чурмит-Дажи» были репрессированы первые редакторы национальных газет – Ховалыг Манлай-Байыр и Монгуш Намзырай, а также другие сотрудники печати [11. С. 64–68]. В условиях малочисленности национальных кадров репрессии негативно отразились на деятельности прессы. Главное внимание при подборе кадров в ТНР, как в СССР, стали обращать на социальное происхождение человека.

Параллельно усилению идеологических функций прессы, вопреки установленной Конституцией Тувы 1941 г. свободе слова, были сформированы структуры, осуществлявшие партийно-административный контроль над ее деятельностью (Комитет по цензуре – Главлит).

В конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. пропагандой были охвачены основные группы населения. Для детей издавался журнал «Пионер», для советских граж-

дан – «Новая Тува», для национальной интеллигенции – «Революстуг херели» («Заря революции»), журнал «Эртем оруу» («Путь науки») и «В помощь учителю» на тувинском языке. Журналы «Революстуг арат» («Революционный арат») и «Революстуг интернационализм дээш» («За революционный интернационализм») были предназначены для повышения политико-идеологического уровня членов партии. В мае 1942 г. для приближения печати к сельскому населению в Дзун-Хемчикском хошуне вышел первый номер газеты «Ленинниң оруу» («Путь Ленина»). Не в последнюю очередь доступность газет и журналов обеспечивалась за счет их невысокой стоимости. Подписка государственных организаций, членов партии и комсомола на периодическую была обязательной, а библиотеки, культурные и социальные учреждения снабжали централизованно.

Однако распространение информации в ТНР шло с трудом из-за горного ландшафта, разрозненности чабанских кочевий и медленного оснащения электрическими сетями, почтовыми коммуникациями, путями сообщения. С увеличением числа грамотных членов партии громкие читки газет стали проводить чаще. Практика коллективных чтений периодических изданий и слушания радио сохранялось в Туве долгое время.

В годы Великой Отечественной войны при участии прессы и радио была осуществлена перестройка народного хозяйства на военный лад, проводились социалистические соревнования. Взывая к чувству советского патриотизма и интернационального долга, они побуждали население всемерно помогать Красной Армии. Материалы под такими названиями, как «Сев – это тот же фронт!», «Каждый пуд хлеба – удар по врагу!», «Сделаем все, чтобы завоевать победу на наших полях!», убеждали, что в тылу можно совершать такие же подвиги, как и на фронте [12. 15 апр., 18 нояб.]. Работники предприятий и организаций ТНР, следуя призывам, подписывались на внутренние займы ТНР, отдавали всю зарплату и скот в фонд Победы. Общая сумма материальной помощи ТНР Советскому Союзу за 1941–1944 гг. составила свыше 19 млн акша, или 66,5 млн руб. [13. С. 259].

Таким образом, институт прессы был создан в Туве благодаря инициативе и решительным действиям СССР. Хожение газет и журналов в Туве во второй половине 1920-х гг. было ограниченным, но важно то, что в кочевом обществе утвердился качественно иной тип распространения информации. Печатное слово стало действенным инструментом власти в руках ее носителей.

С введением национальной письменности и ликвидацией неграмотности были созданы необходимые условия для политического просвещения, идеологического воспитания аратов. Во второй половине 1930-х гг. пропаганда усилилась за счет радио. СМИ как главный рупор партии были ускоряющим фактором экономических и культурных переустройств: внедряли идею превосходства советского пути развития, обеспечили социальную поддержку партии, дискредитировали «врагов народа».

Братская помощь Тувы СССР в годы Великой Отечественной войны упрочила идею объединения двух государств. Вхождение ТНР в состав СССР стало логическим завершением развития советско-тувинских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишин Г.Ч. Под знамя Ленина. Из опыта идейно-политической работы ТНРП по воспитанию трудового аратства на идеях ленинизма в 1922–1944 гг. Кызыл, 1972.
2. Танова Е.Т. Периодическая печать Тувы (1924–1944 гг.). Кызыл, 1979.
3. Сердобов Н.А. Коминтерн и революционная Тува. Кызыл, 1985.
4. Моллеров Н.М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М., 2005.
5. Танова Е.Т. История возникновения и развития печати Тувы. Кызыл, 2006.
6. Костякова Ю.Б. Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири (1928–1961 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007.
7. Революционный арат. 1929. № 4.
8. Унэн. 1929. 25 апр.
9. VIII съезд Тувинской аратской революционной партии в резолюциях. Кызыл-Хото: Первая Гостипография Тув. Ар. Респ., 1930.
10. Центр архивных документов партий и общественных организаций Государственного архива Республики Тыва. Ф. 92. Оп. 1. Д. 786.
11. Борбак-оол А. Монгуш Намзырай болгаш оон эштери: сактыышкыннар, очерктер (Монгуш Намзырай и его друзья: воспоминания, очерки // Улуг-Хем: лит.-худ. альманах. 1990. № 75 (на тувинском языке).
12. Тувинская правда. 1944.
13. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск, 1982.

Kan Valeriya S. Tuvan Institute of Humanities Researches (Kyzyl, Russian Federation). E-mail kan-tuva@mail.ru

IDEOLOGICAL PREPARATION OF OCCURRENCE OF TUVA IN STRUCTURE OF THE USSR: ROLE AND PARTICIPATION OF MASS MEDIA.

Keywords: press; radio; Tuva; policy of the party.

The first Tuvan newspaper «Krasny Pakhar» was published in 1924, followed by the «Erkh Choloot Tannu-Tuva» newspaper («Free Tuva») in 1925. In 1926 two magazines «Huvigalt Arat» («Revolutionary arat») and «Zaluuchudyn zorilgo» («Problems of youth») were published. In this period Tuvinsians did not have their own writing, therefore the periodicals were issued in the Mongolian language. The Soviet government was forcing the creation of the press in the Tuvan People Republic to begin promotion and agitation of revolutionary ideology among locals. The distribution of periodicals in the second half of the 1920s was limited. The reasons were irregular issuing, small circulations, difficulties with deliveries. Since most of the population was illiterate, acquaintance with newspapers went with the help of intermediaries. The importance of the first newspapers and magazines was that in a nomadic society another way of the distribution of information became entrenched. The printed word became an effective power tool in hands of its carriers. The introduction of national writing was a powerful incentive to the development of the Tuvan society, culture and the state. The existence of such powerful instrument of influence as the press allowed stimulating a mass public rise connected with its studying. With the growth in literacy there was a need for the word to be printed in the native language. It allowed to increase circulations and the frequency of the existing editions to launch the new ones. In March 1931 the Tuvan newspaper appeared completely in the native language under the modern name «Shyn» («Truth»). The newspaper for youth «Revane Shyny» («The truth of a revsomol») was issued in 1933, in 1936 – the «Hostug Arat» («Free arat»). There was the first broadcast in local air in 1936. The growth of literacy was a necessary condition for the ideologization of arats' (shepherds) consciousness. According to the party directives, in the newspapers of 1930–1933 the line on the acceleration of the rates of collectivization, the development of consumer cooperation, and the reconstruction of the industry was pursued. During the short period of the «New Economic Policy» (1934–1936) the newspapers changed their approach: they criticized the leaders who were breaking the principle of good-will involvement of population in agricultural works. It promoted the economical revival of Tuva. However, changes in the structure of editorial offices, the principles of work and selection of the staff at this stage prepared conditions for intensified ideologization of newspapers in the second half of the 1930s. By means of mass media the totalitarian ideology (idea, the purpose, «cult of personality», «enemy image») took root into the consciousness of the mass and the party positions were strengthened. The publication of the number of magazines in the late 1930s – the early 1940s allowed the propaganda to cover the main segments of population. Regular broadcast of information about the advantages of the Soviet way of development, the support by inhabitants of socialist transformations, the public discredit of «national enemies» provided an ideological basis for the integration of the two states.

REFERENCES

1. Shirshin G.Ch. Pod znamya Lenina. Iz opyta ideyno-politicheskoy raboty TNRP po vospitaniyu trudovogo aratstva na ideyakh leninizma v 1922–1944 gg. [Under the banner of Lenin. From the experience of ideological and political work of TNRP on parenting labor arats on the ideas of Leninism in the period of 1922–1944]. Kyzyl, 1972.
2. Tanova E.T. Periodicheskaya pechat' Tuvy (1924–1944 gg.) [Periodicals of Tuva (1924–1944)]. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1979. 112 p.
3. Serdobov N.A. Komintern i revolyutsionnaya Tuva [The Comintern and the revolutionary Tuva]. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1985. 237 p.
4. Mollerov N.M. Istoriya sovetско-tuvinskikh otnosheniy (1917–1944 gg.) [The history of the Soviet-Tuva relations (1917–1944)]. Moscow, 2005. 325 p.
5. Tanova E.T. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya pechati Tuvy [History and development of printing in Tuva]. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2006. 95 p.
6. Kostyakova Yu.B. Stanovlenie i razvitie sistemy massovogo radioveshchaniya v natsional'nykh rayonakh Yuzhnoy Sibiri (1928–1961 gg.): diss. kand. ist. nauk [Formation and development of the system of mass broadcasting in the national regions of South Siberia (1928–1961). History Cand. Diss.]. Abakan, 2007.
7. Revolyutsionnyy arat, 1929, no. 4.
8. Unen, 1929, 25th April.
9. VIII s"ezd Tuvinskoy aratskoy revolyutsionnoy partii v rezolyutsiyakh [The 8th Congress of Tuva Arat Revolutionary Party in the Resolutions]. Kyzyl-Khoto: Pervaya Gostipografiya Tuv. Ar. Resp. Publ., 1930.
10. The Center of Parties and Public Organizations' Archive Documents of the State Archive of the Republic of Tuva. Fund 92. List 1. File 786.
11. Borbak-ool A. Mongush Namzyray i ego druz'ya: vospominaniya, ocherki [Mongouch Namzyray and his friends: Memories, essays]. Ulug-Khem: literaturno-khudozhestvennyy al'manakh, 1990, no. 75 (In Tuvinian).
12. Tuvinskaya Pravda, 1944.
13. Aranchyn Yu.L. Istoricheskiy put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [A historical way of the Tuvan people to Socialism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 337 p.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕУЧЕБНЫХ ФОРМ ФИЗКУЛЬТУРНО-МАССОВОЙ И СПОРТИВНОЙ РАБОТЫ В ВУЗАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ г. ТОМСКА В 1945–1991 гг.)

Рассматриваются основные способы организации внеучебной физкультурной работы в вузах Западной Сибири (на примере г. Томска). Читатель найдет в ней информацию о работе кафедр физической культуры вузов, секционной и спортивно-массовой работе, организации спортивно-оздоровительных лагерей. Рассматриваются влияние спортивных школ молодежи и создание «опорных» видов спорта на подготовку высококвалифицированных спортсменов в Сибири и роль студенческих добровольных спортивных обществ в этом процессе.

Ключевые слова: вузы; физкультурно-массовая работа; внеучебная спортивная работа; студенческий спорт.

Послевоенный период существования СССР характеризовался большими восстановительными работами в экономической области и началом «холодной» войны в политической. Именно в этот тяжелейший для государства период советские спортсмены начинают выходить на международную арену: вступление советских организаций в МСФ, начало участия в Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы. Их победы имели огромное политическое значение, так как были одним из способов демонстрации превосходства социалистической системы над капиталистической. В 1948 г. ЦК ВКП(б) (постановление от 27 декабря 1948 г.) обязал физкультурные организации обеспечить увеличение массовости физкультурного движения и повышение уровня спортивного мастерства и завоевание советскими спортсменами в ближайшие годы мирового первенства по важнейшим видам спорта. Здесь необходимо отметить, что студенческий возраст является сенситивным для демонстрации результатов высшего спортивного мастерства по многим видам спорта, поэтому развитие спорта в высших учебных заведениях имело большое значение для страны.

Физическая культура в рассматриваемый период являлась важным составляющим элементом учебно-педагогического процесса в вузах и отличалась большим разнообразием форм. Основными способами организации внеучебной работы были секционные занятия и спортивно-массовые мероприятия.

Секционная физкультурная работа, наряду с учебной, занимала существенное место в организации физического воспитания студентов вузов. Однако фактически до конца 1950-х гг. как в вузах г. Томска, так и во всей Сибири данный вид физкультурной деятельности находился в неудовлетворительном состоянии. Этому была масса объективных и субъективных причин, однако основных было две. Во-первых, для развития секционного направления физкультурной работы в вузах фактически отсутствовала материальная база. Во-вторых, секционные занятия не были обязательными, и акцента на их проведении управленческие структуры вузов не ставили. Так как занятия не являлись обяза-

тельными, то на первый план выходила личная инициатива студентов, которую проявляла далеко не вся вузовская молодежь [1].

Секционные занятия в послевоенный период в сибирских вузах, как и в других вузах страны, проводились по линиям добровольных спортивных обществ (ДСО), принадлежность к которым определялась по производственному признаку. Например, в г. Томске государственный университет и политехнический институт принадлежали к ДСО «Наука», медицинский институт – к ДСО «Медик», институт инженеров железнодорожного транспорта – к ДСО «Локомотив», педагогический институт – к ДСО «Учитель». Количество секций в первые послевоенные годы было небольшим, а их состав крайне малочисленным. Например, в университете к началу 1946 г. работали две секции: лыжная и шахматно-шашечная, к концу года были открыты еще две. О небольшой наполняемости секций говорит тот факт, что, например, самая массовая – лыжная секция ТГУ – насчитывала лишь 35–40 чел. Примерно такая же картина наблюдалась и в других вузах [2. Л. 22]. Здесь необходимо отметить, что ведомственная разобщенность не позволяла сконцентрировать материальные и кадровые ресурсы на этом участке работы с молодежью. С 1938 по 1957 г. в стране проводилось укрупнение ДСО в несколько этапов, и если в течение 1936–1938 гг. при отраслевых профсоюзах было создано 99 ДСО, то к 1958 г. их стало 20. С 1957 г. все студенческие ДСО были объединены под флагом ДСО «Буревестник» [3. С. 267].

Кроме вузовских секционных объединений, где повышали спортивное мастерство студенты высших учебных заведений, в городах после войны функционировали спортивные школы молодежи, где тренировались сильнейшие спортсмены города и вузов в том числе. Указание Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта и ЦК ВЛКСМ о создании спортивных школ молодежи вышло в 1945 г. Основной целью их создания было улучшение качества физкультурной работы среди молодежи и повышение уровня подготовки высококвалифицированных спортсменов. Уже к концу 1945 г. таких школ в стране было 80 [4. Л. 43].

Создание подобных спортивных объединений в стране в тяжелые послевоенные годы было вызвано рядом объективных причин. Победа СССР в Великой Отечественной войне неизмеримо подняла международный авторитет страны. Правительство Советского Союза в этот период стремилось к расширению международных связей во всех областях – экономической, культурной, научной и спортивной жизни. Все это создавало хорошие предпосылки к выходу советских спортсменов на международную спортивную арену, где демонстрация физической силы граждан страны являлась одним из подтверждений мощи самого государства.

На примере томской спортивной школы молодежи можно проанализировать работу подобного рода объединений в регионе, так как это был период послевоенного восстановления, когда экономическая ситуация была повсеместно крайне тяжелой. Основу спортивной школы составляли студенты вузов, которых, например, на отделении гимнастики было 34 из 40 представителей отделения. Местные власти предприняли ряд безуспешных попыток привлечь в школу молодежь промышленных предприятий. Слабая материальная база, отсутствие организационного опыта, отразившиеся в методическом единообразии и низкой посещаемости занятий в первые годы существования школы, не позволили данному спортивному объединению достигнуть в кратчайшие сроки ожидаемых результатов. Подтверждением тому служит факт, что за весь 1947 г. в школе было подготовлено всего 11 спортсменов массовых разрядов [2. Л. 159–162].

Для достижения намеченной цели требовались годы систематической серьезной учебно-тренировочной четко организованной и методически правильной работы. Организационная работа в школе постепенно улучшалась и к концу 1949 г. в ней работали уже 5 отделений (лыжи, коньки, гимнастика, штанга, борьба) с общим количеством занимающихся 149 чел. [5. Л. 3]. В 1950 г. учащиеся школы молодежи показали первые серьезные результаты. Под руководством тренера А. Афанасьева спортсмены отделения борьбы Иван Селетников (студент ТГПИ, общество «Большевик») и Владимир Ширяев (слесарь ремесленного училища, общество «Трудовые резервы») завоевали звание чемпионов РСФСР в классической борьбе. В 1953 г. мастер спорта СССР И. Селетников и М. Ошлаков вошли в сборную команду РСФСР по классической борьбе [6, 7].

Между тем даже в относительно успешном 1950 г. стабилизировать учебный процесс в полном соответствии с требованиями во всех отделениях школы не представлялось возможным из-за материальной несостоятельности и дефицита квалифицированных кадров. При организации молодежной спортивной школы на нее возлагались надежды как на фабрику спортивных звезд, а фактически на арену большого спорта выходили единицы. Однако сегодня существование и в г. Томске, и во всей стране в целом подобных школ

надо рассматривать как значительный шаг в сторону развития спорта высших достижений. Но за этим шагом должно было последовать множество подобных, и на это потребовались многие годы, прежде чем теоретический замысел получил эффективную реализацию, а все достижения большого спорта стали достоянием не единиц, а большого числа спортсменов.

К середине 1950-х гг. в работе томской спортивной молодежной школы стали происходить заметные улучшения. В 1955 г. в школе проходили подготовку свыше 150 чел., в числе которых уже были два мастера спорта СССР, около 30 спортсменов-разрядников. К этому времени в составе школы значились именитые спортсмены – студенты и выпускники вузов: Вера Тарасова – мастер спорта СССР, рекордсменка РСФСР, участница международных соревнований в Париже на приз «Юманите»; Алла Кирюшкина, Владимир Ярославцев и т.д. Этот список продолжили чемпионы и призеры первенств 1955 г.: чемпионом РСФСР по прыжкам с трамплина стал воспитанник спортшколы Арнольд Томашич; прыгунам с трамплина на лыжах Ивану Абызову и Владимиру Толмачеву были присвоены звания мастеров спорта СССР, они входили в состав сборной команды СССР; акробаты Иван Котенев и Анатолий Носков в силовой паре дважды занимали вторые места в соревнованиях на первенство РФ и Министерства высшего образования; чемпионом Сибири по слалому являлся студент педучилища Дмитрий Карташев. С образованием в 1957 г. ДСО «Буревестник» подготовка высококвалифицированных спортсменов перешла в компетенцию данного общества [6–8; 9. Л. 10].

С начала 1960-х гг. подготовка спортсменов-разрядников стала одним из основных направлений работы вузовских спортивных кафедр, куратором которого являлось студенческое ДСО «Буревестник». Общество «Буревестник» совместно с ведомствами, министерствами (имевшими высшие учебные заведения) и кафедрами физического воспитания и спорта вузов было призвано вовлекать студентов, аспирантов, профессорско-преподавательский состав и обслуживающий персонал вузов, а также членов их семей в систематические занятия физической культурой и спортом. Основой общества, его первичной организацией, являлся спортивный клуб, создаваемый в вузе студенческим профсоюзным комитетом и местным комитетом профсоюза работников высшей школы, просвещения и вышестоящим советом общества. На 1 января 1960 г. общество «Буревестник» по стране объединило 626 спортивных клубов, в которых занимались физической культурой 673 тыс. чел. [3. С. 105, 106].

Усиление деятельности в данном направлении было связано с выходом постановления VI пленума Центрального Совета Союза 1962 г., в котором указывалось на необходимость подготовки 20–25% разрядников к общему числу студентов вузов. Это значило, что практически каждый студент в идеале по окончании

вуза должен был стать инструктором-общественником или спортсменом-разрядником [10. Л. 150]. Несомненно, что этот указ оказал определенное влияние на оптимизацию процесса подготовки спортсменов-разрядников и улучшение секционной работы. Например, количество разрядников Томского политехнического института в 1962 г. к общему числу студентов составило уже 30%. Примерно такие же показатели имели и другие вузы г. Томска. В каждом вузе страны, во исполнение постановления пленума, существовал план по подготовке спортсменов-разрядников. Поэтому количество подготовленных разрядников в томском СДСО «Буревестник» с момента принятия постановления составляло ежегодно не менее 20%: 1962 г. – 24,2%; 1963 г. – 26,4%; 1964 г. – 25,1% и т.д. [11. Л. 1, 2; 12. Л. 10; 13. Л. 6; 14. Л. 36; 15. Л. 24; 16. Л. 61].

Безусловно, на подготовку разрядников огромное влияние оказывала организация учебно-спортивного процесса. Четкая постановка физкультурной работы, например, в политехническом институте вывела вуз на лидирующие позиции и в подготовке разрядников. В 1965 г. в этом институте были подготовлены 7 мастеров спорта СССР, 7 кандидатов в мастера спорта, 2 793 разрядников. Всего в ТПИ в 1965 г. насчитывалось 25 мастеров спорта СССР [17. Л. 86, 87].

Августовское постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию физкультуры и спорта» 1966 г., а также последующее постановление бюро Томского областного комитета КПСС от 17 ноября 1967 г. предусматривали меры по широкому развитию физкультурного движения в области, повышению мастерства спортсменов и строительству материально-технической базы [18. Л. 3].

Однако принятие постановлений не означало моментальной успешной реализации принятых решений. Повышение мастерства спортсменов было серьезной проблемой не только для вузов г. Томска, но и для всей Западной Сибири, так как для их подготовки была необходима хорошая материальная база, которая по-прежнему таковой не являлась. Для выполнения правительственного постановления в 1966 г. решением президиума областного совета были определены опорные, т.е. приоритетные для Томской области, виды спорта, на развитие которых делался упор во всех физкультурных организациях города и области: лыжные гонки, тяжелая атлетика, борьба классическая, прыжки с трамплина и двоеборье, легкая атлетика. По этим видам в различных физкультурных подразделениях области были созданы детские и молодежные группы, которые занимались под руководством лучших тренеров. Наряду с областными секции по опорным видам спорта были созданы при всех вузах [19. Л. 1].

Это был серьезный шаг по улучшению работы со спортсменами-разрядниками. Вузовским спортивным коллективам г. Томска к концу 1960-х гг. удалось достигнуть хороших результатов в подготовке спортсменов. Так, по отчетным цифрам в политехническом институте

только за 1968 г. были подготовлены 5 мастеров спорта СССР, в институте радиоэлектроники – 25 кандидатов в мастера спорта и мастеров спорта СССР [20. Л. 19, 21]. Хотя эти данные из архивных источников вызывают определенное сомнение, но, на наш взгляд, степень завышения цифровых отчетных показателей и приписок по этим самым крупным вузам г. Томска незначительна либо совсем отсутствует.

Введение в учебно-тренировочный процесс опорных видов спорта значительно улучшило их количественные и качественные показатели, способствовало привлечению материальных и кадровых ресурсов к их развитию в ущерб другим видам спорта. Действительно, приоритетное развитие лишь некоторых видов спорта привело к тому, что количество других, не относящихся к разряду культивируемых видов спорта, к концу 1970-х гг. снизилось. К 1980 г. некоторые виды спорта практически перестали развиваться в вузах. Прошедшая зимой 1980–1981 гг. спартакиада областного совета подтвердила неравномерность развития зимних видов спорта. Если зимним многоборьем ГТО занимались во всех шести вузах, то биатлоном – только в трех (ТИСИ, ТПИ, ТГПИ), прыжками на лыжах с трамплина – только в ТИСИ, конькобежным спортом и хоккеем – только в четырех вузах. Соответственно, не все вузы смогли укомплектовать и выставить команды по этим видам спорта [21. Л. 5; 22. Л. 89, 93, 96, 97; 23. Л. 76; 24. Л. 30].

Для улучшения физкультурной работы среди учащейся, студенческой и рабочей молодежи ЦК КПСС и Совет Министров СССР в сентябре 1981 г. приняли постановление «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта». Целевой установкой этого постановления, как и практически всех предыдущих, были массовость и мастерство. Вертикаль подчинения требовала мобильной реакции местных властей на все постановления центральных органов, что и происходило в регионах. Вслед за этим бюро Томского обкома КПСС издало постановление «О мерах по развитию физической культуры и спорта в школах, профтехучилищах, техникумах и вузах области» [25. Л. 1].

Для повышения спортивного мастерства в 1981 г. при томском облсовете «Буревестник» была создана экспериментальная группа по легкой атлетике, где под руководством тренера М.И. Карманова занимались 18 высококвалифицированных спортсменов. Чемпионами и призерами соревнований на первенство РС и ЦС ДСО «Буревестник», РСФСР, СССР 1981–1983 гг. стали 13 членов этой группы. Ряд спортсменов из этой группы, руководимой талантливым тренером М.И. Кармановым (преподаватель факультета физического воспитания ТГПИ), вскоре стали членами сборных команд: сборной СССР – студенты томского пединститута Евгений Окоороков и Сергей Новошинский; сборной Россовета и ЦС ДСО «Буревестник» – студенты этого же вуза Сергей Бирюков и Александр Зюзин; сборной РС ДСО «Буревестник»

(юноши) – Олег Груняев и Владимир Козлов [26. Л. 4; 27. Л. 1]. Ранее только спортсмены межвузовского объединения по гребле при институте радиоэлектроники демонстрировали результаты уровня высшего спортивного мастерства. В этой связи необходимо отметить огромную и кропотливую работу тренера спортсменов-гребцов Анатолия Ивановича Иванова, преподавателя кафедры физической культуры института радиоэлектроники. Под его руководством уже к концу 1968 г. были подготовлены 22 кандидата в мастера спорта СССР и 14 перворазрядников. Его ученики были призерами и чемпионами первенств РСФСР и СССР [20. Л. 15].

Подготовку спортсменов высокого уровня в вузовских объединениях осуществляли лучшие тренеры города, одновременно являющиеся преподавателями кафедр физической культуры. Заслуженный тренер РСФСР Иван Мифодьевич Селетников (Томский государственный педагогический институт) подготовил много спортсменов высокого класса, в том числе и мастеров спорта СССР. Преподаватель физической культуры Томского политехнического института (ТПИ) Дмитрий Владимирович Мораецкий, в свое время один из сильнейших спортсменов г. Томска, находившийся еще у истоков развития физической культуры в городе, много лет отдал подготовке легкоатлетов, воспитав целую плеяду высококлассных спортсменов [20. Л. 16]. Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию (преподаватель спорткафедры ТПИ) Александр Леонидович Собанин подготовил 14 мастеров спорта, 187 кандидатов в мастера спорта и спортсменов первого разряда [28. Л. 161]. Одним из ведущих альпинистов СССР являлся Генрих Андреев (преподаватель ТПИ). Под его личным руководством альпинисты г. Томска участвовали в покорении многих вершин Советского Союза [20. Л. 16].

Нельзя обойти молчанием большую роль созданных в конце 1950-х гг. оздоровительно-спортивных лагерей в стабилизации тренировочного процесса и создании возможности для проведения круглогодичных тренировок физкультурников и спортсменов вузов. Лагеря работали под единым руководством кафедр физического воспитания и спортивных клубов вузов [9. Л. 16, 17; 29. Л. 23; 30. Л. 6, 11, 12].

В марте 1961 г. вышел приказ Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР «Об упорядочении работы оздоровительно-спортивных лагерей высших учебных заведений». Лагеря рассматривались как важный фактор в общей системе мероприятий, направленных на улучшение состояния здоровья студентов, и как необходимый элемент в организации круглогодичной тренировки. Значимость работы лагерей была подчеркнута постановлением ЦС СДСО «Буревестник» «О работе оздоровительно-спортивных лагерей в 1962 г.» [31. Л. 37, 46]. Любые постановления, в том числе и эти, бесспорно, активизировали работу физкультурных организаций.

В вузовских спортивно-оздоровительных лагерях были оборудованы футбольные поля, баскетбольные и волейбольные площадки, беговые дорожки и гимнастические городки. Все обустройство, как свидетельствуют документы, выполнялось силами студентов и преподавателей кафедр физвоспитания.

Спортивные занятия проводились регулярно в форме комплексных лагерных спартакиад по нескольким видам спорта. Например, в лагере Томского университета в 1964 г. была проведена спартакиада по 6 видам спорта. Перед спартакиадами обычно проводились учебно-тренировочные занятия по входящим в программу видам спорта с участием всех студентов, отдыхающих в лагере. Кроме того, работали секции по нескольким видам спорта [32. Л. 23]. Ежедневно проводилась утренняя гимнастика. Неотъемлемой частью оздоровительного отдыха студентов были сдача норм ГТО и обучение плаванию. Здесь же готовились инструкторы-общественники, судьи по спорту, сдавались разрядные нормы. Определенное место занимали туристические походы. Так, за период вузовских лагерных сборов 1965 г. в Томской области были проведены 68 турпоходов и ряд лодочных водных походов [19. Л. 6, 10, 11].

По сложившейся в стране той поры традиции в летнее время городское население активно привлекалось к трудовой безвозмездной помощи сельскому хозяйству. Поэтому ежегодно студенты, находившиеся на лагерных сборах, активно участвовали в оказании помощи ближайшим колхозам и совхозам в заготовке кормов, строительстве хозсооружений, работе на лесозаводе. Только за 1964 г. томским студенчеством было отработано 15 400 часов, а за лето 1965 г. – уже 20 000 часов. Трудовая деятельность проходила также в виде привлечения всех отдыхающих к работам по благоустройству лагеря [19. Л. 6, 10, 11, 42, 43].

Кроме того, спортивно-оздоровительные лагеря вузов проводили шефскую спортивную работу в близлежащих населенных пунктах. Силами студентов организовывались лекции, спортивные встречи с командами сел, выступления художественной самодеятельности. В архивах сохранились отчеты, подтверждающие, что, например, студенты Томского политехнического института и университета проводили товарищеские встречи со спортсменами сел Киреевск и Кожевниково, а спортсмены института радиоэлектроники – с физкультурниками с. Шегарка [19. Л. 42, 43; 12. Л. 40].

К концу 1970-х гг. многие вузы имели уже не по одному, а по несколько лагерей, в том числе и специализированных. Так, крупнейший в городе политехнический институт имел спортивный лагерь в с. Киреевск, лагерь туристов в г. Горно-Алтайске, лагерь геодезистов в Республике Хакасия. Спортсмены-подводники этого же вуза отправились на лагерные сборы на Бухтарминское море (водохранилище, озеро Зайсан, Алтай). Университет, кроме спортивно-оздоровительного лагеря, имел лагерь спортсменов

подводного спорта и лагерь научных работников. В педагогическом институте функционировали спортивно-трудовой лагерь в городе и загородный лагерь факультета физвоспитания. Институт радиоэлектроники имел лагерь по академической гребле и оздоровительный лагерь. Таким образом, ввиду очевидной результативности, популярность оздоровительно-спортивных лагерей возрастала [33. Л. 14, 15, 21]. Например, в 1978 г. в летний период функционировало 10 студенческих спортивных лагерей, в которых отдыхали и повышали свое спортивное мастерство 4 тыс. чел. [22. Л. 90, 94–96; 28. Л. 166, 167; 34. Л. 83].

В целостном анализе динамики физкультурного движения в стране необходимо особо подчеркнуть роль своеобразного государственного стандарта, которым фактически являлся комплекс ГТО. Выполнение нормативов ГТО, как показал опыт нескольких десятилетий, способствовало увеличению массовости отряда физкультурников. Всесоюзный физкультурный комплекс ГТО стал программно-нормативной основой системы физического воспитания в высшей школе.

Таким образом, можно считать очевидным фактом, что развертывание всесоюзной системы ГТО создало мощный фундамент для развития массового спорта. Вполне вероятно предположение, что выдающиеся результаты спортсменов стали закономерным финалом широкого распространения этого всенародного физкультурного движения. Именно массовость участия выявляла спортивные таланты и давала огромный стимул к дальнейшему повышению результатов начинающих спортсменов.

Подготовка значкистов ГТО проводилась кафедрами физического воспитания и спорта в процессе прохождения студентами обязательного курса физической подготовки, куда входили обязательные зачетные нормативы [12. Л. 12].

Впервые слова «Готов к труду и обороне СССР» прозвучали в мае 1930 г.; впоследствии положение о значке ГТО менялось несколько раз, что объяснялось изменениями экономико-политической обстановки в стране и за ее пределами. И первоначальный, и видоизмененный комплекс ГТО неизменно пользовался в СССР большой популярностью [9. Л. 15].

Однако к концу 1960-х гг. ввиду утраты элемента новизны первоначальный интерес к физкультурному движению в рамках ГТО несколько снизился. Для оптимизации работы в данном направлении ЦК КПСС и Советом министров СССР в январе 1972 г. было принято постановление «О введении нового Всесоюзного спортивного комплекса ГТО». Для руководства работой по выполнению новых требований комплекса ГТО в вузах были созданы постоянно действующие комиссии, возглавляемые проректорами по учебной работе. Практическая работа по сдаче норм возлагалась на кафедры физического воспитания и военной подготовки совместно со спортивными клубами [35. Л. 45, 60; 36. Л. 24].

Работа по внедрению нового комплекса ГТО, как и следовало ожидать, стала приоритетной для областных советов и спортивных клубов. Поэтому в 1970-е гг. стали очевидными результаты проделанной работы. Так, за период с 1 марта 1972 г. по 1 декабря 1973 г. только в томских вузах были привлечены к сдаче норм ГТО 22 141 (73%) студент и 3 663 (50%) сотрудника [36. Л. 24].

Надо отметить, что преподавательский состав сибирских вузов активно поддерживал сдачу норм ГТО. Например, в г. Томске золотыми значкистами ГТО стали декан факультета электронной техники (институт радиоэлектроники) И.В. Шипунов, член партбюро института К.И. Юргин, декан конструкторско-технологического факультета В.Г. Столярчук и др. Активность преподавателей имела огромное агитационное и воспитательное значение [37].

Соревнования по новому варианту программы ГТО в вузах приняли массовый характер и проводились как большой праздник. В программу спартакиад спортивных клубов включались все виды спорта, входящие в комплекс ГТО, а также соревнования по летнему и зимнему многоборью ГТО. Спартакиады по комплексу ГТО проводились и в спортивных лагерях в летний период [36. Л. 24, 25].

Областные советы ежегодно проводили смотр-конкурсы в спортивных клубах вузов одновременно с организацией массовых зимних и летних соревнований по многоборью ГТО на призы газет «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда». Только в 1979 г. и только в томских вузах на старты вышли более 20 тыс. чел. Всего по вузам г. Томска в 1979 г. насчитывалось уже 30 416 значкистов ГТО, что составляло 67,9% от общего числа студентов [38. Л. 2, 6]. Таким образом, комплекс ГТО способствовал выполнению основной целевой установки – повышению массовости занятий физической культурой.

Как уже отмечалось, спортивно-массовая работа планировалась и проводилась совместно кафедрами физвоспитания и спортивными клубами по учебным семестрам. Семестровые планы спортивных мероприятий входили в общий план воспитательной и культурно-массовой работы и утверждались ректором или проректором по учебной работе. С целью четкости в организации и руководстве спортивными мероприятиями разрабатывались оперативные планы на 1–2 месяца. Отдельно от семестровых составлялись планы массовых спортивных мероприятий на период зимних и летних каникул. Планирование массовых спортивных мероприятий на факультетах выполнялось спортивными факультетами. Все мероприятия были увязаны между собой в единую систему, содействующую вовлечению студентов в занятия спортом, повышению спортивного мастерства и подготовке к последующим соревнованиям [17. Л. 29].

Как правило, наиболее массовыми мероприятиями являлись: факультетские и общеузовские зимние и летние спартакиады, первенства и блицтурниры по от-

дельным видам спорта, легкоатлетические и лыжные кроссы, туристические походы, спортивные фестивали, спартакиады проживающих в общежитии, праздники здоровья с обширными спортивными программами и т.д. [32. Л. 4; 35. Л. 63].

По нормативам комплекса ГТО первого поколения в послевоенный период большой популярностью пользовались спортивные праздники, кольцевые пробеги, которые привлекали к себе большое внимание горожан. Например, в общегородском параде, посвященном дню физкультурника 1947 г., участвовали 3 000 физкультурников, и зрелище, без сомнения, было для г. Томска грандиозное [39]. Студенты с большим интересом принимали участие в агитпоходах по внедрению комплекса ГТО, которые организовывались во время каникул. Так, с целью спортивной агитации в г. Томске и г. Колпашево коллективами физической культуры было проведено только за 1947 г. 20 агитпробега [40]. Кроме этого, довольно часто проходили так называемые «матчи дружбы». Подобные встречи, кроме спортивно-состязательной программы, содержали насыщенную культурную программу: посещение театров, музеев и т.д. [41].

С начала 1960-х гг. большое распространение в вузовской среде Сибири получили всевозможные социалистические соревнования.

Между спортивными клубами вузов проводилось соцсоревнование по трем разделам:

- спортивно-оздоровительная работа (критерии: количественный состав участников соревнований, оздоровительных мероприятий и турпоходов; процентное соотношение студентов, задействованных в секционных объединениях к общему числу студентов вуза; количество функционирующих в вузе секций по различным видам спорта);

- подготовка спортсменов-разрядников (критерии: количество спортсменов, выполнивших нормативы мастеров и кандидатов в мастера спорта, 1, 2, 3-го и юношеских разрядов по различным видам спорта; участие спортсменов в соревнованиях российского, общесоюзного и мирового уровней);

- итоги спартакиад и соревнований облсовета (критерий: места, занятые спортивными клубами в различных соревнованиях и спартакиадах в общегородском зачете).

Областным советом «Буревестник» проводились следующие смотры-конкурсы:

- по выполнению нормативов комплекса ГТО (критерии: количество физкультурников, сдавших нормы ГТО; процентное соотношение студентов, выполнивших нормативы ГТО к общему числу студентов вуза);

- спортивно-оздоровительной работе лагерей (критерии: процентное соотношение задействованных студентов к общему числу обучающихся в вузе; количество выполнивших за летний оздоровительный сезон нормы ГТО и спортивные разряды; участие студентов в шефской

физкультурной работе с населением близлежащих к лагерям колхозов и совхозов);

- постановке физкультурной работы в учебных группах, на факультетах, в вузах по итогам зимнего и летнего сезонов (критерии: количество студентов, задействованных в занятиях физической культурой; процентное соотношение участников соревнований и оздоровительных мероприятий к общему числу студентов групп, факультетов, вузов; итоговые места в соревнованиях, количество студентов, сдавших нормы ГТО и выполнивших разрядные нормативы);

- эффективности использования спортивных сооружений (критерии: количественная загруженность спортивных сооружений и коэффициент полезного действия) [26. Л. 1–4, 5, 10].

Центральное место среди всех спортивных мероприятий занимала традиционная круглогодичная комплексная спартакиада. Путем привлечения значительных студенческих масс к участию в спартакиадах спортклубы решали несколько задач. Во-первых, значительно повышалась массовость спорта; во-вторых, увеличивалось количество сдавших нормы ГТО и выполнивших нормативы 1–3-го спортивных разрядов. Круглогодичная спартакиада была положена в основу пирамиды по организации массовой физкультурной работы в вузах во внеурочное время. В основании этой пирамиды значились соревнования на факультетах, а вершиной – соревнования сборных команд и лучших спортсменов факультетов за право называться сильнейшими в вузе. В программу спартакиады входило большое количество видов спорта. Большинство соревнований проводилось, как правило, в торжественной обстановке, с подведением итогов и вручением призов. Положением о спартакиадах учитывалось состояние работы на факультете по вовлечению студентов в члены спортклуба и по сбору членских взносов в СДСО «Буревестник». Требовалось, чтобы перед каждым соревнованием, входящим в программу спартакиады, внутри факультетов проводились свои соревнования по данному виду спорта. Областной совет ежегодно проводил спартакиаду «Бодрость и здоровье» по нескольким видам спорта среди преподавателей и сотрудников вузов. Проводились также краевые и областные зимние спартакиады, спартакиады профсоюзов и т.д. [42. Л. 1; 43. Л. 29, 30; 14. Л. 60; 32. Л. 32; 22. Л. 90, 94; 28. Л. 165, 166].

Кроме спартакиад, в вузовской практике использовалось множество других спортивно-массовых мероприятий, таких как День бегуна, День метателя, День прыгуна и т.д. Большим разнообразием отличалась программа институтских, межгрупповых, курсовых соревнований. Именно за счет использования многообразных форм проведения спортивно-массовой работы значительно возросла численность физкультурников [12. Л. 27].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что спортивно-массовая работа в системе высшего обра-

зования явилась значимым и необходимым дополнением в учебном процессе. Масштабность и творческое многообразие форм и методов ее организации способствовали привлечению в ряды физкультурников значительной части студенческой молодежи. Подобная организация процесса физического воспитания молодежи способствовала решению не только физкультурно-оздоровительных, но и социально значимых задач. В рамках физкультурной работы повсеместно происходило воспитание важных, с идеологической и политической точек зрения, чувств: патриотизма, гордости за страну, ответственности и единения и т.д. Помимо этого, у молодежи формировались навыки социально адекватного проведения досуга, осуществлялось оказание шефской помощи сельской моло-

дежи, расширение материально-технической базы вузов и т.д. Организация секционной работы в высших учебных заведениях способствовала подготовке высококвалифицированных спортсменов, что было значимым для развития спорта высших достижений в стране и представления ее на международной арене. За короткий период вузы Сибири стали конкурентоспособными в борьбе за медали высшего достоинства на российском и общесоюзном уровнях и вышли на международную арену. Таким образом, в целом, в исследуемый период в вузах была реализована правительственная установка на развитие массовости и повышения уровня мастерства спортсменов, что действительно являлось одним из преимуществ социалистической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ревин А. Растут кадры физкультурников // Красное знамя (Томск). 1946. 27 фев.
2. Центр документации Новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 608. Оп. 3. Д. 39.
3. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту / под ред. Г.И. Кукушкина и др. М. : Физкультура и спорт. 1961. Т. 1. 368 с.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 162.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 249.
6. Афанасьев Т. Успехи томских борцов // Красное знамя. 1953. 15 мая.
7. Красное знамя (Томск). 1950. 31 дек.
8. Петров В. В областной спортивной школе // Красное знамя. 1955. 20 июля.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1611. Оп. 1. Д. 9.
10. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 32.
11. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 7.
12. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 41.
13. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 43.
14. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 57.
15. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 70.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3471.
17. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 72.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4296.
19. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 40.
20. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 110.
21. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 302.
22. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 303.
23. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 322.
24. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 361.
25. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 406.
26. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 413.
27. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 432.
28. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 304.
29. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 14.
30. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 15.
31. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 32.
32. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 63.
33. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 217.
34. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 419.
35. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 264.
36. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 268.
37. Красное Знамя. 1973. 25 окт.
38. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 317.
39. Красное знамя. 1947. 16 июля.
40. Красное знамя. 1957. 5 фев.
41. Литвинов В. Матч дружбы // Красное знамя. 1958. 6 марта.
42. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 12.
43. ГАТО. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 25.

Sarycheva Tatiana V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

THE ORGANIZATION OF EXTRACURRICULAR PHYSICAL CULTURAL AND SPORT MASS WORK IN HIGHER INSTITUTIONAL ESTABLISHMENTS (HIE) IN WESTERN SIBERIA (HIE OF TOMSK, 1945–1991).

Keywords: universities; higher institutional establishments; extracurricular sport work; students sport.

Physical culture in the period under review was an important element of educational process in universities and was characterized by the variety of forms. The main forms of extracurricular work included sections and sport mass activities. Sections in Siberian universities in the postwar period functioned at the level of sports organizations they belonged to. The number of sections in the first postwar years was not great, and the same was true as to the number of participants. Some visible stability in the work of sections appeared only in the early 1960s. Besides the university sports sections, sports youth schools were functioning founded to improve the quality of physical

work among youth and to make the level of highly-qualified sportsmen more professional. Up to the mid-1950s the representatives of Siberian sports schools started to participate in the competitions at the state level. In 1957 the «Burevestnik» sports organization was founded and the training of highly-qualified sportsmen was transferred to it. With the foundation of sport-and-wellness camps in the 1950s the training of Siberian university sportsmen became an all-year-round activity. The material base of the camps was created mostly by the students and teachers of the universities sport departments. In 1962 a decree was issued on training 20–25% of the whole amount of university students to sports categories. It inspired the universities' sports departments and the «Burevestnik» sports organization to improve the work on training the sportsmen with categories. To make the level of qualified sportsmen higher priority kinds of sports were defined according to which children and youth groups were organized. The highly qualified coaches were involved in this process which resulted in the growth of constellations of high class sportsmen. At the universities many sports activities were held such as summer and winter all-around competitions, light athletic and ski crosses, competitions among the students living in the hostels. From the early 1960s diverse socialist competitions became widespread at Siberian universities. Thus, we can conclude that sports mass work in the system of higher education was a valuable and necessary addition to the process of sports education. The mass character of this process and the creative variety of its forms and methods influenced positively the growth of students in the physical culture movement.

REFERENCES

1. Revin A. Rastut kadry fizkul'turnikov [Athletes Staff Grow]. *Krasnoe znamya*, 1946, 27th February.
2. Documentation Centre of Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 608. List 3. File 39. (In Russian).
3. Kukushkin G.I. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po fizicheskoy kul'ture i sportu* [The Encyclopedic Dictionary of Physical Culture and Sport]. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 1961. Vol. 1, 368 p.
4. Documentation Centre of Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1221. List 1. File 162. (In Russian).
5. Documentation Centre of Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1221. List 1. File 249. (In Russian).
6. Afanas'ev T. Uspekhi tomskikh bortsov [Advances of Tomsk fighters]. *Krasnoe znamya*, 1953, 15th May.
7. *Krasnoe znamya*, 1950, 31st December.
8. Petrov V. V oblastnoy sportivnoy shkole [In the regional sports school]. *Krasnoe znamya*, 1955, 20th July.
9. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 9. (In Russian).
10. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 32. (In Russian).
11. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 7. (In Russian).
12. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 41. (In Russian).
13. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 43. (In Russian).
14. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 57. (In Russian).
15. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 70. (In Russian).
16. Documentation Centre of Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 3471. (In Russian).
17. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 72. (In Russian).
18. Documentation Centre of Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 4296. (In Russian).
19. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 40. (In Russian).
20. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 110. (In Russian).
21. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 302. (In Russian).
22. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 303. (In Russian).
23. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 322. (In Russian).
24. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 361. (In Russian).
25. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 406. (In Russian).
26. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 413. (In Russian).
27. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 432. (In Russian).
28. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 304. (In Russian).
29. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 14. (In Russian).
30. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 15. (In Russian).
31. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 32. (In Russian).
32. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 63. (In Russian).
33. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 217. (In Russian).
34. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 419. (In Russian).
35. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 264. (In Russian).
36. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 268. (In Russian).
37. *Krasnoe Znamya*, 1973, 25th October.
38. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 317. (In Russian).
39. *Krasnoe Znamya*, 1947, 16th July.
40. *Krasnoe znamya*, 1957, 5th February.
41. Litvinov V. Match druzhby [The Match of friendship]. *Krasnoe znamya*, 1958, 6th March.
42. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 12. (In Russian).
43. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 1611. List 1. File 25. (In Russian).

ЗАРОЖДЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА НЕМЕЦКИХ И СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ. СОЗДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ГДР (1949–1961 гг.)

Рассматриваются зарождение сотрудничества немецких и советских историков, создание, деятельность и итоги работы Комиссии историков СССР и ГДР на протяжении 1949–1954 гг. Проводится анализ состояния исторической науки ГДР в послевоенные годы. Подчеркнута роль советских историков в становлении марксистской исторической науки ГДР. Отмечены основные направления в деятельности Комиссии историков СССР и ГДР. Статья написана на основании материалов Архива Российской академии наук, использовались данные фондов А.С. Ерусалимского Отделения истории РАН, Главного управления внешних связей Академии наук СССР и личных встреч с историками – членами Комиссии историков СССР и ГДР – Я.С. Драбкиным и М.Н. Машкиным.

Ключевые слова: Комиссия историков СССР и ГДР; Социалистическая единая партия Германии; КПСС.

После объединения Германии в 1990 г. активизировалось сотрудничество немецких и российских историков. Оно возродилось на основе актуальных вопросов научных исследований в области истории Германии и немецко-русских отношений. В 1997 г. была создана Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений, результатом которой стало проведение в 1990-х гг. ряда международных конференций по проблемам тоталитаризма XX в. и Второй мировой войны. В начале XXI в. совместная работа российских и германских историков приобрела более системный характер. В 2013 г. вышел первый том «Альманаха германской истории», который продолжил традиции «Ежегодника германской истории» – совместного издания историков СССР и ГДР. Как следствие возник интерес к зарождению сотрудничества историков СССР и Германии после войны, главным элементом которого стали создание и деятельность Комиссии историков СССР и ГДР (далее – Комиссия). Целью настоящей статьи является анализ становления сотрудничества историков СССР и ГДР, рассмотрение направления, в котором советские политические деятели, публицисты и историки создавали марксистскую историческую науку ГДР. Хронологические рамки статьи охватывают первый период сотрудничества историков – с 1949 по 1961 г.

Послевоенная оккупация Восточной Германии советскими войсками в 1945–1949 гг. привела к образованию на этой территории политически и идеологически зависимого от Советского Союза немецкого государства – Германской Демократической Республики. Власти СССР обеспечили в лице просоветской коммунистической Единой социалистической партии Германии (СЕПГ) монопольное положение во всех областях экономической и политической жизни Восточной Германии. Конституция ГДР 1949 г. закрепляла сложившееся положение.

Руководство СЕПГ, прошедшее во время войны и эмиграции идеологическую подготовку в Советском Союзе, а также руководители ВКП(б)/КПСС понимали, что монопольное положение СЕПГ не может опираться

только на военную и политическую силу СССР. За короткое время в сознании немцев необходимо было не только удалить остатки влияния нацистской идеологии, но и различными путями, используя пропаганду и нажим, убедить население в необходимости преобразований общества по советскому образцу. Эта задача возлагалась на идеологический отдел СЕПГ, первоочередной задачей которого становилась подготовка кадров для пропаганды и идеологической работы с населением. Не последнюю роль в этой области играла подготовка историков – марксистов, которые должны были стать проводниками коммунистического мировоззрения и классового сознания в научном и образовательном процессе. Особенно это касалось необходимости классовой оценки Новейшей истории, и прежде всего – исторических предпосылок прихода нацистов к власти в Германии и развязывания нацистским режимом Второй мировой войны.

В послевоенные годы историческая наука Германии переживала глубокий организационный и идейно-политический кризис. Буржуазно-либеральные ученые и коммунистические авторы в основном находились в эмиграции. Тон в историографии задавали антикоммунистически настроенные консерваторы. Марксистская историческая литература на немецком языке отсутствовала [1]. Трудно проходило «перевоспитание» буржуазной профессуры. В ГДР остались немногие, например достаточно плодотворно работали профессора Берлинского университета им. Гумбольдта Альфред Мейзель, еще в эмиграции порвавший с буржуазной идеологией и вставший на позиции марксизма-ленинизма, и Эдуард Винтер. Большая часть профессуры была вынуждена покинуть свои академические должности и переместиться или в образованный в Западном Берлине Свободный немецкий университет, или уехать в ФРГ.

Несмотря на вытеснение из исторической науки и преподавания «буржуазных» авторов, немногочисленным публицистам и историкам – марксистам ГДР – было трудно одним справиться с задачами, поставленными партией. Представители старшего поколения

провели долгие годы в фашистских концлагерях (В. Бартель и др.) или антифашистской эмиграции (Л. Штерн, Ю. Кучинский, А. Шрейнер, Э. Гофман и др.). Поколение среднего возраста в исторической науке ГДР до определенного периода не было представлено [1]. Опираясь на старые кадры и идеологическую помощь ВКП(б)/КПСС, Социалистическая единая партия Германии стала проводить большую работу по подготовке молодых историков-марксистов, некоторые из которых были отправлены на учебу в аспирантуру высших учебных заведений СССР (А. Андерле и др.). Одновременно в высшей школе вводились курсы общественных дисциплин (сначала добровольно, потом обязательно) по марксистско-ленинской философии, немецкому и международному рабочему и революционному движению, истории советского государства и т.п. [2. С. 16].

В 1949 г. было восстановлено 18 высших учебных заведений, возобновила работу в Берлине Немецкая Академия наук (Академия наук ГДР). В этих условиях начало развиваться сотрудничество между научными институтами при ЦК КПСС и ЦК СЕПГ, научно-исследовательскими учреждениями Академии наук СССР и ГДР, университетами. Оно основывалось на мировоззренческом единстве двух стран и солидарности признания марксистско-ленинской концепции как теоретического фундамента исторической науки. Немецким историкам (прошлым и будущим) стали доступны издания на немецком языке классиков марксизма-ленинизма, статьи советских ученых по немецкой проблематике, книги по всеобщей истории и истории СССР. Исследования по ключевым направлениям развития исторической науки нужно было вести быстрыми темпами, что требовало наращивания научного и кадрового потенциала историков и более тесной связи исторической науки с идеологической политикой КПСС и СЕПГ. В ГДР началась интенсивная подготовка кадрового состава историков. Значительное число будущих историков ГДР получила возможность учиться, стажироваться в вузах СССР и Институтах истории Академии наук СССР, защищать там диссертации, а также публиковаться в советских изданиях.

Определяющую роль для исторической науки ГДР сыграло постановление ЦК СЕПГ «Об улучшении исследования и изучения исторической науки в Германской Демократической Республике», принятое в 1955 г. [3. С. 507–527]. Оно свидетельствовало о дальнейшем подчинении исторической науки политическим задачам социалистического строительства в ГДР, об отходе от принципов объективности и научности исторических исследований и замене их принципами партийности, общей советизации науки. Постановление требовало более основательной разработки общих закономерностей исторического развития в духе марксизма-ленинизма, большего внимания к исследованию революционных традиций рабочего движения, разоблачения «враждебного народу» характера германского империализма.

От историков требовалось больше изучать развитие интернациональных связей немецкого пролетариата с русским и советским рабочим движением, в особенности с КПСС, и действовать в духе «тесной дружбы между немецким народом и народами Советского Союза» [4. С. 312]. Постановление не могло пройти мимо факта возрождения «буржуазной» историографии в соседней ФРГ, с которой историки-марксисты должны были начать непримиримую полемику в духе разоблачения «фальсификаций возродившейся реакционной немецкой историографии». Чтобы эффективнее справиться с этими задачами, в постановлении указывалось о необходимости «установления тесных связей с исторической наукой Советского Союза и стран народной демократии» [Там же]. Руководящим органом историографии ГДР стал издаваемый с 1953 г. ежемесячный журнал «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», главным редактором которого был доктор Д. Фрике.

Исследовательская работа в области новой и новейшей истории велась в ряде университетов ГДР (Берлин, Галле, Лейпциг, Росток и др.). Большое внимание вопросам новой и новейшей истории уделялось в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, Академии государства и права в Бабельсберге, Германском Институте экономики. Специалистами по изучению истории немецкого рабочего движения стали: К. Оберман, Л. Штерн, А. Шрейнер, В. Бартель, Д. Фрике, Г. Кольбе, С. Дёрнберг, В. Нимц и др. На тот момент в изучении истории рабочего движения были достигнуты определенные успехи: Л. Штерн издал несколько томов документов по истории немецкого рабочего движения в период русской революции 1905–1907 гг., а также монографии о влиянии Великой октябрьской революции на Германию в 1917–1918 гг. В это же время в ГДР стал издаваться специальный журнал по истории рабочего движения «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Определенные успехи были достигнуты в изучении истории антифашистского движения в Германии: В. Бартель, Г. Шуман и др. Некоторое место в историографии ГДР занимали и разработки истории советско-германских отношений: Г. Розенфельд, А. Норден, Ф. Клейн, А. Андерле. Произошел сдвиг и в изучении русско-немецких научных и культурных связей XVIII–XIX в.: проф. Э. Винтер, проф. Г. Мюльпфордт, И. Гофман, И. Видер [5. Л. 2–3].

Особое место заняла критика западногерманской историографии. Л. Штерн, Э. Энгельберг, К. Оберманн и другие восточногерманские ученые большое внимание уделяли процессу развития историографии ФРГ, характеристике ее течений, разоблачали мифы и легенды о Гитлере. (Более подробно см.: Галактионов Ю.В., Корнева Л.Н., Черкасов Н.С. Марксистская историография германского фашизма. Кемерово, 1988. С. 50–74; Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–1990-е годы). Кемерово, 1998. С. 59–79.)

Марксистские историки ГДР и СССР считали, что для правильной, классовой оценки новейшей истории Германии необходима более глубокая и всесторонняя разработка истории германского империализма и милитаризма. Для усиления этого направления в исследованиях немецких авторов был приглашен профессор А.С. Ерусалимский – видный советский специалист по названной проблематике. Вместе со своими немецкими ассистентами (Кляйн, Шелленберг, Рихтер, Эттельт) Ерусалимский в течение года работал в архивах и проводил семинары, в которых участвовали молодые ученые со всей ГДР [5. Л. 4].

Поначалу отстающим участком было изучение истории Второй мировой войны. С целью устранения этого недостатка был создан Военно-исторический институт (руководитель – полковник Вольф Штерн), где работали бывшие видные гитлеровские генералы: А. Боймлер, Д. Мюллер, ставшие к тому времени активными борцами против германского милитаризма. Кроме того, при институте ГАН был создан специальный отдел по изучению истории Второй мировой войны, руководителем которого стал профессор Лео Штерн [6. Л. 393].

Большое значение в налаживании сотрудничества ученых-историков СССР и ГДР сыграли советские историки, чей путь был связан с развитием и укреплением отечественной науки, кто активно передавал свой научный опыт и знания ученым ГДР. Среди этих деятелей науки особое место принадлежит вышеупомянутому профессору, ученому, историку-германисту А.С. Ерусалимскому. Именно Аркадий Самсонович стал инициатором сближения между историками ГДР и СССР, идея которого возникла во второй половине 1950-х гг.

А.С. Ерусалимский был блестящим публицистом, в довоенные годы разоблачавший агрессивные замыслы германского фашизма против различных стран Европы, а в годы Великой Отечественной войны заведовал иностранным отделом армейской газеты «Красная Звезда», на страницах которой давал оперативный отпор внешнеполитическим маневрам германского фашизма, направленным на раскол антигитлеровской коалиции. Наградой для советского историка и публициста стало его присутствие на историческом акте подписания Германией безоговорочной капитуляции, признания фашистскими главарями своего тотального поражения, во что свою лепту внес и этот советский ученый-антифашист [7. С. 152].

Работая над книгой о внешней политике и дипломатии Германии конца XIX в., Ерусалимский на длительное время выезжал в ГДР для работы в архивах. Одновременно советский ученый оказал действенную помощь в подготовке кадров историков [2. С. 44, 45].

На семинарах, докладах, а также в личных беседах он передавал огромные знания и накопленный опыт в области исторической науки. «Durch positive Provokationen zwang er zur Auseinandersetzung, zur Analyse der Quellen, zur Verarbeitung der positiven Erkenntnisse der bürgerlichen

Forschung und zu kritischer Analyse...» («Он побуждал нас к полемике, к анализу источников, к переработке результатов буржуазных исследований и их критическому изучению»), – вспоминал Манфред Коссок о семинаре, который проводил А.С. Ерусалимский в ГДР [8. С. 110]. В то же время, стремившись продолжить и расширить научный диалог с учеными ГДР, А.С. Ерусалимский поставил на обсуждение результаты собственных многолетних изысканий [9. С. 92].

За год, проведенный в ГДР, А.С. Ерусалимский обстоятельно познакомился с ситуацией в деле изучения истории Германии, с имеющимися возможностями в этом направлении. Он пришел к выводу, что для достижения успеха необходимы активизация работы в данной области и объединение усилий ГДР и СССР в этом направлении [4. С. 153]. В своем дневнике «О поездке в Берлин в 1955 г.» Ерусалимский отмечал следующие недочеты в исторической науке ГДР:

1. «Кадры историков явно недостаточны, как в количественном, так и в качественном отношении. Имеется небольшая прослойка кадров старшего поколения (Мейзель, Штерн, Кучинский, Шрейнер и др.). Под их руководством работают группы молодых ассистентов. Группа историков среднего поколения крайне невелика. Проблема отношений с беспартийными учеными еще полностью не разрешена» [6. Л. 393].

2. Догматизм и опасность упрощенчества еще не изжиты. «Наряду с этим возникает новая опасность, изучение истории Германии имеет тенденцию превратиться в изучение отдельных районов Германии и в отрыве от вопросов всеобщей истории. Проблемы внешней политики почти не изучались» [Там же].

3. В соответствии с задачами построения социалистического общества в ГДР Ерусалимский считал, что в условиях раскола Германии и активной деятельности реакционной историографии Западной Германии «разработка проблем современной историографии приобретает для ГДР особое значение. Между тем эта проблема разрабатывается далеко не в достаточной степени и не на том уровне, который позволил бы перейти в контрнаступление против западногерманской реакционной историографии, в ГДР, среди историков намечется тенденция отхода от наиболее актуальной тематики и некоторая потеря актуального духа» [6. Л. 394].

4. Ерусалимский отмечал также, что Институт современной истории собирает огромный материал, но «самостоятельной творческой разработки актуальных вопросов новейшей истории он вести не в состоянии ввиду отсутствия необходимых кадров» [Там же].

В этих условиях, по мнению Аркадия Самсоновича, создание Института истории АН ГДР является настоятельной необходимостью. Задача Института должна заключаться, по его мнению, в том, чтобы разрабатывать актуальные проблемы новой и новейшей истории в неотрывной связи со всеобщей историей [Там же].

В следующем, 1956 г. Институт истории был создан в системе АН ГДР и стал ведущим центром по разработке новой и новейшей истории на основе марксистско-ленинской концепции истории.

Во время поездки Ерусалимский установил контакты с немецкими учеными – президентом ГАН Фридрихом, вице-президентом Штейницем, академиками Мейзелем, Штерном, Кучинским, профессорами Шрейнером, Энгельбергом, Оберманом, Клейном и др. Беседовал с ведущими политическими общественными деятелями – Ульбрихтом, Норденом, Хагером, Больцем и др. о необходимости создания совместной группы ученых по изучению германской истории. Особенные отношения завязались у Аркадия Самсоновича Ерусалимского с Лео Штерном, который стал инициатором создания немецкой секции Комиссии.

Лео Штерн – ученый-антифашист, австриец по происхождению, учился в Венском университете, но после антифашистского выступления в Вене в 1934 г. был вынужден эмигрировать и поселился в СССР. В годы Великой Отечественной войны участвовал в боях в качестве офицера Красной Армии. После окончания войны обосновался в Восточной Германии и продолжил научную карьеру. Позднее он стал ректором университета г. Галле [7. С. 153]. Круг Штерна как исследователя был широк, он охватывал всю историю Германии от раннего Средневековья до Новейшего времени.

Ерусалимский в своем дневнике отметил, что в октябре 1955 г. он встречался с руководителями СЕПГ и ГДР Вальтером Ульбрихтом и Отто Гротеволем, и во время этой встречи возник вопрос о создании какого-либо органа (комиссии) для того, чтобы помочь немецким ученым перейти на марксистский путь трактовки истории. Во время беседы была сформулирована идея о новых организационных основах сотрудничества историков СССР и ГДР [9. С. 92].

Ерусалимский, проанализировав положение дел в исторической науке ГДР, делает в дневнике общее заключение: «Историческая наука в ГДР в настоящее время вступает в важный и ответственный этап своего развития. ЦК СЕПГ уделяет вопросам исторической науки большое внимание. Историки ГДР нуждаются в тесном сотрудничестве с учеными СССР, с которыми им до сих пор не удалось установить творческого контакта по разработкам актуальных вопросов исторической науки. Советские историки, работающие в университетах ГДР, занимаются преимущественно педагогической деятельностью, не имеют контактов с научными учреждениями ГДР. К тому же некоторые из них плохо знают немецкий язык и не пользуются научным авторитетом среди немецких ученых. Имеются веские основания предполагать, что в ближайшем будущем – в особенности в связи с созданием Института истории ГАН, со стороны ученых будет в официальном порядке поставлен вопрос об установлении научного сотрудничества между историками СССР и ГДР» [6. Л. 397].

Вернувшись из ГДР, А.С. Ерусалимский написал письмо в Отдел науки ЦК КПСС «По вопросу создания Комиссии историков СССР и ГДР». В нем Аркадий Самсонович сообщал, что вопрос о создании Комиссии Вальтер Ульбрихт, Курт Хагер, а также ряд ведущих немецких историков ставили в беседах с ним [10. Л. 2]. Он предлагал пригласить в Москву для переговоров на этот счет В. Ульбрихта, д-ра Ф. Кляйна – главного редактора «Исторического журнала», а также ряд историков ГДР. Ерусалимский сообщал, что наиболее подходящим для приезда немецких ученых является январь 1957 г. [10. Л. 5].

Ерусалимский сообщил в письме Л. Штерну от 29 сентября 1956 г.: «Академия наук СССР приглашает группу историков ГДР (6 человек) прибыть в Москву в январе 1957 г. для переговоров о совместной работе». [11. Л. 7].

Согласно решению Секретариата ЦК КПСС от 17 сентября 1956 г. при Отделении исторических наук Академии наук СССР была создана Комиссия историков СССР и ГДР (советская секция) [12. Л. 1]. Перед Комиссией была поставлена задача разработки наиболее актуальных исторических проблем, интересующих ученых обеих стран. Работа Комиссии должна была способствовать «консолидации сил молодой марксистско-ленинской исторической науки ГДР и укреплению ее идеологического фронта» [13. Л. 70].

Таким образом, Комиссия историков (советская секция) была создана усилиями А.С. Ерусалимского. Е. Дружинина в воспоминаниях о нем от 9 декабря 1972 г. отмечает: «А.С. Ерусалимский был главным, необычайно энергичным деятелем. Совершенно естественно, что его научные интересы, а именно новая и новейшая история Германии, стали определяющими в тематике ее сессий и публикаций» [14. Л. 5].

В дневнике «О поездке в Берлин в 1955 г.» Ерусалимский предложил: «Ввиду большого значения германского вопроса в настоящее время создать в Институте истории АН СССР Сектор или Группу по разработке новой и новейшей истории Германии. Этот Сектор или Группа должна собрать вокруг себя в виде актива историков, работающих также и во вне академических учреждений; установить сотрудничество между советскими и немецкими учеными на основе выполнения в установленные сроки определенных конкретных изданий; направлять в ГДР ученых, хорошо знающих немецкий язык, аспирантов, пригласить в СССР немецких ученых и аспирантов и т.д.» [6. Л. 397].

Группа по изучению истории Германии была создана в феврале 1956 г. при Институте истории АН СССР и стала некой основой для сотрудничества германистов. Она объединила более 70 человек, в число которых вошли не только историки, но и философы, и экономисты, литературоведы, журналисты, работающие в академических институтах, а также в других научных учреждениях. К работе в группе привлечены как научные сотрудники Института, являющиеся специалистами

ми по истории Германии, так и германисты, работающие вне института. Кроме того, руководство группы и некоторые ее участники (например, М.И. Смирин, Б.А. Айзин и др.) находились в тесном научном контакте с историками ГДР. Группой издавались работы историков, составлялся учебник по истории Германии. Эта группа работала, проводила конференции, выступала с докладами, подготавливались издания. Если приезжали историки из ГДР, группа организовывала доклады. Этой группой ученых было подготовлено двухтомное издание по истории Германии. Позднее она работала в тесном сотрудничестве с Комиссией историков СССР и ГДР. Ее члены принимали активное участие в сессиях Комиссии [1]. Можно считать, что группа являлась базой для развития научного сотрудничества с историками ГДР.

Таким образом, к 1957 г. в СССР и ГДР созрели существенные предпосылки двухстороннего сотрудничества историков, первые контакты которых способствовали образованию Комиссии историков СССР и ГДР. Необходимость создания Комиссии определялась рядом причин: среди научных проблем, стоящих перед историками СССР и ГДР, существовали такие, которые могли быть глубоко и всесторонне исследованы только лишь совместными усилиями. Например, вопросы немецко-русских отношений, общности революционного рабочего движения обеих стран, истории культурных и научных связей между Германией и Россией. Важное значение имела также необходимость жесткой критики со стороны историков СССР и ГДР исследовательских концепций развивающейся «буржуазной» западногерманской историографии.

Первая встреча делегаций историков СССР и ГДР состоялась с 28 января по 5 февраля 1957 г. в Москве. В состав делегации историков ГДР, руководителем которой был проф. Л. Штерн, входили профессор Ю. Кучинский, К. Оберман, А. Шрейнер, Г. Мюльпфордт и доцент С. Дернберг. В состав советской делегации вошли член-кор. АН СССР П.А. Губер (руководитель делегации), проф. А.С. Ерусалимский, акад. В.П. Волгин, член-кор. АН СССР В.М. Хвостов, профессор М.М. Смирин, А.А. Новосельский, Б.Б. Кафенгауз, Е.А. Степанова, И.С. Галкин, кандидаты исторических наук Г.А. Белов, В.Г. Вебер, М.И. Михайлов [15. С. 193, 194].

5 февраля 1957 г. Л. Штерн (ГДР) и А.А. Губер (СССР) подписали «Заключительный протокол о переговорах между делегациями историков Германской Демократической Республики и Союза Советских Социалистических республик».

Делегации пришли к единодушному мнению, что «для дальнейшей успешной разработки исторических проблем с позиций марксизма-ленинизма и для усиления совместной борьбы против идеологии империализма, и, в частности, реакционных концепций буржуазной историографии, необходимо установить, возможно, более тесный контакт между немецкими и со-

ветскими историками. С этой целью Делегации договорились о создании Комиссии историков СССР и ГДР, определили задачи этой Комиссии, ее структуру и функции» [16. Л. 3].

В протоколе четко обозначалось, что создание Комиссии служит совместному изучению истории Германии и СССР, истории экономических, политических и культурных связей между обеими странами на протяжении всего их прошлого, а также других проблем, представляющих взаимный интерес [Там же].

Отмечалось, что Комиссия будет привлекать историков других стран для участия в научных заседаниях, проводимых в своей стране, конгрессах и конференциях, организовывать совместные научные конференции по вопросам, представляющим взаимный интерес. В протоколе сообщалось, что для координации научной работы историков СССР и ГДР Комиссия должна вносить предложения по актуальным темам, давать рекомендации для перевода работ на другой язык, а также содействовать установлению контактов между научными учреждениями и учеными обеих стран [17. С. 28].

В «Заключительном протоколе переговоров между делегациями историков ГДР и СССР об учреждении Комиссии историков СССР и ГДР» четко определены основные задачи, структура и функции Комиссии.

Задачи Комиссии определялись в следующих направлениях:

1. В целях взаимного ознакомления с работой в области исторической науки Комиссия: способствовала более полному обмену исторической литературой, авторефератами диссертаций и текстами диссертаций, защищенных в СССР и ГДР по истории Германии и СССР; содействовала обмену архивными материалами [16. Л. 3–4].

2. В целях координации научной работы Комиссия: организовала обмен планами научной работы по интересующим обе стороны вопросам; вносила рекомендации о наиболее важных и актуальных темах; рекомендовала для перевода научную литературу; координировала научные командировки историков СССР и ГДР и оказывала им содействие [16. Л. 4].

3. В целях развития совместной исследовательской работы Комиссия: приступала к выпуску советско-немецкого исторического ежегодника; способствовала помещению в журналах СССР и ГДР статей, рецензий и других материалов историков; привлекала к участию в научных сессиях, съездах, конференциях историков одной страны ученых другой страны и созывала специальные научные конференции по интересующим обе страны проблемам; содействовала публикации архивных и других источников; организовывала сотрудничество историков СССР и ГДР в деле борьбы против «реакционной» историографии [16. Л. 5].

В партийно-правительственном плане советско-германская Комиссия историков рассматривалась и была упомянута как модель, которая может послужить

основой для проведения сотрудничества во всех остальных областях науки [18. Л. 14].

Структура и функции Комиссии формировались следующим образом:

1. Комиссия состоит из советской и немецкой секций. Каждая секция состоит из председателя секции, секретаря секции и 6 членов. Комиссия могла привлекать к участию в работе не состоящих в ее составе ученых.

2. Сессии Комиссии происходят попеременно в СССР и ГДР.

3. В период между сессиями текущие дела Комиссии ведут председатели и секретари обеих секций.

4. Все документы Комиссии составляются на русском и немецком языках. Решения подписываются председателями секций.

5. При урегулировании финансовых вопросов, связанных с работой Комиссии, обе стороны будут придерживаться принципа взаимности [16. Л. 6–7].

Состав советской секции Комиссии утверждался решениями Президиума АН СССР. С немецкой стороны поступило предложение, что руководителем немецкой секции Комиссии должен быть профессор университета в Галле и член Академии наук ГДР Лео Штерн, а советской – А.С. Ерусалимский. Все участники Комиссии историки СССР и ГДР прекрасно понимали, что А.С. Ерусалимский – не только первый председатель, но и «отец» Комиссии историков СССР и ГДР [11. Л. 10].

Связи между советскими и немецкими историками осуществлялись через Комиссию в следующих основных формах:

1. Проведение совместных научных сессий и конференций, посвященных отдельным проблемам истории. На конференциях принимали участие не только историки СССР и ГДР, но и историки других социалистических стран.

2. Обмен поездками отдельных ученых обеих стран в целях заслушивания научных докладов и сообщений, проведения научных заседаний, выступлений с публичными лекциями и т.д.

3. Содействие публикации работ советских историков в научных изданиях ГДР, а немецких историков – в СССР.

4. Взаимные командировки историков обеих стран для научной работы в институтах и архивах.

5. Заочные письменные консультации и обмен научной информацией [19. Л. 46–47].

Деятельность Комиссии не ограничивалась только историческими исследованиями. Предусматривалось, что в ее работе будут принимать участие преподаватели высших партийных и учебных заведений, агитаторы, пропагандисты, учителя, студенты и аспиранты. Сами члены Комиссии выступали с докладами перед массовой аудиторией на заводах, фабриках, в партшколах, университетах [20. С. 215]. Это говорило о том, что историография должна была напрямую влиять на

формирование общественного и исторического сознания народа ГДР в марксистском и просоветском духе.

При образовании Комиссии был выделен ряд наиболее актуальных исследовательских задач, которые предстояло выполнить на протяжении первых пяти лет историкам СССР и ГДР:

1. Исследование вопросов Второй мировой войны.

2. Изучение сущности и происхождения фашизма и антифашизма.

3. Вопросы русско-германских и советско-германских отношений.

4. Исследование проблем Великой Октябрьской социалистической революции.

5. Исследование вопросов Ноябрьской революции в Германии.

Вопрос о месте и теме очередной сессии рассматривался на одном из ближайших заседаний Комиссии.

За первые 5 лет деятельности Комиссии состоялись следующие научные сессии и конференции:

1. Сессия в Лейпциге (с 25 по 30 ноября 1957 г.) была посвящена двум проблемам: «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию» и «Основные направления буржуазной историографии Второй мировой войны». В сессии приняли участие 450 историков.

2. Сессия в Москве (с 14 по 20 ноября 1958 г.) была посвящена 40-й годовщине Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

3. Научная конференция в Берлине (с 14 по 19 декабря 1959 г.) была посвящена проблеме «Германский империализм и Вторая мировая война». Необходимо отметить, что в ней приняли участие около 600 историков, экономистов, философов и юристов из 21 страны.

4. Сессия в Москве (с 1 по 8 декабря 1960 г.) была посвящена 140-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

5. Сессия в Берлине (июнь 1961 г.) на тему «Агрессия германского фашизма против СССР».

С научными докладами и лекциями в ГДР выступали советские ученые: А.С. Ерусалимский, В.М. Хвостов, П.А. Жилин, М.М. Смирин, Г.Н. Горошкова, Я.С. Драбкин, Е.И. Дружинина, А.Л. Нарочницкий и др. Ученые выступали на заседаниях Комиссии, в институтах, студенческих аудиториях. В СССР – Л. Штерн, К. Оберманн, С. Дернберг, В. Бартель, А. Шрейнер и др.

После первых конференций Комиссии стало ясно, что советская германистика благодаря сотрудничеству с историками ГДР вышла на новый уровень. И по мере того, как сотрудничество продолжалось, германистика СССР очень много выигрывала по сравнению с тем, чего она добилась в прежние времена. Уровень, которого достигло изучение истории Германии в конце 1950-х и последующие годы, был весьма высок. Этому способствовали и конференции Комиссии. Комиссия дала толчок дальнейшим разработкам ряда научных проблем. В приветствии от имени ЦК СЕПГ 24 ноября 1959 г. Вальтер Ульбрихт отмечал, что сотрудничество стало более тесным и организованным [21. Л. 92].

Анализ состава конференций, сообщений и выступлений свидетельствует о росте научных кадров молодых историков – марксистов ГДР. Так, наряду со старыми кадрами СЕПГ (В. Бартель, Л. Штерн, А. Шрейнер и др.) в конференции принимали участие историки нового поколения (А. Андрле и др.). Необходимо также отметить, что наряду с учеными из стран «народной демократии» в конференциях принимали участие и ученые из капиталистических стран (Э. Раджионери, Ф. Ферри, Иессис и др.).

Работа Комиссии способствовала консолидации сил марксистско-ленинской науки в ГДР и укреплению ее «идеологического фронта». Партийная печать ГДР отмечала, что сессия Комиссии в Лейпциге явилась поворотным пунктом в развитии исторической науки ГДР. Публикации трудов Комиссии и участие в ее сессиях ученых не только социалистических стран, но и ряда капиталистических способствовали пропаганде достижений советской исторической науки и формирующейся исторической науки ГДР [12. Л. 1].

Итогом сессий и конференций явились совместные публикации советских и немецких авторов, которые издавались на русском и немецком языках. К первым публикациям относились издания: 1. Проблемы истории Второй мировой войны. Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 года. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. 437 с. 2. Октябрьская революция и Германия. Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 года. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 555 с. 3. Германский империализм и Вторая мировая война. Материалы научной конференции Комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14–19 декабря 1959 г.). М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. 551 с.

В журналах СССР и ГДР публиковались статьи ученых обеих стран. В исторических журналах ГДР печаталось большое количество рецензий и аннотаций на работы советских авторов. В советских журналах таких рецензий было значительно меньше. За эти годы Издательством иностранной литературы по рекомендациям Комиссии осуществлялись переводы ряда книг: Л. Штерн «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию» (М., 1961), В. Бартель «Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны» (М., 1959). В ГДР были переведены книги советских историков А.С. Ерусалимского, И.М. Майского, В.Г. Труханова, Г.Н. Голикова, Г.Н. Горошковой и др. При этом в ГДР советской литературы издавалось и переводилось больше, чем в СССР. Что касается работ немецких авторов, то, безусловно, речь шла только о переводах маститых авторов-марксистов, бывших, по большей части, публицистическими.

По правительственной линии через архивные управления обеих стран осуществлялся обмен архивными материалами и микрофильмами документов [22. Л. 44].

В работе Комиссии были и серьезные трудности. Здесь необходимо прежде всего остановиться на письме

Аркадия Самсоновича Ерусалимского к секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову (1961 г.) «Об итогах деятельности Комиссии историков СССР и ГДР за пять лет», в котором он отмечал, что в ГДР «руководство СЕПГ придавало и придает большое значение работе Комиссии и положительно оцениваются результаты этой работы». Что касается СССР, то, «к сожалению, Сектор общественных наук Отдела науки ЦК КПСС не уделял должного внимания деятельности Комиссии» [12. Л. 2]. В секторе за 5 лет только один раз проходили беседы по делам Комиссии, сектор ни разу не заслушивал отчетов о работе Комиссии. А.С. Ерусалимский констатировал, что такое же отношение было и со стороны руководства Отделения исторических наук АН СССР. В Отделении даже ставился вопрос о прекращении деятельности Комиссии [Там же]. Советской секцией создавались различные препятствия в работе Комиссии, что вызывало недоумение немецкой стороны. Так, в июне 1961 г. на сессию Комиссии в Берлине из 10 членов советской части Комиссии в состав делегации были включены только двое (Болтин и Горошкова) [Там же]. Можно говорить о кризисе в деятельности Комиссии, действительную причину которого трудно установить.

В марте 1961 г. немецкая сторона прибыла в СССР с целью выяснения вопроса о том, готова ли советская сторона продолжать и расширять сотрудничество. Немецкая делегация была принята историком Д.М. Кукиным, который находился на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС. Он заверил, что деятельность Комиссии будет продолжена [Там же].

Работа Комиссии в СССР явно недооценивалась. Положение Ерусалимского, как председателя советской секции, было крайне затруднительным. В ГДР, наоборот, деятельность Аркадия Самсоновича оценивалась высоко: его труд по истории внешней политики германского империализма и ряд других работ были переведены на немецкий язык. В 1961 г. он был избран членом-корреспондентом ГАН. Правление Общества немецко-советской дружбы наградило его Золотой медалью. В. Ульбрихт в своем письме от 18 января 1961 г. особо отметил деятельность А.С. Ерусалимского как председателя Комиссии [12. Л. 4].

К сожалению, по личным и общественным причинам А.С. Ерусалимский был вынужден оставить пост председателя Комиссии историков СССР и ГДР.

В целом, с работой А.С. Ерусалимского как председателя советской секции Комиссии историков СССР и ГДР связаны первые пять лет деятельности Комиссии; когда он заболел, в Комиссии наступил кризис и период застоя.

Все сессии Комиссии историков СССР и ГДР были очень интересны и своеобразны, Комиссия была полезна с точки зрения контактов, личных связей и обсуждения общих проблем. Но ее главная работа заключалась в конкретных исследованиях. Когда открылись архивы, это приобрело совершенно новый характер. Вся работа оправдывала себя [23]. Многие

доклады и выступления были построены на новых архивных материалах и содержали оригинальные выводы и обобщения. Дискуссии были достаточно горячими. В то же время, по мнению Я.С. Драбкина и М.Н. Машкина, в Комиссии имел место формализм. Несмотря на это, отношения в Комиссии, по словам Драбкина и Машкина, были очень дружественными и братскими [1, 23].

Основными итогами послевоенного сотрудничества советских и германских публицистов и историков стало утверждение в историографии ГДР марксистской концепции истории. Во многом оно было принудительным ввиду монопольного положения в стране коммунистической СЕПГ и осуществлялось под контролем немецких и советских идеологических органов.

За время работы Комиссии в течение первых пяти лет советскими и немецкими историками постепенно вырабатывалась единая точка зрения на важные исторические события, историю и историческую науку в целом. В ходе своей работы Комиссия историков СССР и ГДР учитывала партийно-идеологические установки в оценке событий в Германии и СССР. Уже на начальном этапе сотрудничества определились главные темы совместных исторических исследований, построенные на классовой основе: проблемы империализма и фашизма, рабочего и революционного движения, влияния на исторический процесс Октябрьской революции в России, советского опыта построения социализма. В этот период в ГДР был создан костяк молодых исследователей-марксистов, который со временем во многом определял векторы развития исторической науки в этой стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседа с членом Комиссии историков СССР и ГДР М.Н. Машкиным. Записала М.В. Расчесова 14 ноября 2012 г.
2. Аникеев А.А. Историография Восточной Германии: подъем и кризис. Ставрополь, 1992. С. 220.
3. *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. Berlin, 1955. H. 4. S. 507–527.
4. Бартель Х. Помощь советских ученых в становлении и развитии исторической науки в ГДР // Ежегодник германской истории. 1973. М.: Наука, 1974. С. 309–316.
5. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 457. Оп. 1. Д. 233. Л. 2–4.
6. АРАН. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 149. Л. 93, 393–400.
7. Гинцберг Л.И. Опыт взаимодействия историков СССР – ГДР в 50–80-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2005. № 2.
8. Stoecker E. A.S. Erussalimski: Deutsche Geschichte im Leben eines sowjetischen Historikers und Kommunisten. B., 1980. S. 110.
9. Штекер Э. У истоков сотрудничества историков ГДР и СССР // Ежегодник германской истории. 1976. М.: Наука, 1977. С. 89–109.
10. АРАН. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–5.
11. АРАН. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 294. Л. 7–10.
12. АРАН. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–4.
13. АРАН. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 277. Л. 70–77.
14. АРАН. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 564. Л. 5.
15. Соглашение о научном сотрудничестве между историками СССР и ГДР // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 157.
16. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 59. Л. 3–7.
17. Бартель Х. Сотрудничество историков ГДР и СССР в развитии марксистско-ленинской исторической науки в ГДР // Ежегодник германской истории. 1978. М.: Наука, 1979. С. 26–33.
18. АРАН. Ф. 579. Оп. 18. Д. 87. Л. 14.
19. АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 2. Л. 46–47.
20. Туполев Б.М. 25-летие Комиссии историков СССР и ГДР // Общественные науки. 1982. № 6.
21. АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 90. Л. 92.
22. АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 459. Л. 44.
23. Беседа с членом Комиссии историков СССР и ГДР Я.С. Драбкиным. Записала М.В. Расчесова 10 ноября 2012 г.

Raschesova Marina V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: m-04@yandex.ru

ORIGINS OF COOPERATION BETWEEN THE GERMAN AND SOVIET HISTORIANS. ESTABLISHMENT OF THE COMMISSION OF THE USSR AND GDR HISTORIANS (1949–1961).

Keywords: The Commission of historians of the USSR and the GDR; SUPG; CPSU.

After the German reunification in 1990 relations between Russian and German historians reached a new level and became more organized and productive. This is confirmed by the creation in 1997 of the Joint Commission to study the contemporary history of Russian-German relations whose work at the beginning of the XXI century became systemic. Because of this interest arose in the origins of cooperation between the historians of the USSR and Germany after the war, the main element of which during the Cold War was the establishment and activities of the Commission of the USSR and the GDR Historians. The purpose of this article is to analyze the formation of cooperation between the USSR and the GDR historians, to consider the direction in which the Soviet politicians, publicists and historians helped to create the historical science of the GDR under the sign of Marxism-Leninism. The chronological framework of this article covers the first period of cooperation between historians from 1949 to 1961. For a detailed analysis of the topic the author used materials from the Archive of the Russian Academy of Sciences and personal meetings with historians - members of the Commission of the USSR and GDR historians. This article opens up with the examination of the situation in the postwar historiography in the GDR and the description of the activities of the SED in the field of training young Marxist historians. In the second half of the 1950s the idea of rapprochement between the Soviet and East German historians was put forward. In this respect, first of all, the author pays attention to the activities of A.S. Erusalimsky who during his business trips to the GDR carefully analyzed the position of the historical science in the GDR, defined its weaknesses and later, in cooperation with the German journalist and historian L. Stern, initiated the establishment of the USSR and GDR Historians Commission. He submitted a request to the Department of Science of the CPSU Central Committee with the proposal to establish the Commission. The author argues that by 1957 in both the USSR and the GDR the essential prerequisites for bilateral cooperation between the historians had formed, the first contacts between whom contributed to the formation of the Commission. The need for its creation was explained with a number of reasons: among the scientific problems facing historians of

the USSR and the GDR there were such that could be thoroughly and comprehensively investigated only by joint efforts. On February 5, 1957 "The Final Protocol on the establishment of the Commission of the USSR and GDR Historians" was signed which clearly identified the main tasks, structure, functions, and basic forms of the Commission's activity. The author draws readers' attention to the difficulties in the work of the Commission and notes that the USSR and the GDR researchers focused on the following issues: the Second World War, fascism and anti-fascism, the Great October Socialist Revolution and the November Revolution in Germany, German-Russian and Soviet-German relations. In the conclusion of the article the author notes that the main result of the post-war cooperation between Soviet and German publicists and historians was the establishment of the Marxist conception of history in the GDR historiography. During the first five years of the Commission, the Soviet and German historians gradually developed a single point of view on important historical events, on the history and the science of history in general. During its work the Commission took into account the Communist Party's ideological orientation and its interpretation of the events in Germany and in the USSR. In political terms, the creation of the Commission increased the Sovietization of historical education and research in the GDR and strengthened the ideological basis of the SED regime.

REFERENCES

1. *Beseda s chlenom Komissii Istorikov SSSR i GDR M.N. Mashkinym* [Interview with a member of the Commission of Historians of the USSR and the GDR, M.N. Mashkin]. 14th November 2012 g.
2. Anikeev A.A. *Istoriografiya Vostochnoy Germanii: pod'em i krizis* [Historiography of East Germany: the rise and crisis]. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992, p. 220.
3. *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. Berlin, 1955. H. 4, pp. 507-527.
4. Bartel' Kh. *Pomoshch' sovetskikh uchenykh v stanovlenii i razviti istoricheskoy nauki v GDR* [Assistance of Soviet scientists in the development of historical science in the GDR]. In: *Ezhegodnik germanskoy istorii, 1973* [The Annual of German history. 1973]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 309-316.
5. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 457. List 1. File 233, pp. 2-4. (In Russian).
6. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1539. List 1. File 149, pp. 93, 393-400. (In Russian).
7. Gintsberg L.I. *Opyt vzaimodeystviya istorikov SSSR – GDR v 50–80-e gody XX veka* [Experience of the USSR and the GDR historians interaction in 50-80-s of the 20th century]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2005, no. 2.
8. Stoecker E. *A.S. Erussalimski: Deutsche Geschichte im Leben eines sowjetischen Historikers und Kommunisten*. Berlin, 1980, p. 110.
9. Shteker E. *U istokov sotrudnichestva istorikov GDR i SSSR* [At the root of the GDR and the USSR historians cooperation]. In: *Ezhegodnik germanskoy istorii. 1976* [The Annual of German history. 1976]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 89-109.
10. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1539. List 1. File 232, pp. 1-5. (In Russian).
11. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1539. List 1. File 294, pp. 7-10. (In Russian).
12. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1539. List 1. File 243, pp. 1-4. (In Russian).
13. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1539. List 1. File 277, pp. 70-77. (In Russian).
14. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1539. List 1. File 564, p. 5. (In Russian).
15. *Soglasenie o nauchnom sotrudnichestve mezhdru istorikami SSSR i GDR* [The agreement on scientific cooperation between historians of the USSR and the GDR]. *Voprosy istorii*, 1957, no. 3, pp. 157.
16. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 457. List 1. File 59, p. 3-7. (In Russian).
17. Bartel' Kh. *Sotrudnichestvo istorikov GDR i SSSR v razviti marksistsko-leninskoy istoricheskoy nauki v GDR* [Cooperation of the GDR and the Soviet Union historians in the development of Marxist-Leninist historical science in the GDR]. In: *Ezhegodnik germanskoy istorii. 1978* [The Annual of German history. 1978]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 26-33.
18. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 579. List 18. File 87, p. 14. (In Russian).
19. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 457. List 3. File 2, pp. 46-47. (In Russian).
20. Tupolev B.M. *25-letie Komissii istorikov SSSR i GDR* [The 25th anniversary of the Commission of the Historians of the USSR and the GDR]. *Obshchestvennyye nauki*, 1982, no. 6.
21. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 579. List 2. File 90, p. 92. (In Russian).
22. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 457. List 1. File 459, p. 44. (In Russian).
23. *Beseda s chlenom Komissii Istorikov SSSR i GDR Ya.S. Drabkinym* [Interview with a member of the Historians Commission of the USSR and the GDR Ya.S. Drabkin]. 10th November 2012.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ДЕРЕВНИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1957–1964 гг.

Исследуются изменения социальной структуры населения и трудовых ресурсов деревни Новосибирской области в период хрущёвской реформы аграрного сектора страны. В центре внимания – динамика изменения численности структуры сельского населения по общественным группам и трудоспособного населения сельской местности. Делается вывод о том, что при общем уменьшении населения сельской местности произошли резкое снижение численности колхозного населения и увеличение рабочих, служащих и кооперативных кустарей и сокращение трудовых ресурсов.

Ключевые слова: Новосибирская область; социальная структура; сельское население; трудовые ресурсы.

В советский и постсоветский период учёными Сибири много внимания уделено исследованию социальной структуры населения Сибири. К сожалению, на сегодняшний день в постсоветской историографии существует мало работ по областям сибирского региона и почти нет отдельных исследований по изменению структуры сельского населения по общественным группам и трудовым ресурсам в Новосибирской области.

Цель статьи – исследовать изменение структуры сельского населения области по общественным группам и выявить динамику его изменения в трудоспособном возрасте. Развитие сельского населения области в

1957–1964 гг. характеризовалось высоким динамизмом социальных процессов и всё большим их усложнением. Основные тенденции этих изменений складывались под воздействием экономики региона и социальной политики партии и государства.

Главными элементами социальной структуры сельского населения области в рассматриваемый период были колхозники, рабочие и служащие. В то же время в сельской местности существовали и внеклассовые социальные слои: кооперированные кустари, единоличники и некооперированные кустари и прочие (табл. 1).

Таблица 1
Изменение численности структуры сельского населения области по общественным группам с 1957 по 1965 г. *

Показатель	Численность населения на 1 января, тыс. чел.						Уменьшение (–), увеличение (+) данных 1965 г. по сравнению с 1957 г.
	1957 г.	1958 г.	1960 г.	1961 г.	1963 г.	1965 г.	
Всего по области	1009,9	1003,9	986,1	974,2	989,2	961,6	–48,3
В том числе:							
колхозников	531,4	404,0	376,1	347,4	225,7	213,6	–317,8
рабочих, служащих и кооперированных кустарей	469,5	590,9	601,7	619,5	756,8	743,1	+273,6
единоличников и некооперируемых кустарей	0,5	0,2	0,1	0,1	–	–	–
временно проживающих	8,1	8,7	7,8	6,9	6,7	4,9	–3,2
прочих	0,4	0,1	0,3	0,3	0,004	0,006	–0,394

*Составлена по: ГАНУ. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 9780. Л. 105; Ф. Р-11. Там же. Д. 9781. Л. 205. Там же. Оп. 3. Д. 798-А. Л. 204. Там же. Оп. 3. Д. 3881. Л. 107.

Как видно из данных табл. 1, при общем сокращении населения сельской местности произошли резкое уменьшение колхозного населения и увеличение численности рабочих, служащих и кооперированных кустарей. Уменьшение колхозников на 1 января 1965 г., по сравнению с 1957 г., на 317,8 тыс. объясняется преобразованием колхозов в совхозы. Например, только в течение 1957–1959 гг. 246 сельскохозяйственных артелей области были реорганизованы в совхозы, а их население из общественной группы колхозников перешло в общественную группу рабочих и служащих. В последующие годы преобразование колхозов в совхозы происходило уже более быстрыми темпами [1. Д. 9780. Л. 105]. Кроме того, в сельской местности не стало единоличников и некоопери-

рованных кустарей. Уменьшилось число временно проживающих с 7,8 до 4,9 тыс. чел., т.е. в 1,6 раза (рассчитано по табл. 1).

Количественная характеристика структуры сельского населения по общественным группам представлена в табл. 2.

Из данных табл. 2, видно, что принципиально изменилась доля каждой социальной группы и прослойки сельского населения. Произведя несложные расчёты, получим, что на 1.01.1957 г. доля колхозников была больше, чем доля социальной группы рабочих и служащих и кооперированных кустарей, на 6,1%, на 1.01.1958 г. она уменьшилась на 8,7% и, ежегодно сокращаясь, снизилась к началу 1965 г. на 55,1%.

Таблица 2

Изменения структуры сельского населения по общественным группам с 1957 по 1964 г. на 1 января, %*

Показатель	1957 г.	1958 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.**	1965 г.**
Всего по области	100,0	100,0	1000	100,0	100,0	1000	100,0
В том числе:							
колхозники	52,6	40,2	38,1	35,7	23,0	23,9	22,2
рабочие и служащие, кооперированные кустари	46,5	58,9	61,0	63,6	76,2	76,3	77,3
единоличники и не Kooperируемые кустари	0,05	0,02	0,03	0,01	—	—	—
прочие	0,04	0,01	0,03	0,03	—	0,0004	0,0006

*Составлена по: ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 797. Л. 138. Там же. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 798-А. Л. 204. Там же. Оп. 3. Д. 3881. Л. 107. (Баланса нет за счёт временно проживающего населения, которое по общественным группам не было распределено).

**Составлена по: ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 798-А. Л. 204.

Доля рабочих, служащих и кооперированных кустарей в рассматриваемый период только возрастала. В среднем за год она увеличивалась на 3,9% (рассчитано по табл. 2).

На 1 января 1957 г. доля единоличников и не Kooperируемых кустарей составляла среди сельского населения 0,05% (500 чел.), на начало 1961 г. — 0,01% (100 чел.). Социальная прослойка «Прочие» имела на 1 января 1965 г. удельный вес 0,0006% (6 человек) (см.

табл. 1 и 2). Основными факторами изменения численности социальных групп в сельском хозяйстве стали развитие социалистической экономики, урбанизация, вызвавшая миграцию сельского населения, и преобразование слабых колхозов в совхозы.

Среди районов Западной Сибири процесс уменьшения трудоспособного населения в наибольшей мере затронул сельскую местность Новосибирской области (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности трудоспособного сельского населения в 1958–1965 гг., тыс. чел.*

Показатель	1958 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
Численность населения в трудоспособном возрасте на 1 января	547,7	465,2	460,5	459,8	454,9	443,5
Изменения за первое полугодие	—	—	—	—	—	—
Численность населения, вступающая к 1 июля в 16-летний возраст	6,1	4,7	9,7	9,9	11,4	12,4
Численность населения, выходящая к 1 июля за пределы трудоспособного возраста	3,8	3,4	3,7	4,4	3,9	5,2
Число умерших в течение 1-го полугодия	1,1	1,0	1,1	0,9	1,0	1,0
Механический прирост населения в трудоспособном возрасте в первом полугодии	—2,0	+2	+2,9	—1,7	—0,6	+1,0
Численность населения в трудоспособном возрасте в сельских населенных пунктах, преобразованных в первом полугодии в городские поселения	—5,7	—1,4	—3,4	—	—4,5	—
Число населения в трудоспособном возрасте на 1 июля	541,2	466,1	464,9	462,7	456,3	450,7
В том числе:						
а) колхозников	193,8	103,4	97,7	95,8	93,5	92,3
б) единоличников и не Kooperируемых кустарей	0,1	0,05	0,02	—	—	—

*Составлена по: ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4 «А». Д. 859. Л. 11, 13; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4-А. Д. 983. Л. 4; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4-А. Д. 1044. Л. 5; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4-А. Д. 1124. Л. 3; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4-А. Д. 1203. Л. 3; ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4-А. Д. 1242. Л. 4.

Из анализа табл. 3 следует, что численность всего сельского населения в трудоспособном возрасте за 1958–1964 гг. уменьшилась на 104,2 тыс. чел., т.е. на 19,0%.

В первом полугодии 1958 г. число сельских жителей в трудоспособном возрасте сократилось на 1,2%, в 1961 г. увеличилось на 0,2%, в 1962 г. — на 0,9%, в 1963 г. возросло на 0,6%, в 1964 г. — на 0,3%, в 1965 г. — на 1,6%.

Численность населения, вступающая в первом полугодии 1965 г. в 16-летний возраст, по сравнению с аналогичным периодом 1958 г. уменьшилась в 2 раза. Количество населения, вышедшее за пределы трудоспособного возраста, увеличилось на 36,8%, число умерших уменьшилось на 9,1%. Если в 1958 г. механический при-

рост трудоспособного населения в первом полугодии был минус 2 тыс., то в 1959 г. за это же время составил плюс 1 тыс. человек. Если сравнить срединные показатели 1958 и 1965 гг., то число трудоспособного сельского населения в 1965 г. было меньше на 88,3 тыс., чем в 1958 г. (расчёт сделан по табл. 3). Наиболее быстро сокращалась численность колхозников (табл. 4).

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что за 1957–1964 гг. численность колхозного населения в трудоспособном возрасте уменьшилась в 3,3 раза, в том числе число мужчин — почти в 3 раза, а число женщин — в 3,6 раза. В среднем за один год число трудоспособных колхозников сокращалось на 24,0 тыс., в том числе ко-

личество мужчин – на 9,6 тыс., женщин – на 14,4 тыс. (рассчитано по табл. 4).

Сокращение сельского населения трудоспособного возраста было вызвано миграционным оттоком сельчан в горо-

да (в расчете на 1000 жителей он равнялся в 1961–1965 гг. 19,8 чел.) [2. С. 81]. С 1959 по 1964 г. доля сельского населения уменьшилась с 44,5 до 39,2%, в то время как доля городского населения увеличилась с 55,5 до 60,8% [3. С. 39].

Таблица 4

Динамика изменения численности колхозников трудоспособного возраста с 1957 по 1965 г., тыс. чел.*

На 1 января	Всего	Мужчины 16–59 лет	Женщины 16–54 лет
1957 г.	275,7	115,5	160,2
1958 г.	208,8	88,7	120,1
1960 г.	180,8	77,8	103,0
1961 г.	160,1	70,4	89,7
1962 г.	100,7	44,4	56,3
1965 г.	83,8	39,1	44,7

*Составлена по: ГАНО. Ф.Р-11. Оп. 2. Д. 9170. Л. 106. Там же. Оп. 3. Д. 797. Л. 139. Там же. Оп. 3. Д. 3852. Л. 2.

Таблица 5

Изменение возрастного состава сельского населения трудоспособного возраста Новосибирской области в 1957–1964 гг. (% к 1957 г.)*

Год	Всё сельское население	Трудоспособное население	Дети до 15 лет включительно	Мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше	Нетрудоспособное население
1957	100	100	100	100	100
1959	97,4	96,6	99,3	95,7	91
1960	95,7	92,2	105,4	96,0	103
1961	94,5	85,2	108,1	95,7	110
1962	95,5	83,9	112,0	97,8	115
1963	96,0	83,9	112,7	99,5	116
1964	95,0	83,0	111,0	100,5	116

* Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. М., 1970. С. 102.

В связи с интенсивным процессом урбанизации в области усилилась проблема демографического старения сельского населения. Возрастная структура сельского населения претерпела большие изменения. Причем неблагоприятные изменения в наибольшей степени коснулись перспективных возрастных групп, доля детей в возрастной структуре населения увеличилась (незначительно), но зато существенно увеличивалась доля пожилых возрастов, что отрицательно влияло на возможности естественного воспроизводства населения и, следовательно, на рост трудовых ресурсов деревни (табл. 5).

Как видно из данных табл. 5, всё сельское население области за 1957–1964 гг. сократилось на 5,0%, трудоспособное население – на 17,0%, число детей в возрасте до 15 лет увеличилось на 11,0%, численность нетрудоспособного населения – на 16%.

В среднем за 1964 г. в области зафиксировано всего 450,7 тыс. чел., из них 429,2 тыс. трудоспособных в трудоспособном возрасте, 6 тыс. неработающих инвалидов I и II группы в трудоспособном возрасте, из них инвалидов труда – 4,5 тыс., инвалидов войны – 1,5 тыс., получающих пенсию в государственных органах социального обеспечения. Число неработающих инвалидов в трудовом возрасте среди колхозников составляла 28 тыс. (полусумма данных на 1.01.1964 и на 1.01.1965 г.), число неработающих мужчин в возрасте 50–59 лет и женщин в возрасте 45–54 лет, получающих пенсии на льготных условиях, – 0,8 тыс. Маятниковая миграция рабочих и слу-

жащих – 7,6 тыс., а учащихся в возрасте 16 лет и старше, живущих в деревне, но обучающихся в городе, – минус 4,3 тыс. [4. Л. 13].

Баланс трудовых ресурсов Новосибирской области в среднем за 1964 г. представлен в табл. 6.

Как следует из анализа табл. 6, трудовые ресурсы сельской местности составляли от всех ресурсов области в среднем за 1964 г. 33,0%. На удельный вес только трудоспособного населения в трудоспособном возрасте приходилось 32,8%.

Доля лиц старших возрастов и подростков, работавших в государственных, кооперативных и общественных предприятиях и организациях и колхозах, составляла в деревне 43,1%. Удельный вес подростков сельской местности, занимавшихся трудовой деятельностью, был больше на 87,5%, чем в городах, но удельный вес лиц старших возрастов был большим в городах, чем в сельской местности, на 58,4%.

Доля рабочих и служащих сельской местности превышала долю городского населения, занятого в государственных, кооперативных и общественных предприятиях и организациях и колхозах в 2,7 раза. Учащиеся в возрасте 16 лет и старше, обучающиеся с отрывом от производства в городских поселениях, было больше, чем в сельской местности, в 4 раза. Трудоспособного населения в трудовом возрасте, занятого в домашнем и личном подсобном хозяйстве в городских поселениях, было больше на 32,9%, чем в сельских поселениях (рассчитано по табл. 6).

Расчёт баланса трудовых ресурсов Новосибирской области в среднем за 1964 г., тыс. чел.*

№	Трудовые ресурсы и их распределение	Всего	В том числе	
			город	село
I	Трудовые ресурсы – всего	1335,4	894,5	440,9
	В том числе:			
1	трудоспособное население в трудоспособном возрасте**	1307,8	878,8	429,0
2	лица старших возрастов и подростки, работающие в государственных, кооперативных и общественных предприятиях и организациях и в колхозах	27,6	15,7	11,9
	Из них			
1	подростки	4,6	1,6	3,0
2	лица старших возрастов	23,0	14,1	8,9
II	Распределение трудовых ресурсов			
1	Рабочие и служащие, занятые в государственных, кооперативных и общественных предприятиях и организациях и в колхозах – всего	1011	735,6	276,3
	В том числе:			
а	в промышленности	345,2	312,0	33,2
б	строительстве	89,3	73,0	16,3
в	сельском хозяйстве	151,3	4,6	146,7
г	торговле, общественном питании и материально-техническом снабжении	76,7	60,9	15,8
д	на транспорте и связи	108,8	103,5	5,3
е	в прочих отраслях материального производства	7,4	7,3	0,1
ж	просвещении, подготовке кадров, искусстве и науке	129,8	91,7	38,1
з	здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении	45,7	35,6	10,1
и	жилищном и коммунальном хозяйстве	28,4	26,5	1,9
к	аппарате органов государственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций	22,4	16,8	5,6
2	Колхозники, принимающие участие в работах колхозов – всего	80,7	0,2	80,5
	В том числе:			
а	в сельском хозяйстве	79,2	0,2	72,0
б	промышленности	3,7	–	3,7
в	строительстве	3,1	–	3,1
г	торговле	0,6	–	0,6
д	просвещении	1,1	–	1,1
3	Прочее занятое население (некооперируемые кустари и др.)	0,3	0,3	–
4	Учащиеся в возрасте 16 лет и старше, обучающиеся с отрывом от производства	86,9	69,6	17,3
5	Трудоспособное население в трудовом возрасте, занятое в домашнем и личном подсобном хозяйстве	155,8	88,8	66,8

* ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4-А. Д. 1210. Л. 26.

** Без учёта маятниковой миграции и учащихся в возрасте 16 лет и старше, живущих в сельской местности, но обучающихся в городе (11,9 тыс.).

Таким образом, в рассматриваемый период в сельской местности произошли большие изменения в социальной структуре сельского населения. При общем уменьшении сельского населения произошло резкое сокращение социальной группы колхозников и увеличение социальной группы рабочих служащих и кооперированных кустарей. Главными структурными элементами его стали рабочие,

служащие и кооперированные кустари. Для деревни все эти годы были характерны пониженная доля трудоспособных возрастов и повышенная доля детей. Первая из этих тенденций являлась следствием миграции сельского населения в города, вторая объяснялась более высоким уровнем рождаемости у сельских женщин, чем у городских, и снижением детской смертности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 9780.
2. Карпунина И.Б. Изменение половозрастного состава сельского населения Новосибирской области в 60–80-е гг. // Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура: Первая областная научно-практическая конференция краеведов: тез. докл. и сообщ. М., 1995. Ч. 2.
3. Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1958 г. Статистический ежегодник. М., 1959 г. Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965 г. ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 3881.
4. ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 4-А. Л. 13.

Shcherbin Nikolay M. Museum of the Siberian branch, Russian Academy of Sciences, (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: SchchNM@yandex.ru

CHANGE OF THE SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION AND LABOR RESOURCES OF THE VILLAGE OF THE NOVOSIBIRSK REGION IN 1957–1964's.

Keywords: Novosibirsk region; the social structure; the rural population dynamics; labour resources.

The article examines the structural changes of the Novosibirsk region's rural population in the period of Khrushchev's reforms in the agricultural sector. It attempts to show some moments in the development of the social sphere in rural areas of the region. On the basis of the reconstruction of the process of structural changes of the rural population and of the degree of its participation in socially useful work the common logic, the main trends and regional specifics are identified. The article also shows that the development of the rural population from 1957 to 1964 was characterized by a high dynamism of social processes and their increasing complexity. The conclusion is that the development of the socialist economy and urbanization which caused the migration of the rural population

and the transformation of weak collective farms into state farms were the main factors that had a special impact on the change in the ratio of ownership forms and the corresponding social groups in agriculture during the period under review. In the structure of the rural population dominant social group workers, employees and cooperative of artisans. In the article attention is paid to population ageing and noted in this regard that among the regions of Western Siberia ageing process in the most affected rural areas of the Novosibirsk region. This was caused by a sharp decline in the birth rate (number of children born per thousand rural population was in 1960 30.8 man), and the migration of rural residents to cities (per 1000 inhabitants it was from 1961 to 1965 19,8 people). The focus of the research is the dynamics of the structure of the rural population in social groups, and changes in able-bodied rural population. It is concluded that in General the reduction of rural population has been a sharp reduction in the number of farm population and the increase of workers, employees and the cooperative of artisans, while reducing the birth rate, aging population accelerated and led to the reduction of the working-age population. By early 1961 the number of working-age equals the number of disabled people in the village.

REFERENCES

1. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-11. List 2. File 9780. (In Russian).
2. Karpunina I.B. [The changes in sex and age composition of the rural population of Novosibirsk Region in 1960-1980]. *Stranitsy istorii Novosibirskoy oblasti: lyudi, sobytiya, kul'tura: Pervaya oblastnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya kraevedov* [Pages of the history of Novosibirsk Region: People, events, culture. First Regional Scientific Conference of Ethnographers]. Moscow, 1995. Part 2.
3. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R.-11. List 3. File 3881. (In Russian).
4. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund R-11. List 4-A, p. 13. (In Russian).

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1989–1993 гг.)**

На основе опубликованных и архивных материалов рассматривается этнокультурная политика в таком полиэтничном регионе, как Челябинская область. Показаны конкретные меры обкома КПСС и областного Совета народных депутатов по развитию национальной культуры представителей народов, проживающих на территории заявленного региона. Выявлены основные особенности работы региональных органов власти в сфере этнокультурной политики в 1989–1993 гг. в период, предшествовавший распаду СССР и политического кризиса и двоевластия 1991–1993 гг. в форме параллельного существования властных структур «новой» и «старой» России.

Ключевые слова: этнокультурная политика; 1989–1993 гг.; Челябинская область; Челябинский обком КПСС; Челябинский областной Совет народных депутатов.

Политика перестройки, XIX партийная конференция 1988 г. и ее резолюция «О межнациональных отношениях», пленум ЦК КПСС (19–20 сентября) 1989 г. предоставили возможность придать огласке противоречивые сюжеты советской действительности, а также реально оценить этнокультурные запросы народов СССР. В этой связи важно понять, как в переходный для российской государственности период 1989–1993 гг. была организована работа по удовлетворению этнокультурных запросов населения. Особенно остро эта проблема стояла в полиэтничных регионах, каким является Челябинская область. Кроме того, в заявленном регионе процесс демонтажа институтов советской власти сопровождался острой конфронтацией региональных элит. Существующие работы¹ либо косвенно затрагивали заявленную тему, либо в них рассматривался более поздний период, что оставляет проблему этнокультурной политики в данном полиэтничном регионе в условиях политических кризисов без внимания. Учитывая, что проблема проведения этнокультурной политики конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. в Челябинской области разработана в малой степени, представляется актуальным сосредоточиться на заявленной теме.

Под этнокультурной политикой подразумевается «сфера управления и обеспечения интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами» [1. С. 59]. Данные запросы зависят от уровня социальной значимости этнической идентичности и ее компонентов для граждан. Компонентами идентичности являются: этническое самосознание, язык и языковая среда, культура, традиции, история. Другими словами, цель этнокультурной политики – удовлетворить потребность граждан в осознании, реализации и гармоничного развития этнической части своего «Я». По результатам переписи населения 1989 г. на территории области при преобладании русских проживали 224 тыс. татар, 160 тыс. башкир, 109 тыс. украинцев, 39 тыс. немцев, 27 тыс. мордвы, 12 тыс. чувашей, 11 тыс. евреев и множество этнических «меньшинств» численностью от 4 тыс. до 200 человек [2. С. 8].

Как отмечает исследователь О.Н. Максимова, конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. характеризуется в Челябинской области поиском механизмов регулирования отношений между народами региона и их национально-культурными объединениями, с одной стороны, и органами власти – с другой [3. С. 105]. Заявленный период совпадал с созданием национально-культурных объединений, характеризовался сломом политических институтов, связанным с распадом СССР в 1991 г. Кроме того, в 1993 г. достиг пика конфликт исполнительной и законодательной власти, выраженный в ситуации двоевластия, противостояния между областной администрацией в лице В.П. Соловьева и областным Советом под руководством П.И. Сумина. Причиной этого явления стал кризис власти на уровне центрального руководства, предопределенный ходом политического конфликта между Верховным Советом, Советом народных депутатов и администрацией Президента [4. С. 91]. На этом фоне наблюдалась активизация идей, направленных на разжигание межнациональной розни в газете «Накануне», заявлений о создании независимой ЮУР² – Южно-Уральской Республики [5].

В результате происходивших в обществе перемен и нестабильности перед областными органами власти возникла необходимость уделять внимание этнокультурной проблематике. Ключевые роли в этом вопросе в 1989–1993 гг. занимали такие органы власти, как: обком КПСС и областной Совет народных депутатов.

Основой проведения этнокультурной политики в заявленный период выступали такие нормативно-правовые документы, как: резолюция XIX партийной конференции 1988 г. «О межнациональных отношениях»; платформа национальной политики КПСС, принятая на пленуме в сентябре 1989 г.; законы «О языках народов СССР»; «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР».

Партийные постановления задавали, главным образом, идеологические и ценностные ориентиры процессов перестройки в межнациональных отношениях:

полнокровное и динамичное единство в национальном многообразии, многонациональная социалистическая культура должна оставаться мощным фактором идейно-нравственной консолидации общества [6. С. 17]. Согласно принятой на пленуме 1989 г. платформе национальной политики в удовлетворении этнокультурных потребностей граждан на первый план выходили следующие направления: обеспечение равенства народов, удовлетворение и учет их интересов, обновление всей идейно-политической, научно-исследовательской и воспитательной работы в этом направлении [7. С. 17, 18].

Нормативно-правовая база содержала ориентиры по стимулированию развития культур народов СССР, главным образом сводившиеся к организационным формам удовлетворения этнокультурных потребностей. Так, закон о языках был призван создать гармоничную языковую среду, где могли бы на равных развиваться и функционировать языки всех народов СССР. В нем давались гарантии свободы выбора языка воспитания и обучения, государство брало на себя обязательства по созданию условий для изучения родного языка и языков других народов СССР [8. С. 63, 64]. Закон создавал необходимость для властей с учетом потребностей населения выстраивать систему подготовки педагогических кадров, обучения родному языку в дошкольных и школьных учреждениях, содействовать созданию языковых курсов и факультативов. Законом «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» регулировалась такая организационная форма удовлетворения этнокультурных потребностей граждан, как национально-культурные центры и общества, создаваемые в целях содействия развитию национальной культуры, традиций, языка, народных промыслов, установления и поддержания культурных связей с национально-государственными образованиями в СССР и родственными национальными государствами за рубежом [9. С. 89].

Для проведения в жизнь рассмотренных выше положений создавались соответствующие институты. В 1989 г. в идеологическом отделе обкома КПСС г. Челябинска возник сектор по вопросам межнациональных отношений и работе с самостоятельными общественными формированиями [10. Д. 937. Л. 9]. Подчеркивалось, что рычагом влияния в этой новой сфере социальных отношений должны служить правильно подобранные кадры, принятие активного участия в проведении мероприятий общественных формирований [Там же. Д. 1954. Л. 24]. К 1989 г. при региональном отделении Советского фонда культуры образовались немецкий и еврейский культурные центры, среди руководства которых были коммунисты [Там же. Л. 11]. В этой связи представлялось «важным организовать работу коммунистов в неформальных организациях в нужном направлении» [Там же. Д. 937. Л. 10].

В качестве основных направлений работы определялись следующие: разработка и осуществление мер по практической реализации идей и установок, изложенных в платформе национальной политики и постановлениях ЦК КПСС по национальным вопросам, совместно с национально-культурными центрами содействия росту национального самосознания, развитию родного языка, культуры путем открытия национальных школ и детских садов, создания самостоятельных и профессиональных творческих коллективов, издания национальных газет, организации теле- и радиопередач, систематическое проведение социологических исследований состояния межнациональных отношений и запросов народов области в развитии их культур [10. Д. 937. Л. 28].

Проведенное в 1989 г. социологическое исследование показало высокую значимость этнокультурной идентичности для граждан. Изучать родной язык своего народа хотели 91%, 52% граждан испытывали потребность в издании газет на языках этнических меньшинств; порядка 80% положительно оценивали активное создание национально-культурных центров народов области. Состояние межэтнических отношений оценивалось как позитивное, было внесено порядка 1500 пожеланий и предложений по развитию культур народов области (создание Дома дружбы народов, издание прессы, создание системы телевизионного и радиовещания на языках народов области, создание условий для изучения языков) [10. Д. 1956. Л. 8–11].

Распад СССР повлек за собой упразднение власти КПСС в 1991 г. Администрация Челябинской области в 1991–1993 гг. не имела специальных институтов для осуществления работы в этнокультурной сфере. Деятельность главного управления культуры и искусства при администрации области включала лишь эпизодическое сотрудничество с национально-культурными центрами, оказание им организационной и финансовой помощи. Напротив, областной Совет, где сконцентрировались административный и экономические ресурсы, обладал рядом несомненных преимуществ. Отделения госбанка в регионе подчинялись лично председателю Совета П.И. Сумину. Кроме того, у областного Совета имелись свои представительства – советы – во всех городах, районах области, тогда как областная администрация не имела разветвленной институциональной структуры [4. С. 91]. Все эти преимущества позволяли Совету инициировать и проводить этнокультурную политику в регионе.

С этой целью при областном Совете действовали образованные в 1990 г. сектор межнациональных отношений [11. Д. 3526. Л. 2] и постоянная комиссия по науке, народному образованию, культуре и национальным вопросам, заседания которой посещались представителями национально-культурных центров [Там же. Д. 3710. Л. 22]. Как отмечал заведующий сектором межнациональных отношений областного Совета депутат П.А. Овинов, пестрая этническая палитра

«...требовала от властей строить свою работу на основе учета потребностей и интересов множества этнических групп и их культур» [12]. В 1990–1991 гг. во всех областных национально-культурных центрах прошли отчетно-выборочные конференции, были сформированы органы, с которыми вел взаимодействие и сотрудничество областной Совет [11. Д. 3710. Л. 13]. На территории области в 1989–1993 гг. действовали татарские, башкирские, татаро-башкирские, немецкие, еврейский, славянский, финно-угорский, корейский, казахские национально-культурные центры. По состоянию на 1992 г. действовали 30 городских и районных культурных центров.

В апреле 1991 г. постоянная комиссия обсуждала вопрос о проблемах развития национальной культуры и языка представителей различных народов, проживающих на территории области. По итогам рассмотрения этого вопроса президиуму и исполнительному комитету областного Совета народных депутатов было рекомендовано изучить и рассмотреть возможность реализации на территории области закона «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР»; осуществлять целенаправленную политику по выравниванию уровней социально-культурного развития народов, компактно проживающих на территории области; обратиться в президиумы городских советов Челябинска, Магнитогорска, Златоуста с предложением о выделении помещений под дом дружбы народов. Имелись и другие рекомендации, касавшиеся реализации Закона СССР «О языках...», – открытия национальных теле- и радиоканалов, возможность открытия факультета восточных языков и культуры Азии на базе Челябинского государственного университета [13. С. 62, 63].

Для исполнения данных законов областной Совет в 1991–1993 гг. проделал значительный объем работы: выделялись средства на деятельность национально-культурных центров (содержание центров, проведение праздников и мероприятий), активно создавались кружки по обучению родному языку, был проведен фестиваль немецкой культуры [11. Д. 3573. Л. 27–31].

По итогам 1992 г. отмечалось, что национально-культурные центры добились с помощью депутатов выделения средств, провели ряд важных культурных мероприятий, в том числе конференцию немцев Челябинской области [Там же. Л. 79], корейский национальный праздник [Там же. Л. 4]. В местах компактного проживания татарского и башкирского населения ежегодно проводился праздник «Сабантуй» [11. Д. 3581. Л. 136]. Прошел специальный семинар для руководителей национально-культурных центров с целью поиска «новых форм сотрудничества для возрождения культур народов области, ознакомления активистов центров с руководителями областных организаций, управлений, которые тесно

соприкасались с национальными культурами» [11. Д. 3834. Л. 9].

Для удовлетворения этнокультурных потребностей наиболее многочисленных этнических групп – татар и башкир – с 1991 г. издавались газеты «Дуслык» и «Тыуган Як» на татарском и башкирском языках, их учредителем выступил областной Совет народных депутатов. В 1992 г. число подписчиков на них составило 1,5 и 3,4 тыс. чел. Соответственно. Газеты являлись убыточными и находились на содержании Совета, иных «этнических СМИ» в области в рассматриваемый период не было [Там же. Д. 3543. Л. 58]. Для решения проблемы национальных педагогических кадров и содействия развитию немецкого языка областной Совет народных депутатов содействовал направлению в 1992 г. студентов из Челябинской области на обучение в Волгоградском государственном университете по специальности «Немецкий язык и литература» [Там же. Д. 3578. Л. 72–74].

В регионе провели работу по созданию условий для развития двуязычного преподавания в 70 дошкольных учреждениях (2 100 учащихся), в 64 школах с преподаванием родного языка и литературы (5 181 учащихся), в 13 школах области действовали факультативы по изучению родного языка. Велась подготовка педагогических кадров для преподавания татарского и башкирского языков – на базе педагогических училищ № 1 и 2 готовили несколько десятков педагогов [14. Л. 1–2]. По состоянию на 1992 г. в 106 школах области родной язык (башкирский, татарский, мордовский, казахский) изучался как основной предмет или факультативно [11. Д. 3573. Л. 4].

В условиях социально-экономических проблем в конце 1980 г. – начале 1990-х гг. национально-культурные объединения зачастую находились в бедственном положении и состояли на балансе властей, фондов, различных спонсоров. Для улучшения положения в культурной сфере региона в адрес областного Совета поступило ходатайство об освобождении от налогов в местный бюджет творческих союзов, культурных фондов и национально-культурных центров [11. Д. 3710. Л. 97]. Оно было удовлетворено, в результате чего организации культуры были освобождены от налогового бремени на 1992–1993 гг., что позволило несколько улучшить их ситуацию и повысить качественный уровень их работы [15. Л. 16]. Также оказывалось содействие в получении прямой финансовой помощи. Только за 1991 г. областной Совет направил 200 тыс. рублей на развитие культур народов области [11. Д. 3543. Л. 58].

На этот счет высказывались и критические соображения из уст самих депутатов областного Совета: «Центробежная поддержка национальных культур на уровне Совета может привести к обратному эффекту потребительства и узконациональной консервации социальных отношений» [Там же. Д. 3581. Л. 74]. Стало очевидно, что для проведения эффективной политики в

этнокультурной сфере необходимы не только меры помощи в проведении культурных мероприятий и работе национально-культурных центров, а качественно иные способы и средства: новая нормативная база, общегосударственная концепция национальной политики на основе учета интересов и потребностей всех народов Российской Федерации.

Среди основных проблем проведения этнокультурной политики можно выделить: недостаток этнополитологов, которые бы могли готовить уставные документы организаций и создать систему мониторинга, общий низкий уровень правосознания в обществе [16. С. 127]. Трудно решались вопросы с подготовкой педагогических кадров, обеспечением учебной литературой, ощущалась острая нехватка специалистов по национальным культурам, возникали проблемы с изданием газет на языках народов области, поскольку было недостаточно современной техники для печати и издания [11. Д. 3710. Л. 13–14]. В отсутствии координации деятельности культурных центров каждый занимался «полем» своей культуры и совместные мероприятия, направленные на диалог и взаимное ознакомление культур народов области, были редкостью. Влияние на проведение этнокультурной политики оказывала общая политическая ситуация в стране: передел сфер влияния и полномочий способствовал тому, что многие социально значимые вопросы уходили на второй план и решались по «остаточному» принципу.

Распад СССР в 1991 г. и политический кризис 1993 г. в стране привели к тому, что система институтов советской власти была демонтирована. Прекращение деятельности обкома КПСС и областного Совета вынудило власти и национально-культурные центры искать новые механизмы управления. Однако основной объем решений по этому вопросу приняли позднее. С целью координации работы национально-культурных центров в 1996 г. образовалась Ассамблея народов Челябинской области. Происходили реорганизации и в аппарате областной администрации. В 1997 г. создается комитет по делам национальностей, религий, общественных организаций [17. Л. 11]. В 1998 г. принимается Концепция региональной национальной политики, а в 2002 г. создается консультативный Совет по национальным вопросам при губернаторе Челябинской области [3. С. 78]. Предпринимались меры по совершенствованию нормативно-правовой базы центром: в 1996 г. на федеральном уровне принимаются Концепция государственной национальной политики и закон «О национально-культурной автономии».

Таким образом, в результате масштабных политических кризисов и системных реформ в российском обществе конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. возникли трудности с передачей культурных и духовных ценностей, что вызвало острый кризис коллективной идентичности. С одной стороны, шел процесс разрушения старой системы норм, с другой – начался активный поиск новых ценностей. В этой связи активизацию эт-

нокультурных запросов населения можно рассматривать как одну из попыток общества определить исковую систему ценностей для решения наметившегося кризиса самоидентификации. Наиболее перспективными направлениями для дальнейших разработок историков в данной сфере представляются следующие: 1) соответствие мер, предпринимаемых в этнокультурной сфере запросам населения; 2) расхождения в понимании этнокультурных проблем и механизмах их решения между этноэлитами и рядовыми представителями различных этнических групп.

Можно заключить, что переформатирование политической системы и процесс демонтажа институтов советской власти в 1989–1993 гг. оказали определяющее влияние на этнокультурную политику в регионе, задавая траектории ее развития в будущем. Позиция областного Совета в данном направлении была обусловлена инерцией перестройки, ситуацией политического конфликта в центре и противостоянием с администрацией области – способность в условиях двоевластия к аккумуляции ресурсов (экономического и административного) позволяла Совету являться субъектом этнокультурной политики, а областной администрации – нет. Кроме того, на примере Челябинской области мы можем наблюдать, насколько проведение этнокультурной политики зависело в первую очередь от таких факторов, как: конфликт политических элит центра и его влияние на расстановку региональных политических сил, контроль ими тех или иных ресурсов. Деятельность органов обкома КПСС и областного Совета носила вариативно-дифференцированный характер, поскольку универсальные и спускаемые «сверху» ориентиры в области этнокультурной политики на региональном уровне были первичным материалом и их приходилось тщательно адаптировать под местную социально-экономическую, этнокультурную конфигурацию.

В целом, обком КПСС и областной Совет в 1989–1993 гг. активно формировали этнокультурное пространство региона, являясь катализаторами процессов возрождения культур народов области, а также реализации новых принципов и ценностей в отношении «национального вопроса»: 1) проведено первое социологическое исследование, позволившее получить представление о реальном состоянии межэтнических отношений и этнокультурных потребностях населения области; 2) удалось наладить диалог органов власти и представителей национально-культурных центров; 3) налажена работа по созданию этнических СМИ для башкирского и татарского населения; 4) в переломный для российской государственности период удалось сохранить в целом благоприятную ситуацию в межэтнических отношениях в регионе.

Вместе с тем в 1989–1993 гг. обнаружились проблемные участки в проведении этнокультурной политики заявленного региона, которые актуальны до настоящего времени: 1) несмотря на идею создания

Дома дружбы народов еще в 1989–1991 гг., данный проект реализовали значительно позже – в 2003 г., что затруднило координацию совместной деятельности национально-культурных центров и информирование населения о культуре других народов; 2) по сей день остро стоит кадровая проблема – регион не имеет спе-

циалистов по национальным культурам, преподавателей языков народов области, этнополитологов и структур, которые могли бы осуществлять посредством качественных и количественных исследований³ мониторинг этнокультурных запросов населения и отслеживать состояние межэтнических отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сюжеты, связанные с национальной и этнокультурной политикой, этническими меньшинствами, в масштабах Урала обстоятельно представлены в основном на материале Оренбургской области, Башкирии. Среди работ, посвященных этнокультурной политике в Челябинской области, мы можем выделить следующие: [3, 13, 16]. Кроме того, проблемы развития культурного пространства Южного Урала в целом, а равно и культур народов региона, рассматриваются в работе [18].

² В 1993 г. Южно-Уральская Республика была преобразована из Челябинской области с целью повышения её статуса в составе Российской Федерации и приобретения большей экономической и законодательной самостоятельности. 8 июля 1993 г. областным Советом было подписано постановление «О государственном-правовом статусе Челябинской области и преобразовании ее в Южно-Уральскую республику». Сергей Костромин, известный в области политический деятель, депутат городского собрания Златоуста, лидер национал-патриотической ассоциации «Россия нового поколения», самостоятельно провозгласив себя и.о. главы республики, приказал с 23 августа 1993 г. «1. Придать Челябинской области статус республики в составе Российской Федерации, именовать ее в дальнейшем Южно-Уральская Республика (ЮУР)». Костромин, ранее обвинявшийся в разжигании межнациональной розни за публикации в газете «Накануне», заявил также о настоятельной необходимости осуществления депортации всех лиц, не имеющих постоянного места жительства, цыган, чеченцев, таджиков и других лиц иностранных государств, с территории ЮУР. Идея о создании ЮУР и заявления Костромина, направленные на разжигание националистических предрассудков в обществе, были восприняты гражданами, администрацией области, областным Советом и местной прессой как абсурдные.

³ Проведение таких исследований раз в 5–10 лет и выстраивание системы мер на основе анализа их результатов может позволить существенно повысить эффективность проведения этнокультурной политики на уровне региона, создать механизмы обратной связи между ее объектом и субъектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2002.
2. Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.), (Госкомстат РСФСР, Челяб. обл. управление статистики). Челябинск, 1990.
3. Максимова О.Н. Этнокультурная политика в субъектах Российской Федерации Южного Урала на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
4. Князев В.В. Политическое развитие в Челябинской области в 1991–1993 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25. С. 87–92.
5. Челябинский рабочий. 1994. 20 июля.
6. Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС «О межнациональных отношениях» // К союзу суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-культурного суверенитета. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 17, 18.
7. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М.: Политиздат, 1989.
8. О языках народов СССР. Закон СССР от 26 апреля 1990 г. // К союзу суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-культурного суверенитета. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 61–72.
9. О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР. Закон СССР от 24 апреля 1990 г. // К союзу суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-культурного суверенитета. Институт теории и истории социализма ЦК КПСС. М., 1991. С. 84–91.
10. Государственное учреждение Объединенный государственный архив Челябинской области (ГУ ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 201.
11. ГУ ОГАЧО. Ф. Р. 274. Оп. 10.
12. Общее дело. 1992. № 2.
13. Дубровин Ю.Д., Туник Г.А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовые аспекты. М.: Издание Государственной Думы, 2002.
14. ГУ ОГАЧО. Ф. Р. 1000. Оп. 1. Д. 4921.
15. ГУ ОГАЧО. Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 82.
16. Туник Г.А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовое регулирование (на примере Челябинской области): дис. ... канд. полит. наук. М., 2000.
17. ГУ ОГАЧО. Р. 700. Оп. 1. Д. 329.
18. Заельская С.А. Культурное пространство Южного Урала в условиях системных реформ (1985–2000 гг.). Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2011.

Avdashkin Andrew A. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

ETHNOCULTURAL POLICY REGIONAL AUTHORITIES (ON MATERIALS CHELYABINSK REGION IN 1989–1993).

Keywords: ethno-cultural policy; 1989–1993; Chelyabinsk Region; Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU; Chelyabinsk Oblast Council of People's Deputies.

Social and political changes associated with the period of «perestroika», the collapse of the USSR and the emergence of new institutions of power in the late 1980s – early 1990s led, on the one hand, to the democratization of public life and the birth of the foundations of civil society in Russia, but on the other hand triggered a systemic crisis of collective identity. The latter is reflected in the problem of selecting a number of spiritual, social and cultural landmarks are often resolved through an appeal to the individual's "roots" and their ethnicity, the desire to fill and enrich its content side: knowledge of the native language, national culture and history. In this regard, it is important to understand how the transition to the Russian statehood period in 1989–1993 authorities to organize work to meet the ethnic

and cultural needs of the population. The urgency of the problem posed adds that this problem is particularly acute stood in multiethnic regions, as is the Chelyabinsk region. The purpose of the proposed article is to analyze the activity of regional authorities – Regional Party Committee of Chelyabinsk and the Regional Council of People's Deputies – to address the ethnic and cultural needs of the citizens claimed time. The region with the collapse of the Soviet Union, the dismantling of the Soviet system and the formation of new governments. The regional committee of the Communist Party, and then the Regional Council in the period in 1989–1993. made a significant contribution to the formation of ethnic and cultural space in the region, These authorities have stimulated and guided self-organization processes of national cultural centers ethnic groups represented in the area (Tatars, Bashkirs, Germans, Jews, Finno-Ugric peoples, Koreans, Kazakhs and others.), contribute to the realization new principles and values in relation to the «national question». So, on the initiative of the regional committee held the first case study, aimed at regional monitoring of inter-ethnic relations and ethnic and cultural needs of the population, the regional Council to provide organizational and financial support for the preparation of national teaching staff, the publication of newspapers in the Tatar and Bashkir languages, national holidays, the opening and ongoing activities national-cultural centers, the number of which in 1992 amounted to no less than 30 As a result of the collapse of the Soviet Union in 1991 and the subsequent confrontation between the executive and legislative branches of government in 1993 obkom and regional Council ceased operations. To summarize, we note that the shortage of material resources and political crisis the authorities of the region managed to avoid deterioration of the situation in the sphere of inter-ethnic relations and to establish a dialogue with national-cultural centers of the region.

REFERENCES

1. Zorin V.Yu. *Rossiyskaya Federatsiya: problemy formirovaniya etnokul'turnoy politiki* [The Russian Federation: Problems of Ethno-Cultural Policy Formation]. Moscow: Russkiy mir Publ., 2002.
2. Ethnic composition of the population of Chelyabinsk Region (according to the Soviet Census of 1989), (Goskomstat RSFSR Chelyabinsk Region Department of Statistics). Chelyabinsk, 1990. (In Russian).
3. Maksimova O.N. *Einokul'turnaya politika v sub'ekтах Rossiyskoy Federatsii Yuzhnogo Urala na sovremennom etape: dis. kand. polit. nauk* [The ethno-cultural policy in the Russian Federation, the Southern Urals at the present stage. Political Sciences Cand. Diss.]. Moscow, 2006.
4. Knyazev V.V. The political development of Chelyabinsk region in 1991–1993. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 25, pp. 87–92.
5. *Chelyabinskiy rabochiy*, 1994, 20th July.
6. *Rezolyutsiya XIX Vsesoyuznoy konferentsii KPSS "O mezhnatsional'nykh otnosheniyakh"* [Resolution of the 19th All-Union Conference of the CPSU "Interethnic Relations"]. In: *K soyuzu suverennykh narodov. Sbornik dokumentov KPSS, zakonodatel'nykh aktov, deklaratsiy, obrashcheniy i prezidentskikh ukazov, posvyashchennykh probleme natsional'no-kul'turnogo suvereniteta* [To the union of sovereign nations. The collection of documents of the CPSU, legislation, declarations, appeals and presidential decrees concerning the problem of national and cultural sovereignty]. Moscow, 1991, pp. 17–18.
7. *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 19–20 sentyabrya 1989 g.* [Proc. of the CPSU Central Committee Plenum, 19–20 September 1989]. Moscow: Politizdat Publ., 1989.
8. *O yazykakh narodov SSSR. Zakon SSSR ot 26 aprelya 1990 g.* [On the languages of the USSR nations. The USSR Law of 26th April 1990]. In: *K soyuzu suverennykh narodov. Sbornik dokumentov KPSS, zakonodatel'nykh aktov, deklaratsiy, obrashcheniy i prezidentskikh ukazov, posvyashchennykh probleme natsional'no-kul'turnogo suvereniteta* [To the union of sovereign nations. The collection of documents of the CPSU, legislation, declarations, appeals and presidential decrees concerning the problem of national and cultural sovereignty]. Moscow, 1991, pp. 61–72.
9. *O svobodnom natsional'nom razvitii grazhdan SSSR, prozhivayushchikh za predelami svoikh natsional'no-gosudarstvennykh obrazovaniy ili ne imeyushchikh ikh na territorii SSSR. Zakon SSSR ot 24 aprelya 1990 g.* [On the free national development of Soviet citizens living outside their national-state entities or not having them on the territory of the USSR. The USSR Law of April 24, 1990]. In: *K soyuzu suverennykh narodov. Sbornik dokumentov KPSS, zakonodatel'nykh aktov, deklaratsiy, obrashcheniy i prezidentskikh ukazov, posvyashchennykh probleme natsional'no-kul'turnogo suvereniteta* [To the union of sovereign nations. The collection of documents of the CPSU, legislation, declarations, appeals and presidential decrees concerning the problem of national and cultural sovereignty]. Moscow, 1991, pp. 84–91.
10. The State Institution Joint State Archive of Chelyabinsk Region (GU OGACHO). Fund 288. List 201. (In Russian).
11. The State Institution Joint State Archive of Chelyabinsk Region (GU OGACHO). Fund R. 274. List 10. (In Russian).
12. *Obshchee delo*, 1992, no. 2.
13. Dubrovin Yu.D., Tunik G.A. *Natsional'no-kul'turnoe razvitie narodov Rossii: politiko-pravovye aspekty* [National-cultural development of the peoples of Russia: Political and legal aspects]. Moscow: The State Duma Publ., 2002.
14. The State Institution Joint State Archive of Chelyabinsk Region (GU OGACHO). Fund R. 1000. List 1. File 4921. (In Russian).
15. The State Institution Joint State Archive of Chelyabinsk Region (GU OGACHO). Fund R. 2. List 1. File 82. (In Russian).
16. Tunik G.A. *Natsional'no-kul'turnoe razvitie narodov Rossii: politiko-pravovoe regulirovanie (na primere Chelyabinskoy oblasti): dis. kand. polit. nauk* [The national-cultural development of the Russian nations. Political and legal regulation (as exemplified by Chelyabinsk Region)]. Moscow, 2000.
17. The State Institution Joint State Archive of Chelyabinsk Region (GU OGACHO). Fund R. 700. List 1. File 329. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930 (112.2)

И.Е. Андронов

СЕБАСТЬЯН ФРАНК КАК ИСТОРИК ЦЕРКВИ

Из всех исторических сочинений немецкого мистика и гуманиста Себастьяна Франка недостаточно исследованной остаётся концепция истории христианской Церкви, изложенная в 3-м томе «Хроники, летописи и исторической Библии». Несмотря на небольшую изученность, облик С. Франка как историка оброс стереотипными представлениями (новаторство периодизации и фактологии, демократичность, ставка на оригинальность), которые рассматриваются в настоящей статье. Историко-церковная концепция С. Франка может быть адекватно оценена после помещения в контекст лютеранской историографии XVI в. Анализ показывает, что оригинальность концепции Франка проявляется в отказе от сюжетного превалирования ветхозаветной истории над Античностью, в особом понимании гетеродоксии («ереси»), в новаторской интерпретации взаимоотношений между текстом, автором и читателем, а также в некоторых других аспектах.

Ключевые слова: история Церкви; лютеранская историография; Себастьян Франк.

Творчество немецкого гуманиста Себастьяна Франка (1499–1542) обычно исследуется с точки зрения его оригинальных религиозно-философских взглядов. Исторические сочинения этого автора также привлекали внимание исследователей, ни один из которых, однако, не выделял его историко-церковных взглядов из общей концепции [1–4]. Одобрительный отзыв о Франке из уст Карла Маркса способствовал некоторому интересу к данной персоне (см, напр.: [5. С. 179]), и в отечественной науке он оказался заметно популярнее большинства других протестантских богословов и историков первой половины XVI в. В советской учебной и исторической литературе устоялся взгляд на С. Франка как на «выдающегося философа и историка», причём в особую заслугу ему ставились положения, довольно обычные для массовой литературы той эпохи, – неприятие народных восстаний, понимание закономерности исторических событий и т.п. (см., напр.: [6. С. 98, 99]). Классовые взгляды Себастьяна Франка, вкупе с его отрицанием схоластики и безусловным новаторством, стимулировали исследовательский интерес. Тем не менее в книгах анализируются в основном социальные и общеисторические теории этого интереснейшего автора, и гораздо реже – его взгляды на историю Церкви. Интерес к его идеям несколько снижает тот факт, что ни представители противоборствующей конфессии, ни лидеры лютеранского лагеря не разделяли многих его взглядов и преследовали (или игнорировали) его идеи. На наш взгляд, более тщательное рассмотрение историко-церковной концепции Себастьяна Франка и сопоставление её с концепциями некоторых его современников способно существенно уточнить ряд оценок.

Основные положения концепции церковной истории Себастьяна Франка изложены в книге «Хроника, летопись и историческая Библия от начала мира до 1530 года» (1531) [7]. Сочинению предпослан список источников, использованных при его написании, – безусловное новшество в европейской историографии. Корпус источников по ветхозаветной истории включает в себя,

наряду с наиболее уважаемыми церковными авторами и составителями средневековых и ренессансных «Хроник», также языческих античных авторов – от Авла Геллия до Валерия Максима. Подборка охватывает всех тех античных писателей, чьё творчество пользовалось широкой популярностью на протяжении всего Средневековья и Раннего Нового времени. Достойное место в нём занимают Плутарх, авторы «Истории августов» и Дион Кассий. Библия, разумеется, также помещена среди источников, как помещены и некоторые нормативные документы Курии и сочинения некоторых Отцов Церкви. Среди авторов церковных историй выделяются исключительно популярные в 1530-е гг. составители «Трёхчастной истории» и её продолжатели. Главным источником по более поздней истории являются Науклер, Эразм и Помпоний Лэт, а также самая знаменитая фальшивка того времени – хроники Бероза.

Первый том сочинения посвящён, главным образом, ветхозаветной хронографии, основанной на традиционных всемирно-исторических схемах семи эпох и четырёх монархий, в сопоставлении и тесном переплетении с историей Греции и Рима. Классические древности провозглашены вполне самодостаточной отраслью знания, не менее интересной по сравнению с библейскими сюжетами. «Греки, римляне и евреи были настолько благородны во всём и настолько точно записали все свои деяния, что всё, что бы ни сказали или совершили особенного даже их женщины или дети, было зафиксировано пером, и весь мир должен это читать и знать» [7. Т. 1. S. aij r]. В этом фрагменте, как и в ряде других, Франк фактически допускает рассмотрение на равных в качестве источника ветхозаветные тексты и произведения античных языческих авторов! В ранней протестантской литературе это уникальное явление, а тенденция рассматривать все религии как единый феномен получит своё продолжение гораздо позже, в 1570-е гг., в трудах некоторых католических писателей.

Собственно «Хроника» начинается с тем, обычных для зачинов хроник XVI в., – о Боге и имени Его, о Творении и генеалогии Праотцов. Однако благожелательное цитирование по данным темам Аристотеля, Платона (реже – других античных философов) является для протестантской литературы новшеством. Например, в рассуждениях о душе приводятся мнения Пифагора, Асклепия, Парменида и множества других языческих мыслителей [7. Т. 1. S. 8 и далее]. Фактический отказ от апробированных представлений о приоритетности одних источников над другими и Священного Писания над всеми стал причиной будущих разногласий с лютеранскими лидерами. Очень подробный рассказ о языческих божествах, включающий пророков, персонажей древневосточной, греческой и римской мифологий, носит характерное название «О людях, которых принимали за богов». Туда же помещён рассказ об амазонках, Троянской войне, а также взятые, очевидно, из Бероза рассказы о мифических прародителях франков и германцев, о легендарном основании множества западноевропейских городов [7. Т. 1. S. 16–24].

Второй том сочинения реконструирует историю светских государств после эпохи Октавиана Августа, также повторяя обычные фактологические схемы (они встречаются у Хедио или – чуть позднее – в «Хронике Кариона»). Основное внимание уделяется преемственности между императорами Древнего Рима, Византии (до конца VIII в.) и Запада (Священной Римской империи) в соответствии с господствовавшей идеологией «переноса империи» с Востока на Запад. Светская история христианской эры открывается анализом атрибутов императорской власти, а также символичности её для христианской истории. Описание подобных символов стало для Франка поводом к поднятию более широкой темы – о генезисе рыцарства, его исторической роли и моральном долге перед обществом в целом [7. Т. 2. S. 132r et v]. Увлёкшись этой темой, Франк отождествляет «ассирийскую империю» со львом, персидскую – с медведем, а империю Александра («греческую») – с леопардом. Эти монархии были подобраны в соответствии с наиболее распространённым способом интерпретации Даниилова пророчества. Само оно также было подробно описано [7. Т. 2. S. 133ff].

Императоры в сознании Себастьяна Франка являлись носителями светского начала в самом широком смысле. В частности, к определённым императорам отнесены крупнейшие события светской жизни, развитие технологий, величайшие изобретения, как, например, изобретение «при Фридрихе III» книгопечатания [7. Т. 2. S. 215r]. В главу, посвящённую императору Сигизмунду, помещена история гуситского движения, место которого – в томе по светской истории [7. Т. 2. S. 208r и далее]. Как и в творчестве Каспара Хедио, у Себастьяна Франка заметно «туннельное зрение»: чем ближе к современности, тем более узок его географический кругозор и тем заметнее

преимущественное внимание, уделяемое событиям из германской истории. Отчасти к этому располагала и фактура (преследования анабаптистов или недавняя Крестьянская война), хотя крупнейшие общеевропейские процессы (борьба с турецким натиском, Итальянские войны) также обильно присутствуют. Несмотря на то что Франк отвёл второй том своего сочинения для описания светской истории, сюжетам из церковной (в нашем сегодняшнем понимании) в нём также отводится довольно много места. Темой отдельного исследования должны стать природные аномалии, часто отмечавшиеся в «Хронике» Себастьяна Франка и произведениях его современников как проявление Божьей кары за те или иные искажения христианского учения [7. Т. 2. S. 236v и др.] и их соответствие глобальным климатическим переменам XVI в.

Третий том сочинения Франка имел и особое название: «Третья хроника папства и духовных дел от Петра до Юлия III». Хронологический принцип в этой части книги соблюден не строго, в отличие от предыдущего раздела. Предпочтение на сей раз отдано проблемному принципу экспозиции – сюжетам о природе папства, о Соборах (соотношению их постановлений и папской воли), ересь, мессы и идолопоклонство. Внутри соответствующих разделов хронологический принцип также не выдержан (это будет скрупулёзно сделано в «Магдебургских Центуриях»). Отметим довольно обычную для хроник XVI в. тему о Конце света и Страшном Суде [7. Т. 3. S. 253v и далее]: подобное «заглядывание в будущее» не воспринималось как что-то чуждое историческому сочинению. Так, история приобретала замечательную композиционную цельность: начатая во время Акта Творения, она закончится также одномоментно, вне воли человека. Ощущение близости этого момента, собственно, и побуждало ранних лютеранских историков к составлению «Хроник». Основным разделом третьего тома стала «Книга хроники римских еретиков», устроенная в алфавитном порядке [7. Т. 3. S. 58r–186r]. Она охватывает всех, кто тем или иным способом когда-либо выступал против официальной римской церковной доктрины от Августина до анабаптистов, от арианства до Эразма Роттердамского и Мартина Лютера. Очевидно, понятие «ересь» (kätzerey) не имело для Себастьяна Франка выраженной отрицательной коннотации и скорее помогало сгруппировать единомышленников в критике римской церкви. В этот раздел инкорпорирована глава, посвящённая Декреталиям и прочим основополагающим документам канонического права [7. Т. 3. S. 104v и далее]: как и другие протестантские историки, Франк считает их человеческим изобретением, излишним и даже вредным для реализации замысла Божьей церкви. Упоминаются в книге и наши предки: поводом к помещению в список еретиков «Рутенов или Руссов» [7. Т. 3. S. 169r] было отрицание папства апостола Петра, а также непризнание главенства Римской церкви над остальными.

Исходя из деления труда на тома, В.Г. Левен считал, что именно Франк создал учение о двух эпохах истории – ветхозаветной и новозаветной [2. С. 292]. Конечно, Франк не мог «создать» нечто, бывшее общим местом не только для всей ранней лютеранской историографии (включая Лютера и Меланхтона), но и в более широком смысле для критического направления в Церкви XV – начала XVI в. Себастьян Франк особенно выделял социальную составляющую христианского учения; для него печальные страницы в истории Церкви начались тогда, когда церковные общины начали изменять первоначальной бедности и отклоняться от своего божественного предназначения. Основные вехи церковной истории воспринимались Франком примерно так же, как Хедио, Беатом Ренаном и рядом других современников: высшая точка государственного устройства приходится на эпоху Августа, Иисус явился людям именно в этот момент, чтобы создать идеальную церковь в идеальном государстве. Безусловным достижением Себастьяна Франка, как отмечал ещё Д.Н. Егоров, было понимание различия между историческими личностями и институтами, которые они представляли [8. С. 60]. Дальнейшая история Церкви в изложении Франка – это история постепенного грехопадения Церкви; он лишь придаёт этому процессу подчёркнуто социальный смысл. Проявлениями этого грехопадения становятся отдельные аспекты церковной жизни или практики. Например, замечательный анализ перемен, затронувших на протяжении христианской истории церковную службу [7. Т. 3. С. 231v–234r], основывался на противопоставлении воли римских пап, проявлявшейся в буллах, декретах и прочих документах, и воли «немцев». Последняя не имела осязаемых для Франка форм проявления, которые он мог бы отразить в своём сочинении, поэтому основными носителями воли народных масс всё равно оставались монархи (в данном эпизоде – Карл Великий). Впрочем, пресловутую демократичность мышления Себастьяна Франка не следует переоценивать. В частности, несмотря на демократические симпатии, Франк считает идеальной формой правления монархию. Она идеальна хотя бы потому, что именно она господствовала в мире в момент Первого пришествия! [3. Т. 1. С. 98f]. Ещё одно приводимое Франком доказательство – упоминание в Евангелии от Иоанна орла: будучи символом («гербом») Римской империи, он, тем не менее, назван в Писании, а значит, приемлем и даже приятен для христиан [7. Т. 2. С. 132r].

В.Г. Левен отмечал, что среди всего множества историков начала 1530-х гг. для сопоставления с идеями Франка подходит Филипп Меланхтон, переработавший так называемую «Хронику Кариона» (см., напр., [9]). Советский историк исходил из представлений о реакционности идей Меланхтона и представлял полемику между двумя мыслителями в манихейском виде: на фоне однозначно негативного изображения Меланхтона Франк неизбежно выделялся положительных

оценок. Сегодня общеизвестно, что взгляды Меланхтона носили не реакционный, а скорее компромиссный характер, а написанное им произведение служило для распространения лютеранской историко-церковной концепции в массах, а не для дальнейшего её углубления. Идеи же Себастьяна Франка были, несмотря на свою неординарность, широко распространены среди читающего общества – об этом говорит хотя бы большое количество переизданий, явных спутников коммерческого успеха книги в XVI в.

С. Ферхёйс склонялся к возможности сопоставления взглядов Франка с идеями «Магдебургских Центурий» [3. С. 95ff; 10]. Историк ставит в заслугу Франку то обстоятельство, что он превратил светскую историю из некоего приложения к Священной в отдельную самостоятельную дисциплину, однако к такому странному выводу можно прийти, только сравнивая «Хронику» с «Магдебургскими Центуриями» – произведением, написанным значительно позже и целиком посвящённым истории христианской церкви. На самом деле заслугой Франка было скорее признание равноправия светской и церковной истории христианской эры, священных и светских источников. Обсуждая многие темы, характерные для лютеранской историографии Церкви 1530-х гг. (бенефиции, сложная церковная иерархия, симония и прочие злоупотребления), он выделит их из контекста более общей проблемы отношений между церковной и светской властями. Более поздняя лютеранская историография будет в целом избегать такого выделения, однако, если сопоставлять «Хронику» с современными ей произведениями, то оригинальность подхода С. Франка станет очевидной.

Франк, в отличие от Меланхтона, например, ясно осознаёт различие между «видимой» и «невидимой» Церковью, т.е. между Церковью как институцией и как совокупностью всех христиан, вселенской христианской общиной. В этом отношении Франк действительно оказался далеко впереди своего времени; эта линия получит своё развитие лишь в «Магдебургских Центуриях». Впрочем, в «Исторической Библии» вышеуказанное различие развёрнуто не формулируется, что приводит к определённым противоречиям. Преодолеть его в рамках данной работы оказалось Франку не под силу; это будет сделано в позднейшей лютеранской историографии. Расхожий тезис об оппозиционности Франка Лютеру и его теологии, в частности, был существенно уточнён в трудах Хорста Вайгельта [4. С. 39–52; 11]. В науке XX–XXI вв. принято в целом несколько абсолютизировать конфронтацию Франка и «ортодоксального» лютеранства; нам представляется, что более плодотворно было бы рассматривать исторические произведения Франка как важный элемент межконфессиональной полемики, в ряде позиций обнаруживающий богословскую и мировоззренческую самостоятельность.

В отличие от большинства своих современников, Франк по-новому определяет цель своего труда. От-

ринув традиционные для позднего гуманизма рассуждения об утилитарности истории или её способности «развлекать и учить», он неоднократно говорит о «свидетельстве» (*Zeugnis*), которое представляет его книга о былых временах, и «суде» (*Gericht*), на который будет способен читатель после прочтения книги. Тем самым читатель возносится на небывалую для историографии XVI в. высоту, с которой он будет судить былые эпохи и их деятелей, опираясь на «свидетельские показания» истории. Ян-Дирк Мюллер отмечал [4. S. 21f], что Франк «не хотел» быть автором: по его собственному мнению, он лишь передавал определённые сведения о явлениях, первопричиной которых была Божья воля. Сам Франк прибегал для описания своей роли в создании труда к неожиданным и красочным метафорам: о собирающем растения аптекаре, о храмовом сосуде, которым пользуются по надобности, а также (очень смело) о собственном «воровстве» из сокровищницы фактов или о «попрошайничестве» [7. T. 1. S. aiii]. На многих страницах своего труда он претендует лишь на то, чтобы свидетельствовать, а не чтобы поучать. На титульном листе его «Хроники» присутствует гордое упоминание о том, что ничего подобного на немецком языке ещё не появлялось: в этом видел Франк свою основную заслугу. Такое позиционирование автора, наряду с совершенно необычным отношением к читателю, добавляло оригинальности авторской концепции и при-

влекало дополнительное внимание к публикации. Последователей в этом смысле в XVI в. у Франка не обнаружилось.

«Хроника» Себастьяна Франка была одним из первых сочинений протестантской историографии Церкви. Несмотря на следование в целом распространённым моделям (деление всемирной истории на эпохи, последовательность императоров как основной сюжетный стержень, «перенос империи» и пр.), автору удалось создать полностью самостоятельную концепцию, благодаря множеству переизданий закрепившуюся среди читающей немецкоязычной публики эпохи Реформации. Созданная концепция охватывает множество сюжетов, охватывающих, помимо истории, различные отрасли богословия, практической политики, канонического права. Некоторые отмеченные аспекты исторической концепции Себастьяна Франка (отказ от трактовки Писания как доминирующего исторического источника, расширительное понимание термина «ересь» и пр.) содержали в зародыше причины будущих конфликтов внутри протестантского лагеря. Тем не менее социальные взгляды Франка, его оригинальная интерпретация взаимоотношений между историком, его текстом и читателем были очевидным вкладом в общую эволюцию исторического знания, а его концепция церковной истории стала важным элементом межконфессиональной полемики, развернувшейся в церковной историографии XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Onken H. Sebastian Franck als Historiker // *Historisch-politische Aufsätze und Reden*. München-Berlin, 1914.
2. Леон В.Г. Исторические взгляды Себастьяна Франка // *Средние века*. М., 1955. Т. 6. С. 268–294.
3. Verheus S.L. *Zeugnis und Gericht: kirchengeschichtliche Betrachtungen bei Sebastian Franck und Matthias Flacius*. Nieuwkoop, 1971.
4. Sebastian Franck (1499–1542). Hrg. von J.-D. Müller. Wiesbaden, 1993.
5. *Архив Маркса и Энгельса*. М.: Госполитиздат, 1940. Т. 7.
6. *История Средних веков* / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М., 1991.
7. Franck S. *Chronica, Zeytbuch und geschicht bibel von anbegyn biß inn diß gegenwertig M.D.xxxj. jar: Darinn beide Gottes vnd der welt lauff, handel, art, wort, werck, thun, lassen, krieges, wesen, und leben ersehen und begriffen wirt. Mit vil wunderbarlichen gedechtniß würdigen worten und thaten* [...]. Straßburg, 1531.
8. Егоров Д.Н. История Средних веков (историография и источниковедение). М., 1913. С. 60.
9. *Chronica Ioannis Carionis. Halae Suevorum*, 1537.
10. *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica*. 13 vv. Basileae, Oporinus, 1559–1574.
11. Weigelt H. Sebastian Franck und die lutherische Reformation. Gütersloh, 1972.

Andronov Ilya E. Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mistermatto@mail.ru

SEBASTIAN FRANCK AS CHURCH HISTORIAN.

Keywords: Church history; Lutheran historiography.

Sebastian Franck exposed his original view of the Church history in the third volume of his major work “Chronica, Zeitbuch und Geschichtsbibel” (1531). Dedicated mainly to the universal chronological pattern, the Franck’s work did not exclude the Church history matters from the more general reconstruction. While the first volume of his “Chronica” dealt with the Old Testament history, the second and the third ones were dedicated respectively to the secular and Church history of the Christian age. One of the most important features was the large use of information on pagan deities and rites which was incorporated into the chronological scheme of the Old Testament history. The backbone of Sebastian Franck’s conception was the line of Emperors which was built according to the author’s vision of power continuity. It started with August and continued with Roman Emperors. The VIII century crisis allowed to transfer the symbolic value of the imperial power to the Emperors of the West and later to those of the Holy Roman Empire, according to the popular concept of *translatio imperii*. While the above-mentioned division into parts was a certain common place in the historiography of that time, it was the interpretation which enables us to point to the “Chronica” as a really innovative work. The originality of Franck’s conception consisted in his ability to fill the general stereotyped pattern with a keen social content. But, despite the common opinion, Franck’s conception does not seem that democratic. His sympathies towards monarchy can be easily proved. Another peculiarity of “Chronica” consisted in the interpretation of the idea of “visible” and “invisible” Church; both of them have a delicate relationship to the Christian doc-

trine. Furthermore, the Franck's views of the purposes of his work in particular and of those of a global historical reconstruction in general are to be mentioned. The conceptions of Sebastian Franck's "Chronica", as well as some of his statements on the Church history, made a considerable influence on the inter-confessional dispute of the XVIth century in the field of the Church historiography.

REFERENCES

1. Onken H. *Sebast'yan Frank kak istorik* [Sebastian Frank as a historian]. In: *Istoriko-politicheskie stat'i i rechi* [Historical and political articles and speeches]. Munich-Berlin, 1914.
2. Leven V.G. *Istoricheskie vzglyady Sebast'yana Franka* [Historical views of Sebastian Franck]. In: *Srednie veka* [Middle Ages]. Moscow, 1955. Vol. 6, pp. 268-294.
3. Verheus S.L. *Svidetel'stvo i sud: tserkovno-istoricheskie rassmotreniya u Sebast'yana Franka i Mattiasa Flatsiusa* [Testimony and court: Church and historical review of Sebastian Franck and Matthias Flatsius]. Nieuwkoop, 1971.
4. Müller von J.-D. *Sebastian Franck (1499–1542)*. Wiesbaden, 1993.
5. *Arkhiv Marksa i Engel'sa* [The Archives of Marx and Engels]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1940. Vol. 7.
6. Udaltsova Z.V., Karpov S.P. (eds.) *Istoriya srednikh vekov* [History of the Middle Ages]. Moscow, 1991.
7. "Khronika, letopis' i istoricheskaya Bibliya ot nachala do nashogo 1530 goda, v kotoruyu vklyucheny i v kotoroy opisany deyaniya Gospoda i sveta, trgovlya, iskusstvo, literatura, trud, sversheniya i povedenie, voyny, znaniya i zhizn'. So mnozhestvom zamechatel'nykh faktov, dostoinnykh upominaniya slov i deyanii" [Chronicles and Historical Bible from beginning to our 1530 which includes and which describes the activities of the Lord and the World, Trade, Art, Literature, Work, Achievements and Behavior, War, Knowledge and Life. With a variety of remarkable facts, words and deeds worth mentioning]. Strasburg, 1531.
8. Egorov D.N. *Istoriya srednikh vekov (istoriografiya i istochnikovedenie)* [The history of the Middle Ages (Historiography and source studies)]. Moscow, 1913, p. 60.
9. *Chronica Ioannis Carionis*. Halae Suevorum, 1537.
10. *Tserkovnaya istoriya, sodержashchaya polnost'yu ideyu Khristovoy tserkvi v tom, chto kasaetsya mesta, rasprostraneniya, presledovaniy i spokoystviya, ucheniya, eresey, ritualov, upravleniya, raskolov, Soborov, personazhey, chudes, muchenichestva, drugikh religiy i politicheskogo polozheniya Imperii, i izlagayushchaya eto v yasnom poryadke po otdel'nym stoletiyam: s unikal'nym userdiem i tochnost'yu sobrannaya iz drevney-shikh i luchshikh istorikov, Ottsov tserkvi i drugikh pisateley neskol'kimi uchenymi i blagonamerennymi muzhami v gorode Magdeburge* [Ecclesiastical History, comprising entirely the idea of Church of Christ in regard to the place of distribution, extension and safety, teaching, heresies, rituals, management, splits, councils, characters, miracles, martyrdom, other religions and political situation of the Empire, and stating this in a clear way by individual centuries: with a unique zeal and precision collected from the oldest and best historians, Church Fathers and other writers by several scientists and well-meaning men of the city of Magdeburg]. Bazel', 1559–1574.
11. Weigelt H. *Sebast'yan Frank i lyuteranskaya reformatsiya* [Sebastian Frank and the Lutheran Reformation]. Gütersloh, 1972.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 903.22(574.3):7.031

А.З. Бейсенов

КИНЖАЛ С ЗООМОРФНЫМ ДЕКОРОМ САКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Предлагается культурно-хронологическая атрибуция случайной находки кинжала из Центрального Казахстана. Приводится ряд аналогий, позволяющих датировать предмет вооружения VI–V вв. до н.э. Наиболее близкие аналогии кинжалу из Темирши выявлены в восточной части скифо-сакского мира. Вызывает интерес декор перекрестья кинжала, который, вероятно, встречается впервые для культуры ранних кочевников. Художественные приемы, которые были использованы в декоре перекрестья кинжала, обычно применялись для передачи фактуры рогов копытных животных. Однако в данном случае нельзя уверенно говорить о конкретном образе, который был воплощен.

Ключевые слова: кинжал; Центральный Казахстан; гора Темирши; сакская культура; образ орлиных грифонов; искусство.

В статье пойдет речь о случайной находке железного кинжала (рис. 1) у горы Темирши в Центральном Казахстане, в территориально-административном отношении находящейся в Каркаралинском районе Карагандинской области. Предмет был обнаружен пастухами в 1978 г. и в дальнейшем был передан в Карагандинский областной музей. В ходе повторного осмотра автором места нахождения кинжала в 2011 г. на этой местности раскопанных или потревоженных курганов не обнаружено. Район горы Темирши, что в переводе с казахского языка означает «железоделатель», т.е. мастер, работающий по железу, «кузнец», богат курганами раннего железного века. В 2010–2012 гг. автором в ходе разведок здесь выявлено свыше 20 могильников и одиночных курганов. Данная территория входит в ареал тасмолинской культуры Центрального Казахстана.

Кинжал имеет длину 26 см, навершие оформлено в виде двух скульптурных голов орлиных грифонов, обращенных друг к другу. У хищных существ показан округлый глаз, выделена прямая восковица, загнутый вниз под прямым углом клюв, острие которого упирается в шею. Интерес представляют уши – они разные. У одного из существ оно показано округлым, со спиралевидным завитком внутри, у второго – листовидное. Под навершием кинжала расположена узкая колодка. Рукоять рубчатая, по центру расположены 8 спиралевидных завитков друг над другом в ряд. Бабочковидное перекрестье оконтурено валиком с косыми насечками, имитирующими жгутик, декорировано двумя рядами скобок (и подобных элементов) с округлым выступом с одного конца – возможно, символическое изображение копытного с округлым глазом. Скобки обращены в противоположные стороны на двух крыльях перекрестья. Клинок с плавно сужающимися к острию краями и ребром жесткости, ромбовидный в сечении. Ширина перекрестья – 4,9 см.

Согласно имеющимся данным, такие кинжалы были широко распространены на территории восточной части Евразии в эпоху ранних кочевников. Так, С.С. Иванов, анализируя предметы вооружения на территории Жетысу и Тянь-Шаня, выделяет в группе 2 (кинжалы с зооморфным навершием) типы предметов вооружения с почковидным (тип 1) и бабочковидным (тип 2) перекрестьями. Кинжалы из этого региона автор датирует V, V–IV вв. до н.э. [1].

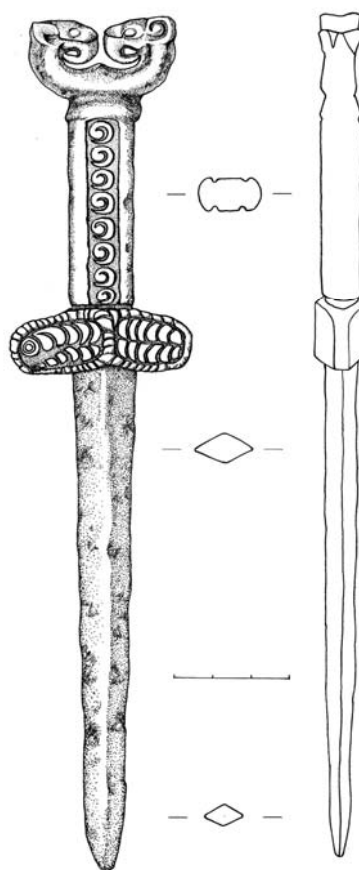

Рис. 1. Кинжал. Горы Темирши, Центральный Казахстан

В.Н. Васильев выделяет на Южном Урале мечи и кинжалы конца VI – начала IV вв. до н.э., среди которых тип 2 – мечи и кинжалы с сердцевидным и широким бабочковидным перекрестьем. Они включают предметы вооружения с зооморфным навершием. Автор монографии считает их древнейшей формой скифского клинкового оружия. Время бытования их не выходит за пределы VII в. до н.э. Что касается вопроса происхождения мечей и кинжалов типа 2 у кочевников региона, – такая форма оружия, по мнению автора монографии, была привнесена в южноуральские степи извне, уже в сложившемся виде. Точно датированные акинаки рассматриваемого типа появляются только в конце VI в. до н.э. и функционируют в течение одного столетия [2. С. 32–35].

Типологические аналоги кинжалу в западном регионе можно найти в мог. Покровка, к. 2. По определению Е.Ф. Корольковой, такие навершия на кинжалах представляют симметричные композиции из сдвоенных протом, построенных на S-образной кривой [3. Табл. 47, 2].

Аналогии кинжалам с грифоновыми головками прослеживаются на востоке, основной ареал – районы Минусинской котловины и Казахстана, где автор видит близкое стилистическое сходство изображений. Типологически сходные изделия известны в кургане Иссык и среди находок Центральной Азии. Большинство таких кинжалов имеет бабочковидное перекрестье. В западных регионах скифо-сакского мира изображения грифонов иконографически и стилистически отличаются. Трактовка грифоновых головок на изделиях из Казахстана и Южной Сибири, как выяснила Е.Ф. Королькова, отличается большей фигурностью и рельефностью изображений.

Прослежено стилистическое единство изображений головок хищных птиц на минусинских и казахстанских кинжалах, приуральских пряжках из Нового Кумака и Бесобы с резными деревянными украшениями конского оголовья и нагрудного ремня из 1-го Туэктинского кургана. Все они, как считает Е.Ф. Королькова, должны рассматриваться как принадлежащие к некоему единому культурному кругу [3. С. 58, 59].

На основе стилистических параллелей и типологически близких категорий предметов на территории Южного Приуралья, Казахстана, Алтая, Южной Сибири и Северного Китая прослежено направление культурных связей, выявлен круг близких в стилистическом отношении памятников VI–V вв. до н.э. В отношении образа орлиных грифонов корни таких художественных традиций лежат в искусстве сакских и алтайских племен скифского времени [3. С. 61].

В коллекции Государственного Эрмитажа выделяется серия кинжалов с навершием в виде двух голов грифонов, соприкасающихся клювами, как бронзовые, так и биметаллические из Минусинской котловины. Среди них можно назвать кинжалы кат. 204 (с объемными головами хищных птиц на общей изогнутой шее,

перекрестье выполнено в виде двух рельефных голов волков. V–IV вв. до н.э.); кат. 201 (биметаллический, с изображением грифонов на навершии и волков на перекрестье, рукоять рубчатая, по клинку – нервюра. V–IV вв. до н.э.); кат. 202 (железный кинжал, навершие в виде голов грифонов, перекрестье в виде рельефных изображений волков. V–IV вв. до н.э.); кат. 203 (навершие – головы хищных птиц, на перекрестье – изображения волков. V–IV вв. до н.э.); кат. 204 (биметаллический; на навершии – объемные головы хищных птиц, на перекрестье – головы волков, по клинку проходит нервюра. V–IV вв. до н.э.); кат. 214 (железный, навершие – в виде соприкасающихся клювами грифонов, на перекрестье – головы грифонов, соприкасающиеся затылками; рукоять украшена S-видными завитками); кат. 215 (навершие в виде головок грифонов, перекрестье бабочковидное, рукоять рубчатая. V в. до н.э.) [4]. Стоит заметить, что художественные особенности грифонов на навершиях кинжалов из Минусы значительно различаются: передача глаз, клюва, восковицы. В последнее время прослеживается тенденция к удревнению таких кинжалов.

Анализируя образ хищника в искусстве древних кочевников, Е.С. Богданов выделяет в пределах V в. до н.э. серию железных и биметаллических кинжалов из Минусинской котловины с объемно-рельефными изображениями хищников на перекрестьях. Навершия украшены двумя объемными головами грифов на общей шее, соприкасающихся клювами, а перекрестье представлено в виде двух «перевернутых» фигур скорченных волкообразных хищников. Е.С. Богданов соглашается с В.Д. Кубаревым в том, что эта форма двигалась из Западного Казахстана на Алтай, потом в Туву и Монголию, а затем уже в Минусинскую котловину [5. Табл. XC, 3. С. 90].

Кинжалы с навершием в виде голов орлиных грифонов из фондов музеев Казахстана опубликованы в нескольких изданиях.

Железный с бабочковидным перекрестьем и ушастыми грифонами на навершии, с рубчатой рукоятью – случайная находка из Восточно-Казахстанской области V–III вв. до н.э. Бронзовый кинжал с бабочковидным перекрестьем, головы грифонов на навершии имеют мощные, но притупленные клювы, восковица очень слабо намечена, щеки округлые, уши прижаты к голове, глаза проработаны в нижней половине. Узкая колодка [6. С. 74–76; 7. С. 88].

На территории Восточного Казахстана известен железный кинжал, перекрестье и рукоять которого украшены изображениями волков (видимо, два волка с обернутой назад головой друг над другом), а навершие – протомами ушастых грифонов. По клинку проходит нервюра (Славянка, случайная находка). Колодка тоже декорирована. Изображения грифонов отличаются от центрально-казахстанских: они более вытянуты, нет выступа посередине между головами на общей шее. У изображений из Темирши глаза меньше, клювы тоньше и длиннее [7. С. 73].

Несколько кинжалов с навершием в виде голов двух орлиных грифонов хранятся в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан: бронзовый, длиной 24,9 см из Костанайской обл., рукоять украшена каннелюрами, с 4 желобками на клинке. V в. до н.э.; кинжал железный, длиной 24,1 см, с бабочковидным перекрестьем и узкой колодкой, рубчатой рукоятью, случайная находка из Алма-Атинской обл. 1965 г., V–IV вв. до н.э. (Центральный музей Казахстана. Книга поступлений № 10646); кинжал длиной 22,9 см из г. Алма-Аты 1988 г., с навершием в виде стилизованных голов орлиных грифонов, с узкой колодкой, на уплощенной рукояти есть прямоугольное углубление, заполненное декором в виде дуг, перекрестье бабочковидное, V–IV вв. до н.э. (Центральный музей Казахстана. Книга поступлений № 26806) [8].

В серии кинжалов бронзовых и биметаллических с зооморфным навершием интерес представляет экземпляр с перекрестьем в виде стилизованных голов хищников и с рядом «скобочек» по рукояти, развернутых в противоположные стороны, из Красноярского краеведческого музея [9. Рис. 1, 6].

Декор в виде скобочек и спиралевидных завитков, видимо, – один из значимых символов. На кинжале раннескифского времени из Шемонаихи, имеющем сегментовидное навершие, края рукояти волнистые и с орнаментом в 2 ряда в виде спиралевидных завитков, на перекрестье также есть по одному орнаментальному элементу, перекрестье бабочковидное узкое. Прослеживается узкая колодка. Эти элементы декора перекликаются с декором на рукояти кинжала из Центрального Казахстана – Нурманбет IV [10. Рис. 60, 4. 11. Рис. 38, 1].

На основе классификации предметов вооружения скифского времени Средней Катуни специалисты выделяют бронзовые кинжалы с навершием в виде голов грифонов, обращенных друг к другу в отдел 1. Тип 2 – с бабочковидным перекрестьем, рубчатой рукоятью и ребром жесткости на клинке, слегка суживающимися к острию сторонами. Среди кинжалов этого типа называются предметы вооружения из мог. Тыткескень VI, к. 4; Кайнду, к. 2; Кара-Тенеш. Приводятся аналоги – из мог. Нурманбет IV, из Красноярского края (д. Таскино), окрестностей Алма-Аты, в Барнаульском Приобье (у с. Рогозиха, с. Клепиково, Староалейка 2, м. 56). В целом, по мнению авторов, такой тип кинжалов распространен широко – от Северного Причерноморья до Минусинской котловины, наибольшее количество отмечено в Минусинской котловине (с VI в. до н.э.). Время бытования – конец VI–V вв. до н.э. На рукояти кинжала из Тыткескени нанесены изображения орлиных грифонов, в том числе, видимо, сильно стилизованные, передаваемые с помощью спиралевидных завитков. Передача образа грифона на кинжале из Тыткескень VI отличается от нашего – уши на перекрестье округлые со спиралевидным завитком внутри, но восковица у всех больше, шире. На оружии из Кайнду грифон показан более схематично, глаза только обо-

значены, уши выступом намечены, небольшие, клюв очень большой с ротовой щелью, есть колодка.

Авторы монографии приводят мнения специалистов о размерах настоящих кинжалов: по мнению А.С. Суразакова, длина настоящих курганов должна составлять 27–40 см, В.Д. Кубарева – 35–40 см. Судя по размерам кинжалов из Казахстана, их длина обычно составляет менее 27 см, за исключением кинжала из Нурманбет IV (32 см) [12. С. 54, 56–57, 103].

В.Д. Кубарев на основе материалов курганов Уландрыка выделяет кинжалы 1-го типа – с навершием и перекрестьем в виде двух противопоставленных голов грифов, с узкой рубчатой рукоятью и узким ромбовидным в сечении клинком с ребром. Он считает, что длина настоящих кинжалов составляет 35–40 см, имитации кинжалов из Уландрыка имеют длину 19–22,5 см. Из кинжалов Уландрыка, укладываемых в интервал VI–I вв. до н.э., считает, что типы 1 и 2 – самые древние. Приводит аналоги находок железных грифовых кинжалов VI–V вв. до н.э. из савроматских курганов Западного Казахстана [13. Рис. 20, 1. С. 54–57].

Со второй половины VI по вторую половину V в. до н.э. датирует железный кинжал из Северного Китая П.И. Шульга. Железный кинжал длиной 28 см найден на поверхности кургана в Сяотунгоу из района Хами. Навершие выполнено в виде противопоставленных головок хищной птицы, ранний тип бабочковидного перекрестия [14. С. 77. Рис. 79, 5a].

Возможно, наиболее близкую аналогию кинжалу из Центрального Казахстана представляет кинжал из мог. Рогозиха-1. Железный кинжал длиной 27 см, навершие выполнено в виде обращенных друг к другу головок мифических орлов, перекрестье бабочковидное. На рукояти с обеих сторон изображено по две последовательно расположенных фигурки сайги. Аналогии авторы монографии выявляют в горах Алтая, в Минусинской котловине, Туве, Казахстане и на территориях к западу. Датируются в диапазоне VI–IV вв. до н.э., но подавляющее большинство – 2-я пол. VI – 1-я пол. V в. до н.э. Авторы считают, что в восточной части скифского мира образ мифического орла появляется лишь в середине VI в. до н.э. Головы мифических орлов из Южной Сибири и Казахстана отличаются однотипностью: они не имеют хохолоков, гривы, гребня, завиток уха направлен в сторону клюва; восковицы прямые, клювы загнут, но не в спираль; восковицы почти соприкасаются, клювы образуют с ними прямой угол. В раннепазырыкское время на Алтае и прилегающих территориях Южного Приуралья на западе существовал особый, помещаемый только на навершиях и перекрестиях кинжалов тип головки мифического орла, совмещающий западные и восточные черты [15. Рис. 56; 8. С. 58, 59].

Исходя из приведенного краткого обзора аналогий кинжалу, найденному у горы с символическим названием Темирши, можно предположить его датировку: VI в. – 1-я половина V в. до н.э. Разная форма уха у

грифонов на навершии кинжала, вероятно, не является хронологическим маркером. Листовидная форма уха встречается в раннескифское время на изображениях кошачьих хищников, например на бляшках из могильника Талды-2 VII–VI вв. до н.э. [16. С. 15]. Возможно, это один из вариантов, образованных в процессе обработки образа грифона. Кинжал из Рогозики-1 привлекает особое внимание в связи с тем, что на его рукояти имеются изображения сайги. Перекрестие кинжала, найденного у горы Темирши, возможно, представляет собой стилизованное изображение сайги. Передача рогов таким художественным приемом прослеживается в памятниках раннескифского времени (Аржан-2, могила 5, нож, кинжал, гривна [17. Табл. 10, 11, 61, 65]; Талды-2 на пронизях [16. С. 18]. На золотой пронизи из Тургая хорошо переданы круглые глаза сайги и лирообразные рога с характерной передачей фактуры [19. Ил. 33].

Можно предположить, что декор такого предмета вооружения, как кинжал, дублировал его свойства, назначение. Соединение в оформлении предмета образов хищной птицы или орлиного грифона и копытного – известный прием, выявленный для памятников раннесакского времени (Жалаулы, Шиликты, Талды-2). Сцена терзания копытного животного хищником или мифическим синкретическим существом, характерная для искусства древних кочевников, имела различные

формы выражения, в том числе и в виде совмещения в декоре одного предмета образов хищника (хищной птицы) и стилизованного копытного. Примером тому могут служить прекрасный образец из знакового кургана Аржан-2 (наконечник стрелы) [17. Табл. 24, 3].

Такой элемент декора, как спиралевидный завиток и «запятая», встречаемый в декоре предметов вооружения, в том числе и на атрибутируемом кинжале, не случаен. Вероятно, прав П.И. Шульга: это «знаки-символы, имеющие свою длительную историю, непосредственно связанную с более реалистичными и понятными образами». Запятая – многозначный символ [18. С. 190]. Возможно, в искусстве Южной Сибири VI–IV вв. до н.э. как условный знак, маркирующий присутствие орла, она применялась не только на сбруйных и поясных бляшках, но и на кинжалах и других предметах вооружения [16. С. 15; 17. Табл. 8, 9, 27]. Материал из могильников раннескифского времени в Центральном Казахстане Талды-2 и Аржан-2 в Туве позволяет предположить, что помимо спиралевидного завитка образ мифического орла передавался вполне узнаваемыми приемами с завитка с обозначением хохолка.

Более поздние изображения орлиных грифонов на кинжале из Иссика (IV–III вв. до н.э.), например, или на акинаке из Филипповки показаны уже с гребнями (конец V – начало IV в. до н.э.) [20. Табл. 22–24. С. 104–105; 21. Кат. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов С.С. Кинжалы ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 37–41.
2. Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа : Гилем, 2001. 153 с.
3. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
4. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л. : Искусство, 1983. 190 с.
5. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. 240 с.
6. Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы : ОФ «Берел», 2003. 336 с.
7. Самашев З., Ермолаева А., Куц Г. Древние сокровища Казахского Алтая. Алматы : Онер, 2008. 200 с.
8. Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. Научный каталог. Алматы : Онер, 2011. 320 с.
9. Макаров Н.П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2013. Вып. 26. С. 68–76.
10. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. 232 с., ил.
11. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. С. 303–433.
12. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с., ил.
13. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 301 с.
14. Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010. 238 с.
15. Уманский А.П., Шамишин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозики-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с., ил.
16. Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. Алматы : Хикари, 2011. 32 с.
17. Sigitov K.V., Parzinger H., Nagler A. Arzan 2 in Tuva. Berlin, 2010. 330 s., 153 tafl.
18. Шульга П.И. О стилизованных образах орла и грифона VII–IV вв. до н.э. в Южной Сибири // История и культура Востока Азии : матер. Междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 186–191.
19. Артамонов М.И. Сокровища саков. М. : Искусство, 1973. 280 с.
20. Акишев К.А. Курганы Иссика. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 132 с.
21. Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб. : ГЭ, 2001. 247 с.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru

DAGGER WITH THE ZOOMORPHIC DECOR OF THE SAK TIME FROM THE CENTRAL KAZAKHSTAN.

Keywords: dagger; Central Kazakhstan; the mountain Temirshi; sak culture; image of eagle griffins; art.

The iron dagger with a zoomorphic decor was found near the Temirshi mountain in Central Kazakhstan. The object was found by shepherds in 1978 and subsequently transferred to the regional museum of Karaganda. During the repeated investigation of the dagger's location in 2011, no barrows were revealed in this district. The area of the Temirshi mountain, what is translated from the Kazakh language as "artisan of iron (smith)", is rich with barrows of the early Iron Age. In 2010–2012 the author discovered over 20 burial grounds and single barrows there. The topping of the dagger from Temirshi is decorated in the form of two sculptural heads of the eagle griffins which are turned to each other. The length of the dagger is 26 cm. The analysis of the available data shows that analogies to daggers with vulture heads are traced in the East, the main areas being regions of the Minusinsk Hollow and Kazakhstan where stylistic similarity of zoomorphic images is traced. Typologically similar products are known in the barrow Issyk (Zhetysay, Kazakhstan) and among Central Asian findings. The majority of such daggers has a butterfly crossline. In the western regions of the Scythian-Sak world the griffin images differ ichnographically and stylistically. On the basis of stylistic parallels and typologically close categories of objects in the territory of the Southern Ural area, Kazakhstan, Sayan-Altai, Northern China the direction of cultural ties is tracked and the range of stylistically close monuments from the VI – V centuries BC is revealed. As for the images of eagle griffins, the roots of such art traditions lie in the art of the Sak and Altai tribes of the Scythian time. Probably, the closest analogy to a dagger from the Central Kazakhstan is presented by an iron dagger from the burial ground Rogozikha-1 on the left bank of the Ob in the Altai territory. The heads of mythical eagles from Southern Siberia and Kazakhstan differ by their uniformity: they have no cops, manes, crests, their beak is bent, but not in the form of a spiral and etc. In the early pazyryk time in Altai and the adjacent territories of the Southern Ural area there was a special form of the mythical eagle's head, placed only on toppings and dagger cross lines and combining Western and Eastern features. Relying on the provided short review of analogies to the dagger found in the mountain with the symbolical name Temirshi, it is possible to assume that it dates back to the VI – 1st half of the V century BC. In the ancient time the decor of such object of armory as a dagger duplicated its properties and mission. The combination of the images of a bird of prey or an eagle griffin with the hoofed animal in the décor of the subject is a well-known technique revealed in the monuments of the early Sak time (Zhalauly, Shilikty, Taldy-2). The scene of a torment of a hoofed animal by a predator or a mythical syncretic being is common for the art of ancient nomads. It had various forms of expression, including the form of combination in the decor of an object of predator images (bird of prey) and stylized hoofed animals.

REFERENCES

1. Ivanov S.S. *Kinzhal'y rannikh kochevnikov Semirech'ya i Tyan'-Shanya* [Daggers of Early Nomads of Semirechie and Tien Shan]. In: Tishkin A.A. (ed.) *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noy Azii* [Ancient and Medieval nomads of Central Asia]. Barnaul: Azbuka Publ., 2008. pp. 37-41.
2. Vasil'ev V.N. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI-II vv. do nashey ery* [Weapon and military service of the nomads of the South Urals in 6th-2nd centuries BC]. Ufa: Gilem Publ., 2001. 153 p.
3. Korol'kova E.F. *Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinalozhnosti* [Animal style of Eurasia. Arts of the Lower Volga and Southern Urals tribes in the Scythian Epoch (6th-4th BC.). Problems of style and ethno-cultural identity]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006. 272 p.
4. Zavutukhina M.P. *Drevnee iskustvo na Enisee. Skifskoe vremya* [Ancient art on the Yenisei. Scythian Time]. Leningrad: Iskustvo Publ., 1983. 190 p.
5. Bogdanov E.S. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskustve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya)* [The image of predator in the plastic art of the nomads of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition)]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2006. 240 p.
6. Tasmagambetov I. *Kentavry Velikoy stepi. Khudozhestvennaya kul'tura drevnikh kochevnikov* [Centaurs of the Great Steppe. Artistic culture of the Ancient nomads]. Almaty: OF Berel Publ., 2003. 336 p.
7. Samashev Z., Ermolaeva A., Kushch G. *Drevnie sokrovishcha Kazakhskogo Altaya* [Ancient treasures of Kazakh Altai]. Almaty: Oner Publ., 2008. 200 p.
8. *Kul'tura sakov i usuney Kazakhstana v arkhologicheskikh kollektsiyakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazakhstan* [The culture of Saks and Usuns of Kazakhstan in the archaeological collections of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Oner Publ., 2011. 320 p.
9. Makarov N.P. *Khudozhestvennaya bronza rannego zheleznoogo veka v fondakh Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya* [Art bronze of the Early Iron Age in the funds of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo, 2013. Issue 26, pp. 68-76.
10. Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [The Scythian epoch of the Altai Mountains]. Barnaul: Altai University Publ., 1997. Part I, 232 p.
11. Kadyrbaev M.K. *Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury* [Monuments of Tasmolinsk culture]. In: Margulan A.Kh. (ed.) *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1966, pp. 303-433.
12. Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [The Scythian epoch of the Altai Mountains]. Barnaul: Altai University Publ., 2004. Part 3, 292 p.
13. Kubarev V.D. *Kurgany Ulandryka* [Ulandryk Mounds]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 301 p.
14. Shul'ga P.I. *Sin'tsyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya)* [Xinjiang in 8th-3rd BC (Funerary complexes. Chronology and periodization)]. Barnaul: AltGU Publ., 2010. 238 p.
15. Umanskiy A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi* [The burial ground of Skif Time Rogozikha-1 on the left bank of the Ob River]. Barnaul: Altai University Publ., 2005. 204 p.
16. Beysenov A.Z. *Saryarka – kolybel' stepnoy tsivilizatsii* [SaryArka – the cradle of the Steppe civilization]. Almaty: Khikari Publ., 2011. 32 p.
17. Cugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. *Arzan 2 in Tuva*. Berlin, 2010. 330 p.
18. Shul'ga P.I. [About stylized images of the eagle and griffin of the 7th-4th BC in South Siberia]. *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii: mater. mezhdunar. nauch. konf.* [History and Culture of East Asia. Proc. of International Scientific Conference]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2002. Vol. 2, pp. 186-191. (In Russian).
19. Artamonov M.I. *Sokrovishcha sakov* [Treasures of Saks]. Moscow: Iskustvo Publ., 1973. 280 p.
20. Akishev K.A. *Kurgan Issyk. Iskustvo sakov Kazakhstana* [The Issyk Barrow. The Art of Saks of Kazakhstan]. Moscow: Iskustvo Publ., 1978. 132 p.
21. *Zoloty e oleni Evrazii. Katalog vystavki* [Golden deer of Eurasia. The Exhibition Catalogue]. St.Petersburg: GE Publ., 2001. 247 p.

П.В. Герман, А.С. Савельева

РУДОЗНАТЕЦ ДМИТРИЙ ПОПОВ И ЧУДСКИЕ КОПИ: К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ РУДНЫХ ВЫРАБОТКАХ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИСАЛАИРЬЕ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (научный проект №13-11-42002), а также в рамках Соглашения № 8 от 1.04.2014 г. с Департаментом образования и науки Кемеровской области о поддержке гуманитарных научных исследований.

Освещается проблема эксплуатации полиметаллических месторождений Северо-Восточного Присалаирья в древности. Приводятся данные архивных документов, подтверждающих факт фиксации рудознатцем Д. Поповым в XVIII в. следов древних рудных выработок. На основании наличия чудских копей, картографирования приисков и высокой концентрации археологических памятников эпох палеометалла и Средневековья в Северо-Восточном Присалаирье делается вывод об использовании древним населением местной сырьевой базы в металлургии меди.

Ключевые слова: Северо-Восточное Присалаирье; чудские копии; полиметаллические месторождения; архивные документы; рудозналец Дмитрий Попов; археологические памятники; древняя металлургия бронзы.

Открытия первых полиметаллических месторождений на Алтае относятся к последней трети XVII в. Первое знакомство русского населения с рудными богатствами Южной Сибири связано с обнаружениями чудских копей (или капищ) [1. С. 45]. В 1673 г. возле Телецкого озера кузнецкими казаками А. Федоровым и М. Поповым были обнаружены серебряные «чудские капища» [1. С. 46; 2. С. 8]. Термином «чудские копии» называли древние рудные выработки. Подобные следы горнорудной деятельности могли быть связаны как с собственно добычей, так и с разведкой или транспортировкой рудных минералов [3. С. 93]. Путешественники, участники академических экспедиций, геологи и историки XVIII–XIX вв., описывавшие остатки горного производства, воспринимали их как свидетельства «древнейшего существования добычи металлов у первобытных жителей Сибири» [4. С. 377]. Известные почти повсеместно чудские копии Центральной Азии имели разную рудную специализацию: в Забайкалье производилась добыча медных и оловянных руд; в Саянах и Кузнецком Алатау – медных руд; в Рудном Алтае – медных руд и золота; на территории Северо-Западного Алтая добывались золотые, медные и оловянные руды [5. С. 15].

Последующие открытия полиметаллических месторождений в XVIII в., в первую очередь, были сориентированы на поиск чудских копей. Не обладая особыми знаниями, первые рудознатцы искали в предгорьях Алтая старинные выработки и находили их в большом количестве. Исследователи горного дела на Алтае особо акцентируют важность чудских копей в поисковом деле [6. С. 2; 7. С. 125; 8. С. 4]. Вот как о значимости древних рудников в геологоразведочном деле высказывался исследователь рудников Алтая и Салаира А.А. Шангин: «Народы сии, известные вообще под именем Чудских или Чуди, оставили по себе великие памятники своего просвещения. Мы не можем сказать, чтоб какой-нибудь из всех Колывановских рудников был найден непосредственно, помощью наших знаний

и старания; ибо все они открыты по розсыпям, оставшимся после разработки Чуди. Да ежели и ныне вновь делаются какие-либо открытия, то единственно по показанию сих насыпей» [6. С. 2].

Несмотря на широкую известность алтайских объектов горного дела древности по письменным источникам, к середине XX в. единственными из достоверно известных памятников этого типа, обследованных археологом, были выработки на олово в верховьях Иртыша [9. С. 8]. В 1955 г. был обнаружен древний рудник Владимировка на Алтае [10]. В начале XXI в. объекты горнорудного дела на Алтае изучали барнаульские археологи [11]. Материалы чудских копей указывают на освоенность технологического процесса рудной добычи населением, оставившим объекты подобного рода. Культурно-хронологическая атрибуция, обычно производимая по определенному типу найденной на месте рудников керамики, позволяет говорить об эксплуатации месторождений носителями определенной археологической культуры. Главным результатом изучения древних горных выработок является доказательство начала освоения руд на Алтае уже в период раннебронзового века – населением, оставившим афанасьевскую археологическую культуру (III–II тыс. до н.э.).

Примыкающий к северным отрогам Алтая богатый полиметаллическими месторождениями район Северо-Восточного Присалаирья начали активно разрабатывать в конце XVIII в. В отношении данной территории в литературе упоминаются два прииска, открытых по чудским копиям. Первый, расположенный в устье р. Чечулиха, разрабатывался в 1786–1789 гг. и имеет многочисленные упоминания в публикациях XIX и XX вв. [8. С. 225–227; 12. С. 43, 44; 13. С. 123, 124; 14. С. 450]. Второй, между рр. Беловая и Красноярка, упоминается только в своде Б.С. Митропольского и М.К. Паренаго [15. С. 322].

Таким образом, в нашем распоряжении сведения лишь о двух чудских выработках на медь, расположен-

ных в Северо-Восточном Присалаирье. В то же время на этой территории зафиксированы 76 полиметаллических и медных рудопоявлений [16. С. 219], а также множество археологических памятников эпох палеометалла и Средневековья. Погребальные комплексы данных периодов содержат большое количество разнообразных изделий из бронзы, а на поселениях выявлены объекты и предметы бронзолитейного производства (литейные формы, шишки, шлаки, плески) [17]. В таком контексте представляется очевидным потребность в руде местного населения и логичен поиск сырья на месте своего обитания. Ранее в литературе уже высказывались предположения об использовании местной сырьевой базы населением Салаира в эпоху бронзы [18. С. 63; 19. С. 59], но дальнейшего развития данная гипотеза не получила.

Предположение археологов вполне показательно и нисколько не противоречит историко-металлургической картине, сложившейся в Северной Евразии в эпоху палеометалла. В ее рамках Северо-Восточное Присалаирье принадлежит к Обь-Енисейской контактной зоне двух металлургических провинций – Евразийской и Центральноазиатской [19. С. 30], и она не могла оставаться в стороне не только от процессов металлообработки, но и от процессов рудной добычи. В связи с изучением проблемы выработок на медь древним населением Северо-Восточного Присалаирья мы обратились к архивным материалам, содержащим информацию о первых поисковых работах, проводимых на данной территории в конце XVIII в. администрацией Колывано-Воскресенских заводов.

История освоения полиметаллических руд Северо-Восточного Присалаирья традиционно связывается с именем ссыльного Дмитрия Попова. Краткая биография рудознатца известна нам по работам В.И. Шемелева и М.Е. Сорокина [20. С. 138–141; 21]. Из нее следует, что варнак Д. Попов после восьми лет ссылки в г. Таре прибыл в г. Барнаул с коллекцией минералов, собранных им во время странствий по берегам Иртыша и его притокам в Рудном Алтае. Он был зачислен штатным рудознатцем канцелярии Колывано-Воскресенских заводов и отправлен в Усть-Сосновый острог, откуда совершал свои экспедиции в Присалаирье. Приехав в незнакомую местность, Д. Попов, так же как и другие рудознатцы из народа, в поиске руд руководствовался сообщениями местных жителей и собственной интуицией. В частности, самое известное месторождение, объявленное Д. Поповым, – Салаирский рудник – показал рудознатцу местный житель – ясачный татарин И. Нарышев. Специального образования Д. Попов не имел, но в итоге, за период поисковой деятельности (1780–1799 (?) гг.), открыл не менее 30 рудных месторождений.

На основании сведений из журналов и доношений, сохранившихся в делах из государственных архивов Алтайского края и Кемеровской области, нами был составлен список месторождений, выявленных

Д. Поповым. Архивные сведения позволяют произвести картографирование и выделить основные районы его поисковых работ. Наиболее полная информация о приисках, найденных Д. Поповым, содержится в журналах и «рописях» о приисках Салаирской горной конторы. Подобные журналы составлялись на основании доношений об открытиях и повторных осмотрах приисков. Списки приисков составлялись с различной периодичностью, по мере надобности, и во многом дублировали информацию из предшествующих документов. Количество приисков и их описание в журналах отличалось. Часто встречались несовпадения года открытия прииска, менялись географические ориентиры, добавлялись одни признаки месторождений и не упоминались другие. Среди просмотренных документов наибольшую ценность представляют две сводки салаирских приисков, датированных 1786 г. Первый документ – «Роспись найденным ссыльным Поповым приискам» (далее – «список Попова») [22] – включает месторождения, выявленные в 1780 и 1784 гг. Этот список, составленный на основании доношения Д. Попова от 27 января 1785 г., является приложением к предписанию от 14 января 1786 г. гиттенфервальтеру С.И. Мартину освидетельствовать, «описать по надлежащему, а потом внести на генеральную карту» найденные прииски. Вторым – журнал унтер-шихтмейстера Бессонова за 1785 г. (сдан 31 марта 1786 г.) (далее – журнал Бессонова) [23] – содержит информацию о приисках, открытых Д. Поповым и другими рудознатцами до 1785 г. В таблицах журнала приводятся данные о местонахождении прииска и первооткрывателе. Описания приисков в журнале Бессонова составлены на основе его собственных наблюдений, сделанных в ходе поездки в 1785 г. по объявленным приискам для сбора штуфов. На основании этих документов, а также незначительных дополнений и уточнений из более поздних дел и публикаций был составлен список полиметаллических месторождений, объявленных Д. Поповым. (Помимо открытия полиметаллических руд, Д. Попов объявил ряд месторождений полудрагоценных камней, железа и угля.)

Составление списка приисков преследовало две цели: во-первых, определить местонахождение наиболее доступных для обнаружения медных руд в Северо-Восточном Присалаирье; во-вторых, путем картографирования, сопоставить их локализацию с концентрацией археологических памятников периодов палеометалла и Средневековья. Большинство открытых Д. Поповым месторождений можно разделить по территориальному признаку. Первая группа – бачатская – локализуется в непосредственной близости к Салаирскому руднику и с. Салаирскому (8 приисков). Во вторую – урскую группу – вошли прииски по берегам р. Ур (4 прииска). Третья группа – касьминская – располагается по течению р. Касьмы, вблизи д. Ариничево (3 прииска). В самую крупную, четвертую, группу –

тарсминскую — включены прииски в течении р. Тарсьмы и ее притоков, опоясывающих со всех сторон оз. Танай (15 приисков).

Нижеприведенное описание местонахождений приисков Д. Попова упорядочено по перечисленным груп-

пам. Прииски, известные по опубликованным сводам рудных месторождений [14, 15], имеют наименование. Год открытия прииска указан по архивным источникам. Номера, присвоенные месторождениям, соответствуют номерам на карте (рис. 1).

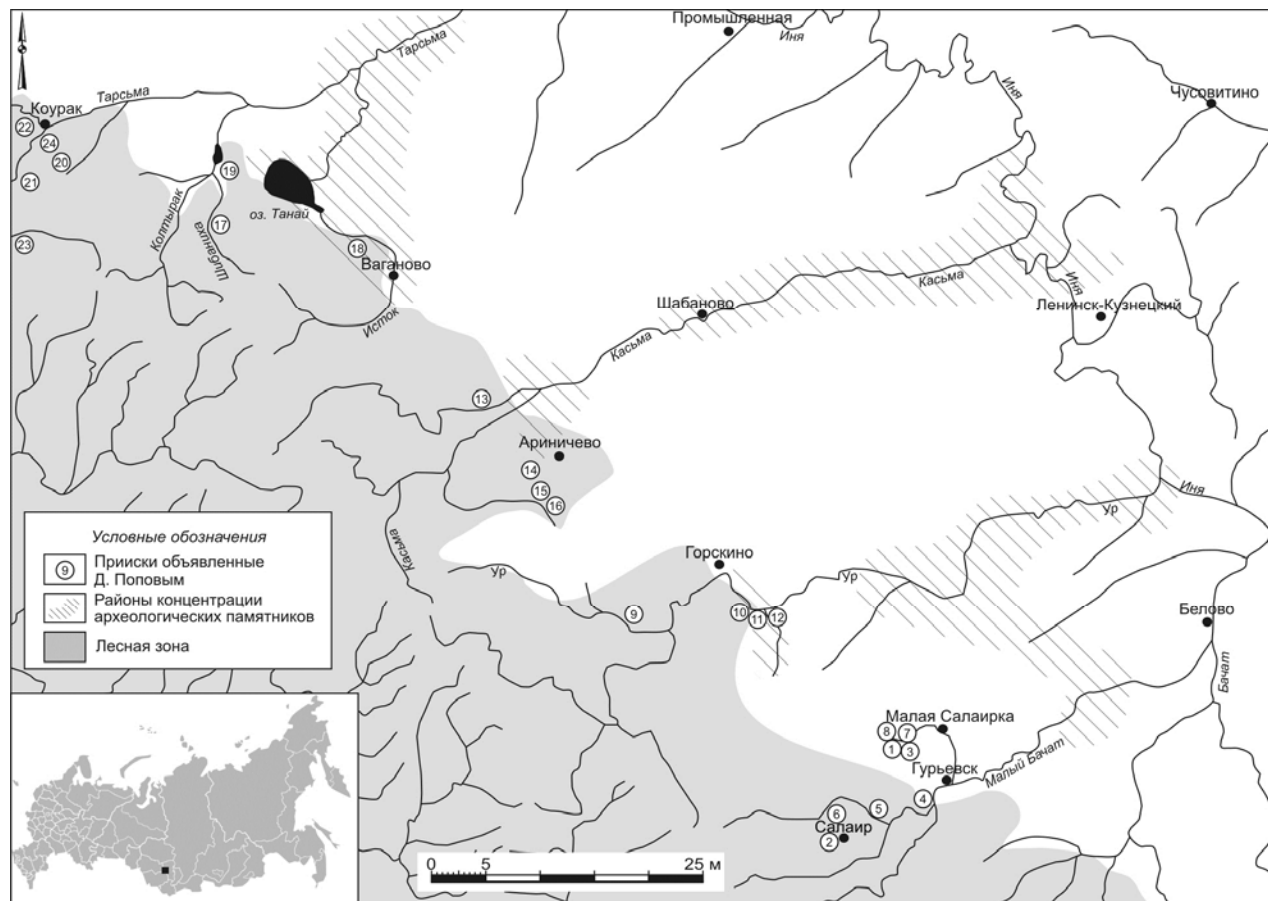

Рис. 1. Карта местонахождений полиметаллических приисков Д. Попова и районов концентрации археологических памятников в Северо-Восточном Присалаирье

Полиметаллические прииски северо-восточного Присалаирья, объявленные рудознатцем Д. Поповым:

1. Бачатская группа.

1. «Бачатского ведомства от деревни Пестеревой расстоянием примерно в 15 в бору, а от томского завода в 45 верстах из чудских копей» [22. Л. 22]. Открыт в 1780 г.

2. Первый Салаирский рудник (1781 г.). «Рудник Салаирский состоит между речек Большой и Малой Талмовой, впадающих в Малый Бачат, от деревни Салаирской в полуденно-западную сторону в 13 верстах» [23. Л. 246 об.].

3. «При деревне Салаирской по течению реки Салаирки на правой стороне и поблизости дороги, едущей на Салаирский рудник, расстоянием примерно в 3 от рудника в 10 верстах, а от дороги в 50 саженьях в плоской большой горе» [22. Л. 23 об.]. Открыт в 1784 г.

4. «В вершине реки Салаирки в плоской круглой горе» [Там же]. Открыт в 1784 г.

5. Каменушинский 1-й (1784 г.). «Поблизости реки Большой Талмовой по течению ее на левой стороне

расстоянием от реки в 1,5 от рудника Салаирского в северной части в 6 верстах в плоской горе поблизости каменных ворот не более 200 сажень» [Там же].

6. Каменушинский 2-й (1784 г.). «Поблизости Салаирского рудника в западной северной части в 1 версте в поперечь лежащей дороги, простирающейся сполдне на север между глинистыми шиферами» [Там же].

7. «Расстоянием от деревень Салаирской в 6,5, Новопестеревой в 12, а рудника Салаирского в 10 верстах по левую сторону вершин реки Большого Салаира, в плоской горе, на поверхности которой имеются древних народов посредственной величины 3 копи» [23. Л. 249 об.]. Открыт до 1785 г.

8. Чечулихинский прииск (1786 г.). «...к северу расстоянием от рудника (Салаирского. — П.Г., А.С.) в 11,5 верстах от деревни Салаирской в пяти по край степных мест находятся не малые чудские копи» [12. С. 43].

Большинство перечисленных приисков бачатской группы содержали медную руду. Из них для трех в

качестве ориентира отмечены древние выработки. Наибольшее затруднение вызывает интерпретация местонахождения, а также дальнейшая история приисков под № 1 и 7, расположенных в районе современной д. Малая Салаирка. Первый, указанный в списке Попова, был найден в 1780 г. Проблема локализации этого прииска заключается в том, что он единственный из всех привязан по расстоянию к далекому Томскому заводу, а не к Салаирскому руднику (так как последний еще не был открыт). В связи с этим, вероятно, велика погрешность в указанном расстоянии. Это затрудняет поиск соответствий ему в других списках, в частности в журнале Бессонова. Поскольку Бессонов сам посещал ранее объявленные прииски, в их описание были внесены коррективы. Наиболее вероятно, что поповскому прииску № 1 соответствует бессоновский № 7 [24], так как все остальные прииски, объявленные Поповым до 1785 г., в журнале Бессонова присутствуют. Другой прииск, открытый по чудским копиям, – Чечулихинский (№ 8) – известен нам только по литературе. Его локализация совпадает с расположением приисков № 1 и 7. В связи с этим также велика вероятность, что это один и тот же прииск. Мы побывали на нем осенью 2013 г. и обнаружили свидетельства его разработки как в древности, так и в XVIII в. [17. С. 163].

Кроме приисков, открытых Д. Поповым, в этом районе известно еще одно месторождение, открытое по чудским копиям, объявленное в 1787 г. бергайрами А. Харитоновым и Ф. Сергеевым, – Харитоновский прииск № 2 [15. С. 322]. Любопытно, что о факте обнаружения данного прииска именно по чудской копии известно нам только из публикации. Мы не нашли архивного документа, на который опираются в своем описании Б.С. Митропольский и М.К. Паренаго. В то же время по другим спискам такое обстоятельство обнаружения 2-го Харитоновского прииска не упоминается. Так или иначе, вне зависимости от количества приисков, открытых по чудским копиям, есть факт наличия последних в районе с. Салаирское (в настоящее время – с. Малая Салаирка). Очевидно, что уже одно свидетельство разработки саларских руд в древности дает основание полагать наличие других, аналогичных, пока не известных нам местонахождений.

II. Урская группа.

1. Горский (1784 г.). «От деревни Горской к западу в 15 верстах по течению р. Ура, на левой стороне в 1 версте» [25. Л. 20].

2. «...по течению речки Уру на правой стороне примерно от Салаирского рудника в 32, а от речки Уру в двух верстах» [26]. Открыт в 1799 г.

3. «...от упомянутого первого (№ 10. – П.Г., А.С.) к северо-западу в 120 саженях из чудской копии мелочь» [Там же]. Открыт в 1799 г.

4. «...от 2-го (№ 11. – П.Г., А.С.) в полуденную сторону примерно в одной версте из чудской копии» [Там же]. Открыт в 1799 г.

Из четырех приведенных приисков по р. Уру только № 9 известен из работ [14. С. 434; 15. С. 75]. Три других месторождения упоминаются в двух архивных документах, в которых описываются штуфы, доставленные Д. Поповым из объявленных им приисков. Два штуфа – из приисков № 11 и 12 – происходят из чудских копий, расположенных друг от друга в пределах одного километра. Таким образом, перед нами еще одно письменное свидетельство добычи руды на Салаире в древности.

III. Касьминская группа.

1. Дурновский (1784 г.). «При деревне Дурновой расстоянием от оной в западную сторону в 3, а от Салаирского рудника в прямую линию в 40 верстах в плоской круглой горе» [22. Л. 23].

2. Копенный (1784 г.). «...исполку горы той же Большой копны с западную сторону расстоянием от деревни Ориничей в 6 верстах» [Там же].

3. «Расстоянием от первого (№ 17. – П.Г., А.С.) в 2 верстах к полдню в плоской продолговатой горе» [Там же]. Открыт в 1784 г.

Группа приисков, выявленных Д. Поповым в районе д. Ариничевой, самая незначительная. Для этого района упоминания о древних выработках отсутствуют.

IV. Тарсьминская группа.

1. Шибановские № 1–8 (1784, 1786, 1788 гг.). Прииски расположены на правом берегу р. Шибанихи [22. Л. 22, 22 об.; 27. Л. 91–93 об.].

2. Журавлевский (1784). «При Танаевом озере которой заросле болотом в круглой и плоской горе расстоянием от деревни Устиновой в 10 Вагановой в 8 верстах по краю кряжей» [22. Л. 22 об.].

3. Колтырацкий (1784). «При деревне Колтыракской по течению речки Колтыраку на правой стороне расстоянием от деревни и от речки в 50 саженях в плоской горе» [Там же].

4. Елташевский (1784). «Поблизости реки Тарсьмы и между деревнями Мокрушиной новостроящейся Елташевой и Коуракской от Салаирского рудника в 85 верстах. От деревни новой Елташевой расстоянием в 1,5 верстах по течению реки Тарсьмы на правой стороне, при лугу в плоском мысу» [Там же].

5. «От оного (№ 19 – П.Г., А.С.) выше по речке Тарсьме в 3 от деревень Мокрушиной в 5 Коуракской в 8 верстах в близости называемого крестьянами Белого ключа в 0,5 версте в плоских разбивных горах» [Там же]. Открыт в 1784 г.

6. «В близости деревни Коуракской по течению речки Коураку на левой стороне от речки и от деревни в 0,5 версте в поскотине в плоском мысу» [22. Л. 23]. Открыт в 1784 г.

7. Коуракский 1-й (1784 г.). «Между речками Фролихой и Крутихой, впадших в Тарсьму, в плоской продолговатой с небольшими переломами горе» [Там же].

8. Коуракский 2-й (1784 г.). «От деревни Коуракской в полдень. При речке Тарсьме по течению на правой стороне в плоской шиферной горе» [Там же].

Район оз. Танай занял особое место в поисковой биографии Д. Попова. Здесь он обнаружил почти половину объявленных им приисков. Никакой информации о чудских копиях на объявленных месторождениях нет.

В двух из четырех выделенных нами районов концентрации месторождений, открытых Д. Поповым, известны чудские копи. Если рассматривать приуроченность памятников археологии к местам локализации древних рудных выработок, то обнаруживается следующий диссонанс. Для районов с хорошо известной металлургией бронзы – течение р. Касьмы и район оз. Танай – нет указаний на древние рудные выработки. В то же время с незначительно исследованным в археологическом отношении районом Малой Салаирки и небогатыми на бронзовые изделия памятниками течения р. Ура территориально связаны прииски, открытые по чудским копиям. Очевидно, что полученная картина искажена, в первую очередь, из-за незначительного количества имеющихся сведений о древних рудных выработках в Северо-Восточном Присалаирье. В этом отношении показателен район оз. Танай, вблизи которого Д. Поповым было открыто 15 месторождений. Восемь из них, по р. Шибанихе, расположены в непосредственной близости от оз. Танай, на берегу которого раскопаны большие площади поселений и множество погребений эпох палеометалла и Средневековья. Отсюда происходят многочисленные бронзовые изделия, а также, что принципиально важно, объекты бронзолитейного производства [28]. Поэтому, несмотря на отсутствие прямых указаний в письменных источниках о нахождении близ оз. Танай чудских копий, наличие большого количества выходов медной руды, обнаруженных непрофессионалом Д. Поповым, позволяет предполагать осведомленность древних металлургов об этих месторождениях.

Проведенные архивные изыскания, картографирование месторождений обнаруженных рудознатцем Д. Поповым и сопоставление их с распространением археологических памятников Северо-Восточного Присалаирья, а также полевое обследование Чечулинского прииска позволяют сделать следующие выводы:

1) Большое количество памятников эпох палеометалла и Средневековья, концентрирующихся на территории

Присалаирья, наличие бронзолитейных комплексов и их отдельных предметов свидетельствуют о наличии местного производства изделий из бронзы. Развитие бронзолитейного производства предполагало осуществление самостоятельной (местной) добычи сырья или его импорт из близлежащих регионов. Представляется маловероятным, что при наличии значительных залежей медных руд и высокой плотности освоения территории северо-восточного Присалаирья древнее население не имело представлений о местных залежах руды и не использовало ее в бронзолитейном деле. Учитывая широкое распространение в обиходе изделий на основе меди, очевидна постоянная необходимость в руде для их производства, которая могла полностью или частично решаться за счет местных источников сырья.

2) Архивные документы являются важным источником информации о древних рудных выработках. Среди открытых Д. Поповым приисков чудские копи упоминаются как минимум трижды. Этот факт говорит о наличии древних рудных выработок на Салаире и дает основание полагать, что они не были единичны. Для исследователей, изучающих вопросы древней металлургии, пример обывателя Д. Попова является еще одним косвенным доказательством знаний коренного населения о месторождениях полезных ископаемых. Причем ссыльный Д. Попов находился в гораздо менее выгодном положении, чем древние металлурги, знание местности которыми сомнений не вызывает.

В результате анализа архивных материалов гипотеза об использовании салаирских руд в древности получила еще два аргумента. Первый заключается в упоминании древних выработок на медь в описании приисков Д. Попова. Второй связан с локализацией наиболее доступных рудных месторождений в районах с наибольшей концентрацией памятников археологии, в частности вблизи оз. Танай. Нам представляется, что основным направлением в поиске новых источников по палеометаллургии Северо-Восточного Присалаирья является полевое обследование месторождений меди, открытых в XVIII в. Последующий анализ руды, полученной из приисков Д. Попова, а также археологические работы на месте их обнаружения позволят сделать окончательный вывод о времени освоения и важности местного сырья для древних металлургов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мукаева Л.Н. Горно-поисковое дело Кабинета на Алтае в досоветское время. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2008. 344 с.
2. Малеев Л. Алтайский горный округ. СПб. : Электро-типогр. Н.Я. Стойковой, 1909. 28 с.
3. Грушин С.П. Рудно-Алтайский горно-металлургический центр и афанасьевские очаги металлургии // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Вектор Бук, 2007. Вып. 3. С. 92–96.
4. Кальве Г.Г. Несколько слов о древних рудниках в Сибири // Отечественные записки. СПб., 1825. Ч. 22. С. 372–419.
5. Левитский Л.П. О древних рудниках (в помощь первооткрывателю). М. ; Л. : Госгеолитиздат, 1941. 56 с.
6. Шангин А.А. Описание Колывано-Воскресенских рудников с практическими замечаниями и рассуждениями производства различных работ с планами рудников. М., 1808. 84 с.
7. Спасский Г.И. О чудских копиях Сибири // Сибирский вестник. 1819. Ч. 7. С. 1–20, 123–161.
8. Щуровский Г.Е. Геологическое путешествие по Алтаю с историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах. М. : Тип. ун-та, 1846. 426 с.
9. Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1949. 111 с.
10. Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимирова на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск : ТГУ, 2002. 120 с.

11. Грушин С.П. Историко-культурные комплексы на горе Пихтовая в контексте проблемы изучения объектов древнего горнорудного дела // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Азбука, 2005. Вып. 1. С. 153–157.
12. Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1801. Ч. 3. 349 с.
13. Лавров Н. О древнейшем горном производстве в горах Колывановоскресенского горного округа, в горах Нерчинского горного округа, на Урале и в Екатеринославской губернии // Записки Минералогического общества. 1874. Сер. 2. Ч. IX. С. 120–143.
14. Мамонтов В.Н. Список рудных месторождений Алтайского округа (золото, серебро, медь, свинец и цинк). Барнаул : Тип.-лит. Главного управ. Алтайск. округа, 1908. 493 с.
15. Митропольский Б.С., Паренго М.К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. Новосибирск : Запсиботделение, 1931. 463 с.
16. Геология СССР. М. : Недра, 1967. Т. XIV, Ч. II. 674 с.
17. Савельева А.С., Герман П.В. К вопросу о бронзолитейном производстве северо-восточного Присалаирья в эпоху палеометалла: историография и проблема рудных источников // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 6. С. 160–165.
18. Пяткин Б.Н. Результаты спектральных анализов бронзовых предметов из могильника Титово-1 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 63–66.
19. Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.
20. Шемелев В.И. История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1998. Вып. 1: документальное наследие Кузнецкого края. 368 с.
21. Сорокин М.Е. Рудознавец Дмитрий Попов // Ильичев А.И., Соловьев Л.И. География Кемеровской области: Природные условия и ресурсы : учеб. пособие. Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1994. С. 183–187.
22. Роспись найденным ссыльным Поповым приискам // Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 163. Оп. 1. Д. 136. Л. 22–24.
23. Журнал объявленным разными изобретателями рудным приискам // ГAAK. Ф. 169. Оп. 1. Д. 362а. Л. 240–257.
24. Савельева А.С., Герман П.В. Об одном местонахождении «чудских» копей в восточных предгорьях Салаира // Материалы III Инновационного конвента. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2013. С. 516–518.
25. Опись о рудниках и приисках рудных и других в заведывании Салаирской горной конторы состоящих. Сост. 17 ноября 1893 г. // ГAAK. Ф. 1. Оп. 3. Д. 36. Л. 15–40.
26. Разные документы // Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-6. Оп. 1. Д. 5. Л. 128–130, 160, 161.
27. Осмотренные и частью разработанные прииски во время партии обер-штейгера Быкова в 1814 году принадлежащие к салаирскому руднику // ГAAK. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1622. Л. 89–187.
28. Бобров В.В. Комплекс бронзолитейного производства из поселения Танай 4 (по результатам раскопок 1993 г.) // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 36–38.

German Pavel V., Savel'eva Anna S. Institute of Human Ecology SB RAS (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lithos@mail.ru, E-mail: antverpen@mail.ru

PROSPECTOR DMITRY POPOV AND ANCIENT ORE MINES: TO THE PROBLEM OF ANCIENT ORE MINES IN NORTHEAST SALAIR FOOTHILLS.

Keywords: northeast Salair foothills; ancient ore mines; polymetallic fields; archival documents; prospector Dmitry Popov; archaeological sites; ancient bronze metallurgy.

The article is devoted to one of the aspects of the problem of polymetallic ore deposits exploitation in the North-Eastern Pre-Salair in ancient times. On studying archival materials and publications of the XVIII-XIXth centuries, the authors indicate the important role of ancient mine workings established after the discovery of polymetallic ores in Altai. Written sources suggest that the majority of the ore deposits within this territory were found due to the discovery of the “chudskie kopi” - ancient ore workings. Until recently the historiography had no information about ancient copper workings in the North-Eastern Pre-Salair. Nevertheless, high concentration of archaeological sites and a great number of polymetallic ores manifestations give a reason to believe that some of the now known deposits were mined in ancient times. The history of polymetallic ore mining activities in the North-Eastern Pre-Salair is associated with the name of the convict Dmitry Popov. The paper gives the data of archival documents confirming the fact that the ore-expert D. Popov had fixed traces of ancient ore mines in the foothills of the Salair Ridge in the XVIIIth century. In addition, the list of old mines compiled by D. Popov indicates copper deposits which could be easily discovered even by a non-expert. Ore manifestations found by D. Popov were divided on an area basis. The first group – Bachatskaya – is located near the Village of Salairskoye (8 mines). The second – Urskaya group – includes the mines on the banks of the River Ur (4 mines). The third group – Kosminskaya – is located near the Village of Arinichevo down the River Kasma (3 mines). The largest (fourth) group – Tarminskaya – includes the mines down the River Tarsma and its tributaries surrounding Lake Tanai (15 mines). Only in the first and second groups there is clear evidence that the present mines were established on the sites of the “chudskie kopi”. However, not without reason the authors presuppose that the same principle could be adopted for the mine site development in the other area groups. Thus, the so-called “chudskie kopi”, the mapping of the above-mentioned list of mines and a high concentration of archaeological sites dating back to the Paleometal and the Middle Ages allow us to conclude that the ancient population of the North-Eastern Pre-Salair used raw materials from local workings in copper metallurgy. Further research of ancient metallurgy in the North-Eastern Pre-Salair suggests archaeological investigations of the old mine workings found in the XVIIIth century. The resulting archaeological data will make it possible to determine the beginning of polymetallic ore deposit mining process in the North-Eastern Pre-Salair.

REFERENCES

1. Mukaeva L.N. *Gorno-poiskovoe delo Kabineta na Altae v dosovetskoe vremya* [The Cabinet mining and searching activity in Altai in pre-Soviet times]. Gorno-Altaysk: GAGU Publ., 2008. 344 p.
2. Maleev L. *Altayskiy gornyy okrug* [The Altai Mining District]. St. Petersburg: Elektro-tipogr. N.Ya. Stoykovoy Publ., 1909. 28 p.
3. Grushin S.P. *Rudno-Altayskiy gorno-metallurgicheskiy tsentr i afanas'evskie ochagi metallurgii* [The Ore-Altai Mining and Metallurgy Centre and Athanasian Loci of Metallurgy]. In: Matveeva N.P. (ed.) *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen: Vektor Buk Publ., 2007. Issue 3, pp. 92-96.
4. Kal've G.G. *Neskol'ko slov o drevnikh rudnikakh v Sibiri* [Some words about ancient mines in Siberia]. *Otechestvennye zapiski*, 1825. Part 22, pp. 372-419.

5. Levitskiy L.P. *O drevnikh rudnikakh (v pomoshch' pervootkryvatelyu)* [On the ancient mines (to help the discoverer)]. Moscow, Leningrad: Gosgeolizdat Publ., 1941. 56 p.
6. Shagin A.A. *Opisanie Kolyvano-Voskresenskikh rudnikov s prakticheskimi zamechaniyami i rassuzhdeniyami proizvodstva razlichnykh rabot s planami rudnikov* [Description of Kolyvano-Voskresensky mines with practical observing and considering production of a variety of work with the plans of mines]. Moscow, 1808. 84 p.
7. Spasskiy G.I. *O chudskikh kopyakh Sibiri* [About Chud mines of Siberia]. Sibirskiy vestnik, 1819, Part 7, pp. 1-20, 123-161.
8. Shchurovskiy G.E. *Geologicheskoe puteshestvie po Altayu s istoricheskimi i statisticheskimi svedeniyami o Kolyvano-Voskresenskikh zavodakh* [Geological trip around Altai with historical and statistical information about Kolyvano-Voskresensky Plants]. Moscow: University Publ., 1846. 426 p.
9. Chernikov S.S. *Drevnyaya metallurgiya i gornoe delo Zapadnogo Altaya* [Ancient metallurgy and mining of Western Altai]. Alma-Ata: AN KazSSR Publ., 1949. 111 p.
10. Bazhenov A.I., Borodaev V.B., Maloletko A.M. *Vladimirovka na Altae – drevneyshiy mednyy rudnik Sibiri* [Vladymirovka in Altai – the Oldest Copper Mine in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2002. 120 p.
11. Grushin S.P. *Istoriko-kul'turnye komplekсы na gore Pikhtovaya v kontekste problemy izucheniya ob'ektov drevnego gornorudnogo dela* [Historical and cultural complexes on Pikhtovaya Mount in the context of studying ancient mining objects]. In: Kiryushin Yu.F. (ed.) *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Azbuka Publ., 2005. Issue 1, pp. 153-157.
12. German I. *Sochineniya o sibirskikh rudnikakh i zavodakh* [Compositions about Siberian mines and factories]. St. Petersburg, 1801. Part 3. 349 p.
13. Lavrov N. *O drevneyshem gornom proizvodstve v gorakh Kolyvanovoskresenskogo gornogo okruga, v gorakh Nerchinskogo gornogo okruga, na Urale i v Ekaterinoslavskoy gubernii* [On the ancient mining industry in the Mountains of Kolyvanovoskresensky Mining District, in the Mountains of Nerchinsky Mining District, in the Urals and Ekaterinoslavskaya Province]. *Zapiski Mineralogicheskogo obshchestva*, 1874. Series 2, Pt. IX, pp. 120-143.
14. Mamontov V.N. *Spisok rudnykh mestorozhdeniy Altayskogo okruga (zoloto, srebro, med', svinets i tsink)* [The list of ore deposits of the Altai District (gold, silver, copper, lead and zinc)]. Barnaul: Glavnoe Upravlenie Altayskogo okruga Publ., 1908. 493 p.
15. Mitropol'skiy B.S., Parenago M.K. *Polimetallicheskie mestorozhdeniya Altaya i Salaira* [Polymetallic Deposits of Altai and Salair]. Novosibirsk: Zapsibotdelenie Publ., 1931. 463 p.
16. *Geologiya SSSR* [Geology of the USSR]. Moscow: Nedra Publ., 1967. Vol. XIV, Pt. II, 674 p.
17. Savelieva A.S., German P.V. To the question of bronze foundry production in northeast Salair foothills of Ancient Metall Epoch: historiography and ore mines problem. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta - Bulletin KuzSTU*, 2013, no. 6, pp. 160-165. (In Russian).
18. Pyatkin B.N. *Rezultaty spektral'nykh analizov bronzovykh predmetov iz mogil'nika Titovo-1* [The results of spectral analyzes of bronze objects from the burial ground of Titovo-1]. In: *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [The ancient culture of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, pp. 63-66.
19. Bobrov V.V., Kuz'minykh S.V., Teneyshvili T.O. *Drevnyaya metallurgiya Srednego Eniseya (lugavskaya kul'tura)* [Ancient metallurgy of Middle Yenisei (Lugavskaya culture)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 99 p.
20. Shemelev V.I. *Istoriya Kuzbassa s drevneyshikh vremen do otneny krepostnogo prava* [History of Kuzbass from ancient times to the abolition of Serfdom]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1998. 368 p.
21. Sorokin M.E. *Rudoznatets Dmitriy Popov* [Dowser Dmitry Popov]. In: Il'ichev A.I., Solov'ev L.I. *Geografiya Kemerovskoy oblasti: Prirodnye usloviya i resursy* [Geography of Kemerovo Region. Natural resources]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1994, pp. 183-187.
22. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 163. List 1. File 136, pp. 22-24. (In Russian).
23. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 169. List 1. File 362a, pp. 240-257. (In Russian).
24. Savelieva A.S., German P.V. [On a location of "Chud" Mines in the Eastern Foothills of Salair]. *Materialy III Innovatsionnogo konventa: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet* [The Proc. of the 3rd Innovation Convention: Kemerovo State University]. Kemerovo, 2013, pp. 516-518. (In Russian).
25. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 1. List 3. File 36, pp. 15-40. (In Russian).
26. The State Archives of the Kemerovo Region (GAKO). Fund D-6. List 1. File 5, pp. 128-130, 160, 161. (In Russian).
27. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 1. List 2. File 1622, pp. 89-187. (In Russian).
28. Bobrov V.V. *Kompleks bronzoliteynogo proizvodstva iz poseleniya Tanay 4 (po rezul'tatam raskopok 1993 g.)* [Complex bronze casting from the settlement Tanay 4 (according to the results of excavations in 1993)]. In: *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 g.* [Review of the results of the field and laboratory studies of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 1995, pp. 36-38.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.Ю. Ижендеев

РЕЦЕНЗИЯ: ДМИТРИЕНКО Н.М. ТОМСКИЕ КУПЦЫ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с. 500 экз.)

Изучение сибирского купечества, начиная с 1990-х гг., переживает явный подъем: весьма однобокая трактовка купечества в советской историографии сменилась более взвешенным и объективным подходом. В связи с этим появление книги Н.М. Дмитриенко, посвященной томскому купечеству, является важным шагом на пути дальнейшего исследования проблемы.

В рецензируемой книге представлены биографии томских купцов со времени законодательного оформления купеческого сословия в последней четверти XVIII в. и до его упразднения в 1917 г. Биографические статьи содержат сведения о происхождении, времени вступления в гильдию, торгово-промышленной деятельности, семье. В некоторых случаях судьбы потомков купцов прослежены вплоть до конца XX в. Так, внучка томского купца Д.Е. Зверева, уехавшего вместе с семьей в 1919 г. в Китай, работала в Министерстве иностранных дел США, а его правнук Д. Калкбреннер, взявший фамилию Зверев, и в начале 2000-х гг. был генеральным секретарем Международного совета музеев. В каждой статье указываются коммерческие предприятия и занятия томских купцов. Здесь, помимо традиционных для Сибири занятий, можно встретить и довольно необычные. Например, П.П. Рукавишников в 1907 г. открыл в Томске первую в Сибири фабрику велосипедов, которые в 1908 г. взяли высшую награду на выставке в Брюсселе. С.Е. Сосулин устроил на Степановке сад с оранжереями и теплицами, а выращенные ананасы, виноград, лимоны, персики и другие фрукты использовал для себя и продавал в специальной лавке.

Как несомненное достоинство книги следует отметить то, что автор отнюдь не замыкается на коммерческой тематике. Значительное внимание в словаре уделено общественной деятельности купцов и тому вкладу, который они внесли в развитие Томска. В этом смысле книга показывает купца не только как предпринимателя,

но и как человека, который жертвовал значительные суммы на больницы и приюты, избирался попечителем образовательных учреждений, занимал различные общественные должности, участвовал в политической деятельности. В словаре содержится множество материалов об общественных деяниях купцов, об их самоотверженности и, без преувеличения, гражданском героизме. Так, А.М. Некрасов, будучи членом правления Томского добровольного пожарного общества и начальником одного из отрядов пожарной дружины, погиб во время тушения пожара на заводе Крюгера в 1901 г.

Несмотря на краткость и некоторую формализацию изложения, присущую словарно-биографическому жанру, в книге представлен целостный образ томского купечества. Работа, как говорят историки, основательно фундирована. Каждая статья снабжена списком источников информации, главнейшими из которых стали документы ГАТО, использованы и материалы современных исследователей проблемы. Интерес к чтению поддерживают и иллюстрации, подбору которых, судя по всему, было уделено значительное внимание. Фотографии были найдены в Томском областном краеведческом музее, в музеях ТГУ, Государственном архиве Томской области, а также получены автором от потомков купцов. Производилась и специальная фотосъемка Г.Г. Листвиным. Используя старые и специально сделанные для книги фотографии, автор показала влияние купцов на архитектурный облик Томска, выявила адреса домов, построенных на купеческие средства и до сих пор являющихся украшением города.

Нужно отметить удачный дизайн книги и стильную обложку, выполненные О.Е. Нечаевой.

Считаю, что биографический словарь будет интересен как профессионалам-историкам, так и всем интересующимся краеведческой тематикой. Думается, что и современные «купцы» смогут найти в нем много поучительной и интересной информации.

Izhendeev Aleksey Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: takedo@sibmail.com

REVIEW: DMITRIENKO N.M. TOMSK MERCHANTS: BIOGRAPHICAL GLOSSARY (THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY – BEGINNING OF THE XX CENTURY). TOMSK : PUBLISHING HOUSE TOMSK UNIVERSITY, 2014. 336 p.

В.И. Баяндин, А.В. Запороженко

**КОНФЕРЕНЦИЯ «СИБИРЬ И ВОЙНЫ XIX–XX ВЕКОВ»
(г. НОВОСИБИРСК, 8–10 июня 2014 г.)**

8–10 июня 2014 г. в Новосибирске состоялась Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Сибирь и войны XIX–XX веков», посвященная 100-летию начала Первой мировой войны и 200-летию окончания войны с Наполеоном. Организаторами научной конференции являлись: Институт истории СО РАН, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ) и Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Подготовка конференции велась с лета 2013 г. В программу были включены доклады 84 исследователей. В конференции приняли участие ученые из Австрии, Великобритании, Казахстана, Польши, Франции. Российские исследователи представляли Санкт-Петербург, Ульяновск, а также многие города Сибири и Дальнего Востока (Барнаул, Бийск, Владивосток, Иркутск, Кемерово, Красноярск, Куйбышев, Новосибирск, Омск, Томск, Улан-Удэ, Ханты-Мансийск, Якутск). К началу работы научной конференции был подготовлен и издан сборник, в который вошли тезисы выступлений 61 участника научной конференции.

Перед началом работы конференции ректор НГПУ, профессор А.Д. Герасёв, открыл выставку, подготовленную коллективом преподавателей и сотрудников Института истории, гуманитарного и социального образования НГПУ. Экспонаты выставки состояли из трех частей.

Первая часть включала копии акварелей немецкого художника Г.-Э. Опица. В ней были представлены 24 работы художника, которые были написаны в Париже весной 1814 г. и посвящены различным эпизодам, связанным с пребыванием русских войск во Франции после разгрома Наполеона.

Вторая часть выставки содержала фотографии карикатурных карт Европы накануне и в годы Первой мировой войны. В эту экспозицию вошли 22 карты-карикатуры, изданные в разных странах мира: Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Португалии, России, Японии.

Последняя, третья часть экспозиции, была посвящена плакатам, выпущенным в годы Первой мировой войны. В эту часть выставки были включены 34 плаката военных лет. Помимо российских, были представлены плакаты из Австро-Венгрии, Германии, Великобритании, Италии, США и Франции.

Кроме того, на 3-м этаже исторического факультета НГПУ была развернута выставка листов календаря, который директор Института детства НГПУ профессор Р.О. Агавелян подарил коллективу Института истории,

гуманитарного и социального образования (ИИГСО) НГПУ. Это памятный исторический календарь, посвященный 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г. Разноцветные листы из календаря, изданного по инициативе фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы, украсили стены аудиторий, где проходят занятия студентов-историков.

Открытие конференции и пленарное заседание проходили в зале заседаний Ученого совета ФГБОУ ВПО НГПУ. Приветственное слово участникам научной конференции произнес проректор по научной работе НГПУ, доктор философских наук, профессор Б.О. Майер.

В рамках пленарного заседания с докладом «Трансформация общественных настроений сибиряков во время Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.)» выступил доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории России второй половины XIX – начала XX в. Института истории СО РАН, зав. кафедрой истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета М.В. Шиловский. Докладчик указал на широкое распространение различных слухов о немецких шпионах и вражеских аэропланах, которых «очевидцы видели» в Сибири, подчеркнул возросшую роль периодической печати и кинематографа в распространении информации о начавшейся войне. Было отмечено, что война способствовала процессу эмансипации российских женщин, трансформации их в самостоятельный субъект экономических и социальных отношений. М.В. Шиловским были выявлены отличия в позициях разных слоев населения Сибири в их отношении к начавшейся войне.

Доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета Л.М. Дамешек выступил с докладом «Первая мировая война и сибирские инородцы», в котором охарактеризовал позиции местных и центральных учреждений по проблеме привлечения представителей коренного населения Сибири и Дальнего Востока к военной службе в царской армии. Как известно, этот вопрос активно обсуждался на разных уровнях в 70–90-х гг. XIX в., но так и не был решен к началу Первой мировой войны.

Интересным было сообщение, представленное доктором исторических наук, профессором, директором ИИГСО НГПУ, зав. кафедрой Отечественной истории О.Н. Катионовым «Убитые, раненые и пропавшие без вести солдаты Первой мировой войны из Томской губернии в 1914–1915 гг. в списках РНБ и РГБ». Докладчик поднял весьма актуальный вопрос о составлении списка сибиряков, сложивших свои головы на полях

сражений Первой мировой войны. Как известно, составлением таких списков сегодня занимаются некоторые исследователи и краеведы, но необходим более комплексный и масштабный подход к решению этой проблемы, что возможно лишь при соответствующей поддержке со стороны государственных структур. Автор обратил внимание на необходимость установить памятные, мемориальные доски в местах, где проходило формирование сибирских воинских частей, сыгравших заметную роль в сражениях Первой мировой войны.

Из иностранных участников конференции на пленарном заседании выступил профессор Стефан Карнер, руководитель Института Людвиг Больцмана по исследованию последствий войн (г. Грац, Австрия). Тема доклада – «Военнопленные австрийской императорской армии в Сибири в период Первой мировой войны и военнопленные австрийцы – военнослужащие германского вермахта в Сибири в период Второй мировой войны». Выступление профессора из Австрии, который имеет богатый опыт работы в архивах своей страны, аудитории было встречено с большим вниманием. Были представлены результаты многолетних поисков данных не только австрийских военнопленных, оказавшихся в российском плену, но и русских, и советских военнопленных, которые, попав в плен, были размещены в лагерях на территории Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны и на австрийских землях в годы Второй мировой войны. Докладчик также ответил на ряд вопросов, которые появились у слушателей. Налаживанию контакта с аудиторией помогло и то, что австрийский профессор выступал на русском языке.

Пленарную часть конференции завершило выступление старшего научного сотрудника военно-исторического отдела Дома офицеров Новосибирского гарнизона Министерства обороны РФ Ю.А. Фабрики на тему: «Новониколаевск переобременен войсками...». В своем ярком и эмоциональном выступлении докладчик осветил некоторые стороны жизни сибиряков в тылу в годы Первой мировой войны. Следует подчеркнуть, что участники научной конференции получили в дар от ее организаторов последнюю книгу этого автора «Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг.», которая была издана в мае 2014 г. Желающие могли получить автограф автора.

После завершения работы пленарного заседания группа представителей Ново-Николаевского военно-исторического клуба и клуба исторического фехтования провели демонстрацию военной формы разных стран. Участникам конференции была представлена форма гусарских полков французской и русской армий начала XIX в., офицерская форма русской армии в эпоху Крымской войны и полевая русская офицерская форма времен Первой мировой войны. Участники презентации военной формы, усилиями которых она была изготовлена, дали соответствующие пояснения и ответили на вопросы заинтересованных зрителей.

Секционные заседания были организованы по пяти направлениям. *Первой секцией* «Современные тенденции в изучении военной истории» руководил доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ИИГСО К.Б. Умбрашко. Доктор исторических наук Е.А. Дегальцева (г. Бийск) представила доклад о боевой деятельности в годы Первой мировой войны А.Н. Пепеляева. Профессор К.Б. Умбрашко выступил с докладом «Военная история Новониколаевска начала XX века: историографический аспект», в котором отметил заметный рост интереса исследователей к военной тематике, что отразилось на количественном и качественном уровне публикаций в последние десятилетия.

Хотелось бы подчеркнуть, что на конференции были представлены доклады молодых исследователей, аспирантов и дипломников, подготовленные совместно с научными руководителями. В первой секции подобных докладов было два. Студент 5-го курса ИИГСО НГПУ А.И. Колгунов вместе с научным руководителем кандидатом исторических наук, доцентом ИИГСО А.В. Запороженко подготовил сообщение «Огнестрельное оружие русской и французской армий в 1812–1814 гг.». Интересные сведения и факты о реорганизации французской артиллерии, проведенной Наполеоном, авторы подкрепили материалами собственных изысканий в музеях и библиотеках столицы Франции. Студентка 5-го курса ИИГСО Л.И. Грищенко со своим научным руководителем кандидатом исторических наук, доцентом кафедры отечественной истории ИИГСО НГПУ З.П. Горьковской представила доклад «Эмоции страха и способы преодоления страха смерти участниками войны 1812 года», в котором рассматривался психологический аспект военных действий 1812 г.

Работой *второй секции* «Первая мировая война: геополитика и международные отношения» руководил кандидат исторических наук, ученый секретарь оргкомитета конференции старший научный сотрудник Института истории А.К. Кириллов. Наибольший интерес и дискуссию вызвали доклад Т.И. Андреевой «Военно-стратегический фактор железнодорожного строительства в Азиатской России в конце XIX – начале XX в.» и выступление С.К. Канна на тему «Военно-политические аспекты сооружения Сибирской железной дороги (конец XIX – начало XX в.)». Если авторы докладов настаивали на преимущественном значении военных аспектов в строительстве Транссиба, то их оппоненты делали упор на экономическое значение дороги. Следует также отметить доклад кандидата исторических наук А.К. Кириллова, посвященный интересному аспекту информационной войны, которая велась на рубеже XIX–XX вв. против России. На этой секции был представлен доклад доцента В.И. Баяндина из НГПУ «Сибирские новобранцы накануне 1914 года: последний набор мирного времени».

Работу *третьей секции* «Экономическое развитие сибирского региона в военные годы» возглавлял профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой Сибирского государственного университета путей сообщ-

щения (г. Новосибирск) А.В. Добровольский. Большой интерес участников вызвало выступление кандидата исторических наук П.А. Афанасьева (г. Барнаул) с докладом «Кабинет Его императорского Величества и Алтайский округ в годы Первой мировой войны». В докладе были представлены новые материалы об эффективной экономической политике, которую проводило руководство Кабинета. Новые исторические аспекты по истории Забайкалья и коренного населения Сибири были представлены в сообщениях научных сотрудников Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН доктора исторических наук Л.В. Кальминой и А.М. Плехановой.

Руководитель секции А.В. Добровольский выступил с докладом «Сибирская железная дорога в начале Первой мировой войны (1914–1915 гг.)». В работе секции участвовали как маститые ученые, так и молодые исследователи, студенты-историки выпускного курса ИИГСО: М.А. Рожков выступил с интересным сообщением «Первая мировая война: русские летчики в небе Франции», а М.В. Бондаренко представила сообщение «Весна 1814 года: штурм и взятие Парижа войсками союзников».

Работой *четвертой секции* «Повседневность сибирского тыла» руководил зам. председателя оргкомитета конференции, доктор исторических наук, профессор М.В. Шиловский. Были представлены доклады А.А. Луценко о военнопленных австрийской армии в 1914 г. и Е.А. Съемщикова о реорганизации системы уездного управления в Сибири в годы войны и др. Интересный исторический материал о пребывании пленных наполеоновской армии в Сибири представил доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного технического университета Д.М. Колупаев «Пленные Великой армии Наполеона в Сибири в XIX в.». Автор проследил судьбу нескольких поколений военнопленных (французов, поляков), высланных в Сибирь и оставшихся в ней навсегда. Кандидат исторических наук, доцент В.И. Шашков (г. Новосибирск) представил доклад «Православная церковь в Сибири в годы Первой мировой войны», в котором было отмечено нарастание сопротивления сибиряков деятельности православной церкви. Преподаватели Восточно-Сибирского института МВД РФ (г. Иркутск) доктор исторических наук В.В. Сииченко и кандидат исторических наук А.В. Кузнецов представили доклад, посвященный побегам военнопленных из лагерей Восточной Сибири и Дальнего Востока в годы Первой мировой войны. Старший преподаватель Красноярского педагогического университета Д.Ю. Хоменко в докладе «Антиеврейская истерия» в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны» выделил социально-экономические причины этого явления.

Пятая секция «Новые источники по военной истории и методы их анализа» работала под руководством

доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории НГПУ Н.Н. Родигиной. В докладе доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института истории СО РАН Н.П. Матхановой вниманию слушателей был предложен малоизвестный материал о деятельности бюро печати Татьянинского комитета – организации, которая оставила заметный след в помощи беженцам Первой мировой войны. Руководитель секции, профессор Н.Н. Родигина представила интересный доклад «Дети о войне / детям о войне: репрезентация войн и революций начала XX в. в журнале “Задушевное слово”». Обзор и анализ различных источников был основным объектом внимания большинства участников этой секции. Кандидат исторических наук, зам. директора ИИГСО НГПУ О.Н. Сидорчук представила доклад «Публикации и иллюстрации “толстых” и “тонких” журналов об основных событиях Первой мировой войны»; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН И.Р. Соколовский – о поляках в Томске в годы войны; ассистент ИИГСО НГПУ Р.Ю. Смагин дал обзор источников о службе военных топографов на рубеже XIX–XX вв.; старший научный сотрудник НГКМ Н.А. Минина и ведущий методист того же музея Н.В. Ермакова в своих выступлениях рассказали о музейных коллекциях экспонатов, связанных с Первой мировой войной; директор музейного комплекса г. Куйбышева (Новосибирская область) – о жителях Каинского уезда, участниках Первой мировой войны.

Итоги работы конференции были подведены при проведении круглого стола, где были представлены отчеты руководителей секций и принята итоговая резолюция. Было решено опубликовать материалы конференции в двух вариантах: в электронном журнале «Вестник НГПУ» и в печатном виде, как сборник, который будет формировать Сектор истории второй половины XIX – начала XX в. Института истории СО РАН. Было также озвучено мнение периодически проводить конференции по военной истории Сибири и России в связи с возникшим в обществе интересом к военной истории Отечества и выражена надежда, что год столетия начала Первой мировой войны позволит восстановить в памяти наших современников почти забытые страницы героической борьбы народов России, в том числе сибиряков, в той уже далекой войне.

Оргкомитет конференции предложил гостям большую культурную программу, которая включала три экскурсии: по историческим и памятным местам Новосибирска (В.И. Баяндин), по Академгородку (А.В. Запорожченко) и в Музей истории Сибирского военного округа, которую провел старший научный сотрудник музея, автор ряда книг по военной истории Сибири, Ю.А. Фабрика. Кроме того, желающие могли побывать на спектаклях ведущих театральных коллективов Новосибирска.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДАШКИН Андрей Александрович, аспирант кафедры политических наук Челябинского государственного университета. E-mail: adrianmaricka@mail.ru

АНДРОНОВ Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: orgizomenos@gmail.com

АННЕНКОВ Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального технического университета Харьковского политехнического института. E-mail: agoal@mail.ru

АФАНАСЬЕВ Александр Лукьянович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: afal_2007@mail.ru

БАЯНДИН Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ilan-sib@rambler.ru

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан. E-mail: azbeisenov@mail.ru

ВАГАНОВ Александр Александрович, аспирант Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: vaganov.aleksandr.88@mail.ru

ГЕРМАН Павел Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН (г. Кемерово). E-mail: lithos@mail.ru

ДАМЕШЕК Ирина Львовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Иркутской государственной академии педагогического образования. E-mail: levdameshkek@gmail.com

ДАМЕШЕК Лев Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameshkek@gmail.com

ЗАПОРОЖЧЕНКО Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: zangler@yandex.ru

ИЖЕНДЕЕВ Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: takedo@sibmail.com

КАЗИЕВ Саттар Шарниязович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева. E-mail: sattarkaz@mail.ru

КАН Валерия Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии и политологии Тувинского института гуманитарных исследований. E-mail: kan-tuva@mail.ru

КАРНИШИНА Наталья Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета. E-mail: karnishins@mail.ru

КУРЕНКОВ Артем Валериевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: art_1987@inbox.ru

ПЕЧЕРСКИЙ Владимир Арнольдович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. E-mail: volody75.75@mail.ru

РАСЧЕСОВА Марина Владимировна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: m-04@yandex.ru

САВЕЛЬЕВА Анна Сергеевна, ведущий инженер лаборатории археологии Института экологии человека СО РАН (г. Кемерово). E-mail: antverpen@mail.ru

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры спортивных дисциплин Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

ЩАВИНСКАЯ Людмила Борисовна, соискатель кафедры истории России и политологии, преподаватель кафедры иностранных языков общеобразовательного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: kononova@inbox.ru

ЩЕРБИН Николай Макарович, кандидат исторических наук, заведующий сектором «Музей СО РАН» Института истории СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: SchchNM@yandex.ru

ЮШНИКОВ Александр Викторович, старший лаборант кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: musaklio@sibmail.com

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2014. № 5 (31)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик П.П. Румянцев
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 29.08.2014 г. Формат 60х84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 15; усл. печ. л. 13,95.

Тираж 60 экз. Заказ № ?.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28